

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК
И ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

**Современные направления развития
криминалистических методик
и технологий
в уголовном судопроизводстве**

Монография

Красноярск
СФУ
2020

УДК 343.9
ББК 67.52
С568

Коллектив авторов: Д. В. Ким; А. И. Баянов; Н. М. Букаев; Ю. П. Гармаев; Н. С. Железняк; Л. П. Климович; Н. Ю. Лебедев; А. Д. Назаров; Ф. Г. Аминов; Р. Л. Ахмедшин; Н. Ю. Волосова; С. И. Давыдов; А. С. Князьков; Я. М. Мазунин; Е. В. Смахтин; Н. П. Яблоков; Н. В. Ахмедшина; П. Г. Великородный; С. И. Винокуров; И. А. Журавлева; И. Г. Иванова; Е. Е. Космодемьянская; И. Т. Кривошеин; Л. В. Майорова; Я. М. Плошкина; В. Б. Стукалин; В. Л. Юань; Т. А. Алексеева; М. Г. Арутюнян; И. В. Стукалин

Рецензенты:

Д. А. Степаненко, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института государства и права Байкальского государственного университета, заслуженный юрист Иркутской области;

Н. Г. Стойко, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

С568 **Современные направления развития криминалистических методик и технологий в уголовном судопроизводстве** : монография / под науч. ред. Д. В. Кима ; отв. ред. А. И. Баянов. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — 244 с.
ISBN 978-5-7638-4273-9

Рассмотрены концептуальные положения и перспективные направления развития и совершенствования криминалистических методик и технологий, взаимодействие криминалистической методики с методиками предупреждения преступлений, а также частные методики расследования преступлений.

Предназначена для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, а также студентов юридических вузов и факультетов высших учебных заведений.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 343.9
ББК 67.52

ISBN 978-5-7638-4273-9

© Сибирский федеральный университет, 2020

Оглавление

Предисловие.....	8
------------------	---

Глава 1. Историко-мировоззренческие предпосылки становления и развития категориального аппарата криминалистической методики	10
1.1. Установки власти в области уголовного судопроизводства и ведения предварительного расследования.....	13
1.2. Кадровая политика и характеристика кадрового состава.....	15
1.3. Культурная революция и ее влияние на становление криминалистики и криминалистической методики	18
1.4. Требования к научно-криминалистическим знаниям	18
1.5. Генерализация (научная рационализация) и концептуализация криминалистической методики.....	21

Глава 2. Перспективные направления в развитии криминалистической методики.....	26
2.1. Преодоление обвинительного уклона в криминалистической методике.....	26
Список использованных источников	30
2.2. Диагностика конфликтов в криминалистической методике.....	31
Список использованных источников	38
2.3. Особенности криминалистической тактики в условиях цифрового мира	38
Список использованных источников	47
2.4. Экономический анализ в расследовании преступлений	47
Список использованных источников	53
2.5. Перспективные направления в развитии частной криминалистической методики	55
Список использованных источников	69
2.6. Криминалистическое обеспечение как одно из условий повышения эффективности судебного разбирательства	70
Список использованных источников	82
2.7. Проблемы следственных и судебных ошибок в процессе реализации криминалистических методик.....	85
Список использованных источников	94

Глава 3. Ситуационный подход в криминалистической методике	95
3.1. Типизация оперативно-розыскных ситуаций в частной криминалистической методике	95
Список использованных источников	101
3.2. Классифицирование следственных ситуаций как предпосылка формирования и совершенствования частных криминалистических методик	102
3.3. Классификация судебных ситуаций и их место в системе криминалистики.....	115
Глава 4. Современные технологии в криминалистической методике	127
4.1. Теоретические и прикладные аспекты заключения полиграфолога	127
Список использованных источников	132
4.2. Защита личных прав при использовании электронной информации в расследовании преступлений.....	133
Список использованных источников	143
4.3. Техничко-криминалистические возможности исследования реквизитов документов, изготовленных на печатающих устройствах.....	143
Список использованных источников	149
Глава 5. Криминалистические методики и технологии в процессе установления личности человека	150
5.1. Профилирование в современной методике расследования преступлений.....	150
Список использованных источников	160
5.2. Перспективы использования всеобщей геномной регистрации в криминалистической методике установления личности	160
Список использованных источников	167
5.3. Психологическая модель как основа биографического анализа личности обвиняемого.....	169
Список использованных источников	175

Глава 6. Взаимодействие криминалистической методики с методиками предупреждения преступлений.....	176
6.1. Взаимодействие криминологического и криминалистического аспектов в частных криминалистических методиках.....	176
Список использованных источников	182
6.2. Дифференциация правовых подходов к понятию жилища в российском законодательстве и трудности в их реализации в аспекте правоприменительной деятельности.....	183
Список использованных источников	192
Глава 7. Криминалистическая характеристика преступления в методике раскрытия неочевидных событий, имеющих признаки преступления	195
Список использованных источников	203
Глава 8. Отдельные вопросы частных криминалистических методик.....	205
8.1. Способ уклонения от уголовной ответственности в криминалистической методике.....	205
Список использованных источников	210
8.2. Основные направления методики расследования убийств, совершенных с расчленением трупа	210
Список использованных источников	213
8.3. Современные тенденции методики расследования преступлений в сфере таможенного дела	214
Список использованных источников	217
8.4. Модернизация криминалистической методики в сфере расследования незаконного оборота наркотиков.....	218
Список использованных источников	226
8.5. Особенности криминалистической методики первоначального этапа расследования уклонения от уплаты налогов физическими лицами.....	227
Список использованных источников	235
Послесловие	237
Авторский коллектив	239

*Светлой памяти доктора юридических наук,
профессора,
заслуженного юриста Российской Федерации
Игоря Викторовича Александрова
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Предисловие

Уголовное судопроизводство как вид человеческой деятельности основан на комплексном привлечении знаний из различных областей науки и техники.

Разноплановость преступлений, совершаемых во всех сферах человеческого бытия и профессиональной деятельности, многообразие видов следов преступлений требуют разработки эффективных направлений в развитии науки и создании методик и технологий собирания, проверки, оценки и исследования доказательств, иных сведений, на основе которых устанавливают обстоятельства расследуемых событий и принимают правовые решения.

Значительную часть методик и технологий, применяемых в уголовном судопроизводстве, разрабатывают и совершенствуют в рамках криминалистики и других смежных с ней отраслей знаний.

Криминалистические методики и технологии призваны обеспечить решение задач, стоящих перед каждым разделом криминалистики: техники, тактики и методики расследования преступлений. Эффективность большинства из них проверяют на протяжении многих лет; они относятся к числу традиционных и нуждаются в корректировке и совершенствовании с учетом современных достижений науки и техники. Определенная часть методик и технологий продолжает формироваться или сформировалась совсем недавно и нуждается в дальнейшем развитии и апробации на практике.

Никто не считал общее число методик и технологий, разработанных криминалистической наукой. Их количество – это не единицы и не десятки, а скорее всего значительно больше.

Описать все проблемы, которые возникают в процессе применения криминалистических методик и технологий, в одной работе не представляется возможным. В предлагаемой читателю монографии сделана попытка объединить научные изыскания ведущих и начинающих ученых-криминалистов, представляющих вузы различных городов России: Москвы, Саратова, Волгограда,

Уфы, Оренбурга, Омска, Тюмени, Барнаула, Новосибирска, Томска, Улан-Удэ и Красноярска, которые принимали участие в Международной научно-практической конференции «Енисейские правовые чтения – 2019», состоявшейся в городе Красноярске на базе Сибирского федерального университета.

Монография состоит из восьми глав, в которых объединены однородные направления в исследовании криминалистических методик и технологий.

Редакционная коллегия выражает признательность всем авторам монографии. Отдельных слов благодарности заслуживают доктора юридических наук, профессора Д. А. Степаненко и Н. Г. Стойко, которые взяли на себя труд по рецензированию настоящей работы.

Кафедра уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета в творческом союзе с коллегами из Сибирского юридического института МВД России, других дружественных вузов планирует и в дальнейшем продолжить коллективную работу над исследованием актуальных вопросов теории и практики уголовного процесса, криминалистики и других смежных наук.

Глава 1

**Историко-мировоззренческие
предпосылки
становления и развития
категориального аппарата
криминалистической методики¹**

Постижение процесса расследования преступлений, познание его сильных и слабых сторон продолжает оставаться актуальной научно-познавательной проблемой криминалистики. Значительный ряд современных проблем криминалистической методики обусловлен социально-историческими процессами послереволюционного периода, оказавшими существенное влияние на формирование отечественной культуры научно-криминалистической мысли. Особенно значительна роль в этом процессе диалектического материализма. Под влиянием философско-мировоззренческих взглядов формировался стратегический вектор криминалистической методики, его конфигурация задавалась диалектико-материалистической стилистикой наполнения и декодирования научного знания, отделения материалистического мировоззрения от идеалистического. Исходным началом оценки служили марксистско-ленинские воззрения, затрагивавшие все стороны жизни. Так, ключом к пониманию профиля криминалистической методики является изменение мировоззренческой парадигмы: «Считалось, что тот материалист, кто опирается на практику, ...идеалист же тот, кто оторван от практики, от эксперимента, кто уходит в "спекулятивные", "умозрительные", построения. Следствием этого были заключения о ряде

¹ Автор – И. Т. Кривошеин.

теоретических конструкций в естественных науках как идеалистических... Отсюда сначала подозрение, что теория относительности А. Эйнштейна идеалистическая, а затем и категорические утверждения, что ее существо идеалистическое»¹. Неприятие умозрительного, теоретического становится характерным признаком понимания властью научности.

Ради объективности следует отметить, что о диалектико-материалистическом мировоззрении криминалисты более плотно заговорили лишь к сороковым годам прошлого века. Как отмечалось в учебнике по криминалистике, авторами которого были Б. М. Шавер и А. И. Винберг: «Единственным действительно научным методом познания является марксистский диалектический метод»².

Встраивание диалектического материализма в криминалистику, в криминалистическую методiku шло более чем своеобразно. Как известно из научно-познавательного опыта, наука начинается не с чистого листа, она может лишь продолжать развивать предшествующий опыт. Если учесть, что досоветская криминалистика никогда не тяготела и не испытывала потребности в философском осмыслении научно-криминалистических знаний, не имела какого-либо опыта задействования философских знаний, то становится понятной растерянность советских криминалистов, которые не понимали и просто не знали как поступить с диалектическим материализмом, как встроить диалектико-материалистическое философствование в существующую систему научно-криминалистических знаний. Как отмечал С. П. Митричев в 1951 году, «...ни в одной другой юридической дисциплине не было таких грубых ошибок упрощенчества и вульгаризаторства, как среди криминалистов»³. Праздное славословие и словоблудие – итог печального опыта. Основательное встраивание диалектического материализма в криминалистику началось лишь во второй половине 1960-х годов. В области научной идеологии, выражающей отношение государства к науке и к образованию, наука руководствовалась установками партийной целесообразности, развитием большевистской критики и самокритики.

¹ На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение. М.: 1990. С 10.

² Шавер Б. М., Винберг А. И. Криминалистика. М., 1940. С. 4.

³ Митричев С. П. Задачи советской науки криминалистики // Соц. законность, 1951. № 6. С. 8–9.

Культурная революция, о значении которой в становлении отечественной культуры мысли много писалось, есть одно из масштабных социально-исторических явлений. Она оставила следы своего влияния и в культуре знаний о расследовании преступлений. Как отмечал отечественный философ Николай Александрович Бердяев: «Культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей»¹. Какие новые духовные ценности утверждала новая эпоха в науке?

Не вдаваясь в детали, отметим, что партийным установкам в науке, теории и практике расследования преступлений было сразу же придано политическое значение. Так, сторонники марксистского материализма утверждали однозначную связь и положение о том, что «критерием разграничения материализма и идеализма является политическая позиция: кто за признание Советской власти, тот – материалист, кто против, тот – идеалист»².

Эта предельная жесткость становится понятной, если принять во внимание одно из ключевых высказываний Ленина. Так, позируя художнику Ю. П. Анненкову в 1921 году, вождь мирового пролетариата снисходительно пояснял изумленному художнику основы ленинизма. Однажды, оторвавшись от исписанных бумаг, Ленин произнес: «Вообще, к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг "ликвидировать безграмотность" отнюдь не следует толковать как стремление к народжению новой интеллигенции. "Ликвидировать безграмотность" следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель вполне практическая. Только и всего»³.

Образование и наука становятся сугубо политическим инструментом, их развитие с позиций партикулярного (партийного) сознания нецелесообразно. Партийная целесообразность в науке и образовании абсолютизируется.

Партийная целесообразность многогранна. Вспомним примечательный факт – высылку интеллигенции из России. Это неприязненное отношение к науке и образованию было продолжено

¹ Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре / На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 75.

² Там же. С. 10.

³ «На каждого интеллигента должно быть дело» // Литературная газета. 1993. 11 авг.

И.В. Сталиным. В современных исследованиях отмечается: «Фактически по инициативе Сталина уже в конце 20-х годов профессиональная подготовка широкообразованных работников была подменена поточной подготовкой "рабсилы". Для Сталина идеалом советского человека всегда был "винтик"»¹.

Приоритет идеологического над научным был явственно обозначен. Власть, озабоченная чистотой родословной советской науки, во все возрастающей степени нагнетала нетерпимое отношение ко всему буржуазному в науке. Криминалисты, следуя этой заданности, формировали исключительно убогий образ дореволюционной и западной буржуазной криминалистики и исключительно передовой образ советской криминалистики. Приводимые в литературе критические суждения, умозаключения и оценки трудно, если вообще возможно, отнести к научной критике. Отсутствовало всякое стремление к взвешенной, объективной, соответствующей духу трезвой аналитической мысли и принятой в науке культуре ведения научной дискуссии. Это было крикливое, озлобленно-агрессивное уничижение, издевательски-мстительное отношение ко всему буржуазному, нагнетавшему в умонастроениях нетерпимость и ожесточение. Бездоказательные, тенденциозные, демонстративно-надуманные оценки входили в повседневность, энергично встраивались в криминалистику и практику расследования преступлений.

1.1. Установки власти в области уголовного судопроизводства и ведения предварительного расследования

В литературе утверждалось, что советское уголовное судопроизводство не сковано формой и формальной истиной. Так, в частности, С.А. Голунский и Г.К. Рогинский в одной из своих работ утверждали, что «в отличие от формальной истины материальная истина должна быть устанавливаема не какими-либо заранее предусмотренными в законе способами, а любыми возможными

¹ Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. С. 161.

методами, лишь бы эти методы гарантировали правильность основываемых на них выводов»¹.

Призыв к ориентации на получение фактов и доказательств любыми способами и методами инициировала и стимулировала сама власть. Рекомендации о пренебрежении процессуальной формой и нормой, достижении материальной истины любыми способами и методами изложены были, в частности, в «Разъяснении ЦК ВКП (б) ...о применении физического воздействия в практике НКВД». В нем отмечалось, что работникам НКВД нередко ставят в «вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. ...Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. ...ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, ...как совершенно правильный и целесообразный»².

В работе, написанной по материалам расследования уголовных дел в Томске и Томской области органами НКВД, в частности, отмечается: «Чего только не было в их показаниях! Это взрывы мостов через реки Томь и Обь, которых не было; взрывы пихтовых заводов, электростанций и т. п. ...Многие жители Томска, например, были обвинены в разрыве дамбы на берегу Томи в районе Черемошников, в результате чего был якобы затоплен город».³

«Верховный Суд СССР – отмечается в современных историко-правовых исследованиях – действовал в угоду идеологии и партийной политике». Власть повела себя как хозяин дурно осмысленного и нелепо устроенного подворья, в котором надо было навести порядок. Партийная целесообразность услужливо подсказывала схему действий. Власть, создавая видимость правосудия, всегда апеллировала к закону, тем самым демонстрируя обществу, с одной стороны, неукоснительное следование принципу социалистической законности, но с другой, недоступной для общества и науки стороны – стадии предварительного расследования – жестоко попирала ею же самой придуманный принцип социалистической

¹ Голунский С. А., Рогинский Г. К. Техника и методика расследования преступлений. М., 1934. Вып. 1. С. 3.

² 1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. Томск, 2004. С. 343–344.

³ Там же. С. 393.

законности. Следственная деятельность осуществлялась преступными средствами и методами – трансформировалась в преступную деятельность.

«Форма» и «норма», выработанные правовой мыслью для защиты человека и общества, были использованы в качестве «серпа и молота», Уголовное судопроизводство, «опрокинутое» на обочину, «барахталось» в кровавом месиве, распространяя вокруг себя атмосферу страха и отчаяния, оно внушало обществу ужас и отвращение.

В принцип социалистической законности никто не верил. Объективная истина как идеал уголовного судопроизводства была издевательски-мстительно растоптана. В объективной истине сама власть не испытывала ни малейшей потребности. Что могла дать подобная практика расследования преступлений для конструирования научных основоположений методики расследования преступлений?

1.2. Кадровая политика и характеристика кадрового состава

В актуальном ряду социально-исторических процессов особое место занимает кадровая политика в отношении правоохранительных органов. Вглядимся в судебно-следственный корпус. Так, в публикациях 1920-х годов отмечалось, например, что в составе судебного аппарата только 25 % судей имели высшее образование, 56 % получили домашнее и сельское образование. Президиум совнарсуда состоял из семи человек, среди которых один судья с высшим образованием, а все остальные рабочие¹.

В современных исследованиях историко-правового характера отмечается, что в конце 30-х годов прошлого века в органах НКВД усилилось влияние лояльных партии, но малообразованных молодых и разнузданно-оголтелых рабочих и крестьян. В 1938 году непомерно возрос удельный вес руководителей с неблагополучным детством – из неполноценных семей, беспризорников, детдомовцев и т. д. Обращается внимание на невероятно низкий

¹ См.: Винокуров А. 10-я годовщина Октябрьской революции и пролетарский суд // Рабочий суд. 1927. № 21. С. 1637–1638.

образовательный уровень чекистского руководства. Лиц, хотя бы как-то своими чертами напоминавших хрестоматийный образ Ф.Э. Дзержинского практически нет. В органы отбирали контингент, который не имел сколько-нибудь устойчивых, традиционных, нравственно-психологических сдержек. Руководство признавало, что кадровый состав управления ГУЛАГА пополнялся за счет людей спившихся¹.

Один из первых советских криминалистов Владимир Иустиневич Громов, писал: «В условиях советского строительства, классовые интересы рабоче-крестьянского государства требуют, чтобы к работе в эти органы привлекались прежде всего рабочие и крестьяне, которые, однако, часто являются мало подготовленными к такой трудной и ответственной работе. Ни для кого не секрет, что качественный состав наших работников милиции и уголовного розыска пока является не достаточно квалифицированным. Призванные от плуга и станка и допущенные к этой работе в качестве добровольцев или выдвиженцев, эти работники, хотя большею частью политически грамотные и с достаточно крепкой подготовкой в области марксизма и ленинизма, однако, обнаруживают большие проблемы в знании техники расследования, не говоря уже о крайне слабой юридической подготовленности к работе. Все это, вместе взятое, создает для этих работников в процессе их работ в органах дознания чрезвычайные трудности»².

В других работах данного периода с сожалением констатировалось, что расследование уголовных дел сопровождается массой ненужной, бесполезной работы. Ведение следствия осуществлялось нередко из любопытства или пополнения отчетности³.

«Сплошь да рядом, – констатируют С. А. Голунский и Г. К. Рогинский, – имеют место случаи, когда следователь вместо того, чтобы самому руководить расследованием, или растерянно мечется из стороны в сторону, или, что еще хуже, позволяет руководить собой потерпевшему, представителям разных местных организаций и т. п.»⁴.

¹ См.: Булдаков В. Рецензия // Pro et Contra, 2000. Т. 5, № 2. С. 295–297; Скоркины Н. В. и К. В. Кто руководил НКВД 1934–1941: справочник. М., 1999.

² Громов Вл. Методика расследования преступлений. М., 1929. С. 4.

³ См. например: Карницкий Д. и Тривус Ю. Вопросы уголовно-судебной и следственной практики. М., 1927. С. 94.

⁴ Голунский С. А. и Рогинский Г. К. Указ. соч. С. 12.

В связи с низким качеством расследования 40 % уголовных дел прекращалось судами, благополучно пройдя через руки следователей и прокуроров¹. Криминалисты, понимая весь драматизм ситуации, все чаще высказывали тревогу в своих публикациях. Так, Г. Александров, в одной из своих статей, опубликованной в начале 1950-х годов, с горечью писал: «Следственный аппарат осуществляет важную задачу, возложенную на советскую прокуратуру, – борьбу с преступностью. Все это свидетельствует о необходимости уделять особое внимание изучению, подготовке, неуклонному совершенствованию и воспитанию кадров советских следователей. В этой работе до сих пор имеют место серьезные недостатки»².

Александр Михайлович Ларин, обрисовывая ситуацию с кадрами следователей, отмечал, что «значительные трудности с внедрением в практику криминалистических рекомендаций обнаружилось в послевоенные годы у органов прокуратуры. Следователей, прокуроров с высшим юридическим образованием тогда было мало. Преобладали сотрудники, окончившие среднюю юридическую школу либо краткосрочные (3–6-месячные) курсы, а то и самоучки с неоконченным средним образованием»³.

Положение продолжало оставаться тяжелым и в 1960-е годы. Так, в частности, Владимир Николаевич Кудрявцев отмечал, что «...некоторые обзоры причин преступности составляются в практических органах суда и прокуратуры кустарно, без соблюдения элементарных требований судебной статистики»⁴.

Все это факты повседневности. Практика с «понятиями в башке», с «серпом и молотом» в руках отправилась на фронт борьбы с преступностью.

¹ См.: Революция права. 1928. № 2. С. 87.

² Александров Г. Улучшить работу с кадрами следователей // Соц. законность. 1951. № 8. С. 12.

³ Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. С. 18.

⁴ Кудрявцев В. Н. Июньский Пленум ЦК КПСС и некоторые вопросы научной организации борьбы с преступностью // Сов. государство и право, 1963. № 9. С. 18.

1.3. Культурная революция и ее влияние на становление криминалистики и криминалистической методики

Первые советские криминалисты, наряду с решением научно-познавательных задач, следуя императивам культурной революции, проводили масштабную культурно-просветительскую работу. Культурно-просветительская деятельность, пропаганда и приобщение к криминалистическим знаниям широких кругов населения являлась одной из престижных, общественно одобряемых задач.

Как отмечал В.И. Громов, необходимость научного похода к освоению культурно-просветительской задачи «...диктуется нам и основными принципами нашего советского строительства, которые требуют, по завету Ленина, массового вовлечения всех трудящихся в общегосударственную работу всех органов управления и хозяйствования»¹.

В редакторском предисловии к работе немецкого криминалиста Альберта Гельвига утверждалось, что «...знакомство с общими данными криминалистики важно не только для судебных работников, но и для более широких кругов населения. ...каждый гражданин, стоящий на страже своих интересов и желающий способствовать раскрытию преступления, должен хотя бы самым общим образом ознакомлен с возможностями, которые открывает для этого криминастика»².

1.4. Требования к научно-криминалистическим знаниям

Тотально низкий образовательный уровень, отсутствие профессиональных знаний и опыта, необходимость приобщения к криминалистическим знаниям «самых широких кругов населения» уравнивали следователя с любым человеком, интересующимся криминалистикой. Разница определялась лишь должностным положением следователя. И.Н. Якимов, столкнувшись с данным положением дел в 1925 году, писал в своей работе, что она «имеет

¹ Громов Вл. Указ. соч. С. 6.

² Гельвиг А. Современная криминастика (Методы расследования преступлений). М., 1925. С. 3.

своею целью дать в научной и систематической обработке по возможности полное изложение научных приемов и способов, необходимых и полезных при расследовании преступлений, проверенных долгим опытом, простых по существу, применяемых при всяких условиях расследования преступлений, не требующих технических приспособлений и особых навыков, а потому и доступных не специалисту»¹.

Аналогичную позицию занимал и В.И. Громов. Социокультурные условия диктовали свой уровень требований к научно-криминалистическим знаниям. В.И. Громов полагал необходимым разработать такие «методы работы» по расследованию преступлений, которые были бы доступны «каждому среднему работнику, без отношения к его личным и индивидуальным качествам и способностям»².

Сообразывая свои взгляды с необходимостью решения культурно-просветительской задачи и с положением дел в судебно-следственных органах, он изложил требования, которым должны были соответствовать научно-криминалистические знания в криминалистической методике. Это, по терминологии В.И. Громова, должны быть «элементарные сведения», «элементарная методическая инструкция», содержащая некоторую совокупность «правильных», «рациональных», «простых», «упрощенных», «облегченных», «технически не сложных», «экономически обоснованных» правил, приспособленных для «расследовательских действий в отдельных случаях».

С. А. Голунский и Г.К. Рогинский, развивая и конкретизируя данные представления об элементарности и доступности «расследовательских» правил, заметили, что они действительно просты, понятны для всякого среднего ума и неспециалиста. Названные криминалисты пишут: «Нет надобности подробно останавливаться на том, что к расследованию должно быть приступлено немедленно, как только получены сведения о совершенном кем-либо преступлении. Быстрота расследования – залог успеха. ... Второе требование заключается в том, что расследования, во всяком случае первые следственные действия, должны быть по общему правилу совершены на месте преступления. Не говоря о том, что такое первостепенной важности следственное действие, каким является

¹ Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. С. 24–25.

² Громов Вл. Указ. соч. С. 6.

осмотр места преступления, не может быть выполнено иначе, как с выездом на место, только выехав на место преступления, можно сразу же установить круг свидетелей, подлежащих допросу, тут же допросить их и немедленно принять меры к задержанию преступников. Быстрота и подвижность – два качества, без которых работник расследования не может правильно вести свою работу»¹.

Открыто выраженное намерение вырабатывать научные знания на элементарном, доступном всякому лицу уровне было тем не менее вполне достаточным основанием для того, чтобы получить признание со стороны практики. «Элементарные сведения», «элементарная методическая инструкция», содержащая незатейливые правила, в последующем подкрепляемые ссылками на некоторые марксистско-ленинские положения, были вполне адекватны социокультурным особенностям времени, вносили свой вклад в культурно-просветительскую деятельность, оснащали «расследующего работника» научно-криминалистическими знаниями, вооружали следователя марксистско-ленинским мировоззрением.

«Плоский» культурно-просветительский рационализм, изначально уравнивал профессиональное и общественное сознание и мышление следователя и всякого другого гражданина. Методическую инструкцию культура мысли отождествляла с методологией расследования уже в момент появления. Иммануил Кант, характеризуя такого рода научно-познавательную деятельность в целях обретения признания, писал: «... популярничание хлопочет лишь о том, чтобы угодить читателю и чтобы, поэтому, никогда не задеть его мудреным словом»².

Наиболее приметным признаком «популярничания» является язык. Криминалисты решали задачу языковой коммуникации в стиле соответствующей культуры, сознания и мышления. Они пытались перевести язык науки на язык людей, чье восприятие мира, действительности не выходило за пределы обыденно-жизневого миропонимания. Криминалистами вырабатывался язык доступный пониманию массового сознания и неприемлемый для научного познания. Стремление сформировать научный язык на уровне образованного и полуобразованного, а то и просто малограмотного слоя, подавался как достижение социалистического строя, где весь народ борется с преступностью.

¹ Голунский С. А. и Рогинский Г. К. Техника и методика расследования преступлений. М., 1934, вып. 1. С. 11–12.

² Кант Иммануил. Трактаты. СПб, 1996. С. 456.

Так складывалось некоторое динамическое равновесие между удовлетворением культурно-просветительского и судебно-следственного интереса в научном знании.

1.5. Генерализация (научная рационализация) и концептуализация криминалистической методике

Как свидетельствует анализ криминалистической литературы, криминалистической методике уже с самого начала ее появления была отведена общезначимая для расследования преступлений роль. Криминалистическая методика олицетворялась с расследованием преступлений как таковым. В теории познания существуют различные мнения о том, с чего начинается наука. Не затрагивая всех существующих позиций, остановимся на одной, которая более всех отражает реальную картину начала научного познания действительности криминалистической методикой. Отечественные исследователи гносеологических проблем полагают, что «...наука начинается с разрешения определенной ситуации, когда ощущается острая потребность в новой информации. Эту ситуацию можно называть как проблемной, так и вопрос-ответной»¹.

Научно-теоретическая незрелость криминалистики, потребность в новой информации в связи с изменением права как такового, особенностей в уголовном судопроизводстве и расследовании преступлений ставили массу вопросов, требующих немедленного разрешения. Это было время предельно насыщенное вопросами научного и практического характера. Особенно остро ощущала потребность в ответах следственная практика. Основная масса вопросов концентрировалась по сути дела в криминалистической методике.

Практическое сознание озабоченно прежде всего потребностью получения ответов на вопрос «как действовать здесь и сейчас?». Удовлетворение этой потребности и стало заглавной задачей криминалистов. Процессы становления криминалистической методике и расследования преступлений начались с вопрос-ответной

¹ Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000. С. 175.

формы. Каким было это движение? Складывавшаяся в стране ситуация с преступностью требовала от криминалистов немедленных практических решений. Советская криминалистика, не имевшая к этому времени собственного опыта по расследованию преступлений, обратилась к следственному опыту предшествующих поколений.

Так, авторы первого учебника по криминалистике, изданного в 1935 году, построили свои рекомендации, задействуя семичленную формулу, разработанную еще римскими юристами. В учебнике отмечалось: «По каждому делу расследование должно дать ответ по крайней мере на следующие семь вопросов, сформулированных еще римскими юристами: а) что именно совершено, б) где совершено, в) когда совершено, г) каким образом совершено, д) кем совершено, е) с помощью кого или чего совершено, ж) с какой целью совершено. Эти семь вопросов, – заключают авторы, – каждый работник расследования должен знать наизусть и иметь их в виду в продолжении всего расследования»¹.

В начале 1950-х годов семичленную римскую формулу попытался усовершенствовать П. И. Тарасов-Родионов. Суть его предложения сводилась к увеличению количества вопросов. Вместо семи он предложил девять вопросов. «...Девять контрольных вопросов, – писал П. И. Тарасов-Родионов, – можно дать в следующем перечне: 1. Что, т. е. какое общественно-опасное деяние совершено. 2. Где, т. е. место совершения преступления. 3. Когда, т. е. время совершения преступления. 4. Против кого было направлено общественно-опасное деяние, т. е. кто является потерпевшим. 5. Чем, т. е. при помощи каких средств совершено преступление. 6. Как, т. е. при каких обстоятельствах было совершено преступление. 7. Зачем, т. е. умышленно или по неосторожности было совершено преступление, и в первом случае – по каким мотивам. 8. Кто совершил преступление. 9. Почему, т. е. какие причины способствовали или сделали возможным совершение преступления»².

Обосновывая необходимость такого шага, он писал: «В большинстве учебников криминалистики указываются семь из приведенных девяти вопросов. Нигде не приводится девятый вопрос "почему" и редко кем из авторов приводится четвертый вопрос

¹ Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. Кн.1. С. 137.

² Тарасов-Родионов П.И. Пределы и содержание предварительного следствия / Советская криминалистика на службе следствия. М., 1951. Вып. 1. С. 26.

"против кого". Объясняется это тем, что семь вопросов являются известной семичленной римской формулой, разработанной в Древнем Риме, перекочевавшей в западноевропейскую и до-революционную русскую криминалистику, а затем получившую отражение и в советской криминалистике. Эти семь вопросов ... рассматривались как раз и навсегда установленная схема расследования, что, конечно, неприменимо для советского предварительного следствия. В прошлом буржуазная криминалистика оказывала тлетворное влияние на молодую советскую криминалистику, и, как результат этого, в нее механически была перенесена семичленная римская формула. Для социалистического государства при расследовании каждого дела разрешение вопроса "почему" очень важно. Мы не можем обойтись без разрешения этого вопроса, так как иначе не может быть обеспечена должная борьба за быстрое искоренение преступности в стране социализма»¹.

Однако эта интеллектуальная инициатива не нашла поддержки у криминалистов и на этом как семичленная, так и девятичленная формула в качестве формы научного познания по сути прекратили свое существование в криминалистике.

Вместе с тем вопрос-ответная форма была достаточно удачным интеллектуальным шагом. Она позволяла отыскивать как пробелы и противоречия, возникающие в ходе расследования, обсуждать их и ставить новые вопросы, так и повторы, регулярности и зависимости, а также осуществлять первичные обобщения и тем самым устанавливать типичное. Материал, подаваемый в ритме вопрос-ответ, сопровождаемый соответствующими комментариями, иллюстрируемый характерными примерами и случаями из следственной практики, был понятен практическому сознанию. Полученное в практике знание вновь возвращалось в практику в виде схем расследования, правил, советов и рекомендаций.

В. И. Громов, задействуя вопрос-ответную форму, писал: «Как приступить к расследованию по тому или другому делу, по какому плану построить данное расследование, какие отдельные моменты и в каком порядке в интересах дела подлежат выяснению в данном случае, какие практические приемы и простейшие технические способы следует применить к расследованию данного преступления и, наконец, как оформить добытый по делу материал, чтобы он имел требуемую процессуальным законом доказательственную

¹ Там же. С. 27–28.

силу, и т. д. – вот целый ряд вопросов, которые встают перед каждым из наших работников милиции и уголовного розыска при производстве расследования по всякому более или менее сложному делу. Все эти вопросы относятся к области техники и методологии расследования, и правильное разрешение их не дается знанием законов, регулирующих процесс расследования»¹.

Так, благодаря вопрос-ответной форме и знанию практики расследования возникли взгляды и суждения о предмете криминалистической методики. В.И. Громов, не понаслышке знакомый с уровнем организации расследования, первым из криминалистов обратил внимание на необходимость организации расследования на научных основах и тем самым поставил вопрос о предмете криминалистической методики. Начиная с 1929 года организации расследования был по существу придан статус предмета криминалистической методики. К настоящему времени это суждение о предмете не изменилось.

Вопрос-ответная форма имеет не только свои сильные, но и слабые стороны. В отсутствии исходной теории, организующей научно-познавательную и практическую деятельность, вопрос-ответная форма вполне удовлетворяла возникающие потребности как научно-познавательного, так и практического плана простым описанием фактов. Описательность приводит к бесконечному числу вопросов, а в отсутствии основообразующей связи между ними снижается оптимальность расследования. Вопрос-ответная форма «дробила» целостную деятельность по расследованию преступлений на массу вопросов. При этом каждый вопрос делился на такую же массу подвопросов более частного характера, и так до бесконечности. Сами они, будучи связаны друг с другом лишь формальной связью, не могли служить полновесной основой построения целостной криминалистической методики.

Понимание целостности, сложившееся в довоенное время, носило оперативный, ситуативный характер. Вопрос-ответная форма инспирировала операционализм, исходно базирующийся на внешних связях и логике сосуществования знания. Это понимание целостности криминалистической методики сохранилось и до настоящего времени.

¹ Громов Вл. Указ. соч. С. 5.

Другая слабая сторона вопрос-ответной формы состоит в том, что путем вопросов невозможно охватить все многообразие сторон, оттенков и нюансов, возникающих при расследовании преступлений. В криминалистической литературе отмечалось: «Постоянное и быстрое изменение форм преступной деятельности сделало невозможным создание устойчивой тактики следствия»¹. Фрагментарность восприятия позволяла увидеть лишь некоторую часть объективных свойств и некоторых различий между ними. В результате научное и следственное мышление, подчиняясь закону ассоциативных связей, давало прямо противоположную оценку одним и тем же фактам. Таким образом, вопрос-ответная форма развивала ассоцианизм и интуитивизм, служила скрытым источником неадекватных оценок и следственных ошибок.

В довоенных исследованиях представлены интеллектуальные решения, самые существенные для понимания становления теории и сопоставимые с непосредственностью натуралистического восприятия. Семичленная формула, вопрос-ответная форма одновременно служили и научно-познавательной моделью. Ход и рефлексия сводится к прямолинейному замыслу – как повысить эффективность работы следователя по расследованию преступлений. Стараясь связать криминалистическую методичку (как область научного знания) с реальной практикой, криминалисты постоянно обращаются к анализу примеров и случаев, из которых они извлекали образцы следственного мышления, осмысливали логику следственных действий. В результате неизбежно возникающих совпадений научно-познавательных и практических интересов отождествлялась следственная и научно-познавательная деятельности, субъект познающий и практически действующий. Внутренняя несостоятельность объективистско-материалистического подхода обуславливается его самопротиворечивостью. То есть криминалистическая методика сделала шаг в сторону информационной эпохи.

¹ Криминалистика. М., 1938. С. 18.

Глава 2

Перспективные направления в развитии криминалистической методики

2.1. Преодоление обвинительного уклона в криминалистической методике¹

Пресловутый «обвинительный уклон» широко распространен не только в правоприменительной (криминалистической) деятельности, но и в науке криминалистике, прежде всего в криминалистической методике.

Между тем ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» постулирует важнейший принцип, в соответствии с которым уголовное судопроизводство имеет своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1). Законодатель еще и поясняет, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2).

Казалось бы, криминалистика как прикладная наука должна быть первой из антикриминальных наук, пропагандирующей этот принцип. К сожалению, это не так. Ученые-криминалисты,

¹ Автор – Ю. П. Гармаев.

в отличие от процессуалистов, редко обращают внимание на эту проблему. В научных трудах второе назначение как-то не принято исследовать, даже упоминать [8]. Однако обвинительный уклон как феномен активно исследуется учеными-процессуалистами. Так, А. Д. Назаров считает, что обвинительный уклон заключается в игнорировании не только представителями стороны обвинения (следователем, прокурором и др.), но и судьями доказательств, свидетельствующих в пользу обвиняемого, в нежелании проверять и учитывать доводы защиты. Автор верно отмечает, что обвинительный уклон приводит к тому, что в уголовных делах допускаются следственные и судебные ошибки, что искажает истинную суть отправления правосудия и вступает в противоречие с назначениями и принципами уголовного судопроизводства [6, с. 1, 6; 7, с. 149–154].

Интересно мнение А. Н. Халикова, как одного из немногих ученых-криминалистов, актуализирующих проблему. По его мнению, все научные и прикладные исследования в сфере криминалистики, ее общие положения, а особенно тактика и методика¹ должны быть одновременно направлены как на привлечение к уголовной ответственности виновных, так и на непривлечение невиновных. Автор полагает, что существуют два равноправных вектора развития криминалистики, которые отражаются, прежде всего, в разделах ее методики и тактики [8]. Разделяя позицию автора, необходимо сделать два уточнения.

Первое уточнение можно сформулировать на основе мнения А. А. Эксархопуло, который, как представляется, тем самым выразил позицию большинства членов научного сообщества. Интерес криминалистики к преступлению, преступнику и его защитнику, по мнению автора, обусловлен стремлением создать научные средства, способствующие в конечном счете познанию истины в уголовном судопроизводстве [9, с. 33–34]. Между тем адвокат-защитник, как и его доверитель, в силу требований закона, не всегда заинтересован в установлении истины. Например, адвокат «... обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами»

¹ А. Н. Халиков акцентирует внимание на необходимости «балансирования» рекомендаций по тактике допроса и очной ставки, следственным ситуациям, версиям и планированию, криминалистическому обеспечению досудебного соглашения о сотрудничестве и иных «особых порядков».

(п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ № 63-ФЗ от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Именно поэтому А. А. Эксархопуло, Н. П. Яблоков и другие ученые высказались о недопустимости включения в предметную область криминалистики исследований в рамках так называемой «криминалистики защиты», «криминалистической адвокатологии» [1, с. 19; 5, с. 4–8, 98–115; 9, с. 33–34].

Таким образом, криминалистическая методика должна разрабатывать научные положения и прикладные рекомендации защитительного характера в целях установления истины, прежде всего, недопущения привлечения к уголовной ответственности невиновных, но не для решения всех иных задач стороны защиты. Этот принцип должен распространяться и на следственные ситуации, версии, связанные:

- с меньшей степенью виновности привлекаемого лица, наличию смягчающих обстоятельств и т. п.;
- распространенными, системными ошибками и нарушениями закона, допускаемыми представителями стороны обвинения и судом, когда в отношении лица, совершившего деяния, содержащие признаки преступления (с позиции объективной истины), действует принцип ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, запрещающий использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Второе уточнение исходит из позиции о том, что нельзя путать законную обвинительную позицию, интересы стороны обвинения с обвинительным уклоном. Обвинительная позиция всегда основана на законе, пусть даже обвинители используют его диспозитивность, неопределенность, пробелы, активно применяют принцип наступательности в расследовании, или наоборот – идут на уступки и компромиссы со стороной защиты. Обвинительный же уклон по сути есть проявление ненадлежащего выполнения функции обвинения [2, с. 6–12; 4, с. 22, 31, 54]. То есть обвинительный уклон недопустим, но обвинительная позиция, в том числе выраженная в принципе инициативности, наступательности расследования преступлений, не просто допустима: она – обязанность представителей стороны обвинения.

Эти принципиально важные уточнения, научные положения имеют прямое отношение к любой из разрабатываемых криминалистических методик расследования. Практика изобилует примерами негативной тенденции обвинительного уклона по делам

различных категорий. К таковым относятся уголовные дела о преступлениях экономической направленности в отношении предпринимателей, коррупционных преступлениях (особенно дела о «низовой» коррупции, мелких взятках, в частности, в отношении врачей, учителей, преподавателей вузов), уголовные в отношении обычных наркоманов и мелких сбытчиков наркотических средств и многие другие.

С методологической точки зрения в криминалистической методике (как научном разделе, в его общих положениях) предлагаем ввести специальный принцип формирования и использования частных методик расследования: «Принцип недопустимости обвинительного уклона по делам определенных категорий».

Применение криминалистом-разработчиком этого специального принципа построения и использования создаваемой им методики может выражаться в следующем:

* указание в криминалистической характеристике преступлений типичных широко распространенных непроступных деяний, которые зачастую ошибочно оцениваются правоприменителями как преступные;

* разработка типичных следственных ситуаций и версий, обеспечивающих это, – правозащитное положение формируемой методики;

* разработка методических рекомендации по профилактике и устранению типичных ошибок и нарушений закона со стороны правоприменителей, использованию действительно эффективных средств и методов борьбы с определенными категориями преступлений.

Подобного рода научные положения и прикладные рекомендации относятся именно к предметной области криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, а не, например, уголовного права, поскольку помимо вопросов квалификации преступлений, здесь может излагаться:

– оценка законности типичных оперативно-розыскных мероприятий;

– оценка относимости, допустимости и достаточности типичных доказательств обвинения и защиты;

– оценка судебной перспективы по уголовному делу [3, с. 38–42].

Точнее можно сказать, что речь идет о междисциплинарных разработках, основа которых – криминалистическое научное знание.

Список использованных источников

1. Баев О. Я. Криминалистическая адвокатология как подсистема науки криминалистики // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург, 2002.

2. Гармаев Ю. П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. – 2016. – № 2.

3. Гармаев Ю. П. Судебная перспектива по уголовному делу и ее значение для расследования // Вестник криминалистики. – 2009. – Вып. 3(31).

4. Гармаев Ю. П., Попова Е. И. Использование следователем норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: монография. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2014. – 260 с.

5. Зашляпин Л. А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 576 с.

6. Колоколов Н. А. Обвинительный уклон // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 36.

7. Назаров А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9.

8. Халиков А. Н. Криминалистика в свете назначения уголовного судопроизводства // Стеновая статья, 2019. Направлена А. Н. Халиковым в электронном виде лично автору.

9. Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики: Проблемы развития на рубеже XX–XXI веков. – СПб.: Издат. Дом СПбГУ, 2004. – 112 с.

2.2. Диагностика конфликтов в криминалистической методике¹

Для всестороннего исследования возникающих в ходе предварительного расследования конфликтов с целью выработки научно обоснованных рекомендаций по их нейтрализации необходимо выделить и проанализировать все элементы, составляющие структуру этих конфликтов. Разработка практических рекомендаций по разрешению и управлению конфликтами требует проведения всесторонней диагностики, получения знаний о субъектах противоборствующих сторон, причинах разногласий, характере и степени противоречий, составления прогноза развития конфликта.

Субъект, осуществляющий поисково-познавательную деятельность в сфере уголовного судопроизводства, должен уметь диагностировать предконфликтную ситуацию, обладать знаниями о генезисе конфликтных ситуаций, знать возможные способы их разрешения [5, с. 114–115].

Следует согласиться с А. В. Дмитриевым в том, что своевременное глубокое и профессиональное исследование содержания конфликтной ситуации и целей, преследуемых конфликтующими сторонами на ранних стадиях, пока противоречие не перешло в насилие, позволит правоохранительным органам не только предугадать динамику его развития, но и предпринять действия по его локализации. Практика работы многих стран с конфликтами, профилактикой насильственных действий «бытового» и «уличного» характера начинается с анализа ситуации, в которой сосредоточены затяжные конфликты [3, с. 236].

В своей работе Е. Р. Россинская подчёркивает не только важность криминалистической диагностики, но и обозначает её основы, которые «составляют:

- возможность познания события по его отображению;
- закономерность возникновения криминалистически значимой информации;
- данные криминалистики о типичных моделях отражения;
- методы и методики криминалистического диагностирования» [8, с. 36–38].

Как справедливо отмечает О. В. Полстовалов, диагностике необходимо подвергать не только саму ситуацию взаимодействия,

¹ Автор – Н. Ю. Лебедев.

формирующегося между лицами, которые участвуют в следственном действии, но и вероятностное поведение опознаваемого, обыскиваемого, допрашиваемого и др. [7, с. 62].

Следует согласиться с мнением О. Я. Баева, представляющего криминалистическую диагностику как «распознавание, осуществляемое криминалистическими средствами, на двух уровнях: установления групповой (видовой) принадлежности исследуемого объекта и выделения особенностей объекта, принадлежащего, как это установлено на предыдущем уровне распознавания, к той или иной группе или виду объектов» [1, с. 88].

В своём научном исследовании, которое связано с использованием при подготовке к следственному действию специальных логико-психологических методов, Г. А. Зорин приходит к выводу об эффективности использования при диагностике таких приемов, как «анализ через синтез» и «интерпретация» [4, с. 13]. При использовании в процессе производства по уголовному делу первого приема конфликт (в силу включения в новые связи) сам начинает выступать в новых качествах и проявляет новое содержание и свойства. А используя приём интерпретации, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, выявляет неопределенности конфликтной ситуации, ищет недостающие части, постоянно перекодирует имеющуюся у него информацию до тех пор, пока ее скрытые формы и структуры не станут доступными для восприятия и не позволят выбрать правильный способ её разрешения.

Для диагностики *конфликтов предварительного расследования* предлагаем использовать широко применяемые при проведении различных исследований методы, разработанные другими отраслями знаний. В широком смысле «метод» – это способ подхода к реальности, способ постижения, исследования, изучения явлений естества и социального существования, способ разрешения поставленных задач и достижения выдвинутых целей [2, с. 330].

Наибольшего эффекта в диагностировании рассматриваемых конфликтов на практике можно достичь, используя частные методы исследования, так как они представляют собой систему актуальных рекомендаций, правил, приёмов по познанию определённых объектов, обстоятельств, предметов и совокупности сведений. Учитывая, что все приёмы, правила и рекомендации являются обобщённым выражением практики проводимых исследований, включая также и апробированные практикой теоретические положения [2, с. 330], при таком изучении происходит как

чувственное, так и рациональное познание конфликтов, формирующихся в ходе расследования и раскрытия преступления.

Рассмотрим такие методы диагностирования, как наблюдение, социометрию, изучение документов, опрос и тестирование. В зависимости от специфики конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования, частные методы познания приобретают те или иные характерные черты.

Наблюдение предполагает непосредственное восприятие *конфликта предварительного расследования*.

Наблюдение, как систематическое целенаправленное непосредственное восприятие предмета или явления, широко применяется в криминалистике. И. Ф. Пантелеев пишет, что метод наблюдения может использоваться при достижении различных целей, научных и практических, при исследовании и научном анализе эмпирического материала, в экспертных исследованиях, в ходе проведения предварительного расследования и оперативного сопровождения [6, с. 42–43].

С одной стороны, лицо, осуществляющее предварительное расследование, может наблюдать конфликты, происходящие между другими участниками предварительного расследования, анализировать причины, породившие конфликт, глубину противоречий между сторонами, изучать личностные качества конфликтующих субъектов. Такие конфликты чаще всего возникают между потерпевшим и обвиняемым, двумя обвиняемыми, двумя потерпевшими, свидетелями, защитником и обвиняемым или потерпевшим. Особенностью этих конфликтов является то, что противостоящие участники расследуемого преступления обладают правовой самостоятельностью и характеризуются отсутствием иерархии взаимоотношений, подчинённости одной стороны конфликта другой.

Следователь в таких конфликтах выступает в роли не только наблюдателя, но и конфликтолога. Его задача – проанализировать все структурные элементы происходящего конфликтного столкновения и, используя правовые методы воздействия на лиц, участвующих в производстве по уголовному делу (разъяснение прав и обязанностей, применение мер уголовно-процессуального принуждения и т. д.), а также разработанные криминалистами и психологами тактические приёмы проведения следственных и иных процессуальных действий, урегулировать возникшие разногласия. В случае прогнозирования позитивных последствий, которые

будут способствовать достижению задач предварительного расследования, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно не только пассивно наблюдать за процессом столкновения сторон, но и взять под свой контроль динамику развития конфликта, а при необходимости поддерживать и даже усиливать конфликтное взаимоотношение. Как отмечалось выше, по мнению респондентов, такие конфликты составляют 10–15 %.

С другой стороны, следователь, как инициатор всех следственных и иных процессуальных действий, проводимых при производстве по уголовному делу, является их обязательным участником и, соответственно, непосредственно воспринимает все возникающие конфликты. В данном случае можно выделить конфликты между следователем и обвиняемым, следователем и потерпевшим, следователем и свидетелем, следователем и сотрудником подразделения уголовного розыска, следователем и прокурором.

Особенностью указанных конфликтов является то, что одна из сторон конфликтных взаимоотношений по отношению к другой всегда находится в определённом подчинении, один из субъектов обладает более высоким правовым положением и, значит, может отдавать распоряжения противоположной конфликтующей стороне, которые обязательны к исполнению.

Соответственно, с одной стороны, следователь, используя правовые методы, может урегулировать возникший конфликт, воспользовавшись властными полномочиями как процессуально самостоятельное лицо, в производстве которого находится уголовное дело. С другой – в определённых ситуациях он вынужден выполнять требования и указания прокурора и руководителя следственного органа.

Кроме того, в некоторых случаях для урегулирования или предотвращения конфликта следователь должен выполнить следственные и иные процессуальные действия, производство которых возможно только после получения согласия тех же лиц и судебного решения.

В качестве недостатка метода наблюдения можно выделить то, что лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, является в какой-то части участником *конфликта предварительного расследования*, и в конкретно сложившейся следственной ситуации и следователь, и «конфликт» оказывают друг на друга взаимное влияние. Учитывая личностные качества следователя, его эмоциональное состояние, образовательный уровень и практический

опыт, можно полагать, что полученные при использовании такого метода результаты несут на себе отпечаток личностной, субъективной оценки конфликта.

Метод социометрии предполагает изучение и прогнозирование возможности возникновения межличностных конфликтных взаимоотношений в малых группах. Социометрия позволяет определить отношение каждого субъекта правоотношений к окружающим.

На качество работоспособности людей, как известно, влияет их эмоциональное состояние, позитивный настрой на выполнение возложенных на них должностных обязанностей. В связи с этим подчеркивается необходимость определения совместимости людей, выполняющих действия, направленные на достижение одной цели, или работающих в непосредственной близости друг от друга, например в одном кабинете. Если люди, работающие в одной организации, негативно относятся друг к другу, то совместное их пребывание порождает раздражительность и вспыльчивость, несдержанность, что в свою очередь, отрицательно влияет на результаты выполняемой ими работы.

Процесс расследования любого преступления является сильным раздражителем, поэтому обстановка, в которой приходится работать следователю, – очень важный критерий, влияющий на качество и время проведения расследования. Особое значение в данной ситуации имеет психологическая совместимость следователей, работающих в одном кабинете. Все опрошенные следователи и дознаватели отметили, что наличие «дружественных» (доброжелательных) отношений между работающими в одном кабинете есть важный организационный момент в их деятельности.

При проведении расследования преступления следственной группой, особенно с привлечением сотрудников уголовного розыска, несовместимость лиц, входящих в неё, приводит к возникновению конфликтных взаимоотношений, которые находят своё отражение в некачественном производстве следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, что, безусловно, приводит к затруднению, а порой и невозможности установления всех обстоятельств совершённого преступления.

В связи с этим хотелось бы отметить важность использования метода исследования «социометрия» на практике. После проведения соответствующих психологических тестов штатный психолог

органов внутренних дел может прогнозировать возможность возникновения напряжённости, например, внутри конкретного следственного органа (подразделения), которая грозит перерасти в конфликт. В этом случае психолог может дать руководителю определённые рекомендации для создания максимально благоприятной психологической обстановки внутри группы лиц, осуществляющих производство по уголовным делам (находящихся в одном кабинете). Дружественные отношения в коллективе порождают желание взаимовыручки, оказания друг другу помощи, способствуют обмену положительным опытом при проведении следственных действий и др.

Метод изучения документов в процессе исследования конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования, состоит в анализе материалов уголовных дел, протоколов допроса, очной ставки, обыска, выемки, постановлений об избрании мер процессуального принуждения и др. Данный метод позволяет по информации, зафиксированной в указанных документах, проанализировать причины возникновения противоречий между участниками предварительного расследования. Исследование протокола допроса позволяет получить информацию о профессиональном уровне следователя, грамотности применения им тактических приёмов и правильности поставленных вопросов, об умении входить в доверие и расположить к себе допрашиваемых, возможности осуществлять бесконфликтный диалог.

Анализируя постановления об избрании мер процессуального принуждения, применяемых в ходе расследования преступления, можно получить информацию о том, действительно ли была необходимость в их применении. Лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, должно учитывать, что любое действие, ущемляющее права и свободы лиц, участвующих в следственных отношениях, вызывает с их стороны негативное отношение к лицу, его избравшему, которое со временем перерастает в конфликт.

Изучение документов позволяет ретроспективно восстановить события происходивших конфликтов и на основе полученных результатов разработать рекомендации для их разрешения. Опрошенные нами респонденты отметили, что каждый раз при принятии решения об избрании меры пресечения они подробно изучают не только материалы уголовного дела, но и другие документы, особенно характеризующие лицо, обвиняемое

(подозреваемое) в совершении преступления, и могут свидетельствовать о возможности возникновения конфликтной следственной ситуации, т. е. на практике следователи неосознанно применяют элементы данного метода.

Опрос и тестирование являются одним из наиболее распространённых методов изучения конфликтов. Тесты-опросники, разработанные специалистами в области психологии, позволяют определить уровень конфликтности лиц, участвующих в ходе предварительного расследования, и предложить возможную стратегию поведения в конфликтах, прогнозировать их реакцию на конкретную следственную ситуацию, склонность к сотрудничеству или соперничеству. Позволяют изучить личностные качества конфликтующих сторон, склонность к агрессии, эмоциональной неуравновешенности и враждебности, тревожности и некоммуникабельности.

Данный метод даёт весьма эффективные результаты для прогнозирования и принятия мер по разрешению конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования.

Использование в органах внутренних дел подобного тестирования проводится каждый раз при назначении на должность или переводе в другое подразделение, что позволяет максимально сократить возможность возникновения негативных взаимоотношений между сотрудниками.

Несомненно, исследование любого явления должно осуществляться комплексно. Комплексность исследования конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования, предполагает получение определённой базы знаний, позволяющей обрисовать всю совокупность закономерностей появления и динамики их развития, а также совокупность закономерностей деятельности лица, в производстве которого находится уголовное дело, по их прогнозированию, устранению причин и условий, способствующих их возникновению, при необходимости управлению и в конечном счете разрешению.

Таким образом, комплексное исследование *конфликтов предварительного расследования* можно определить как последовательное, непрерывное изучение противоречий, возникающих при производстве по уголовному делу, с целью разработки моделей возможного поведения участников уголовного судопроизводства и постоянного контроля над следственной ситуацией на любом этапе предварительного расследования.

Список использованных источников

1. Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. – М.: Экзамен, 2001. – 288 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – 408 с.
3. Дмитриев А.В. Конфликтология: учеб. пособие. – М.: Альфа-М, 2003. – 336 с.
4. Зорин Г.А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1991.
5. Комиссаров В.И., Лакаева О.А. Тактика допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами лиц. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с.
6. Пантелеев И.Ф., Селиванова Н.А. Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. – М.: Юрид. лит., 1993. – 592 с.
7. Полстовалов О.В. Криминалистическая конфликтология: современные нравственные и психологические проблемы: монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 152 с.
8. Россинская Е.Р. Криминалистика. Вопросы и ответы: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 351 с.; Россинская, Е.Р. Криминалистика / Е.Р. Россинская. – М.: Инфра-М, Норма, 2014. – 454 с.

2.3. Особенности криминалистической тактики в условиях цифрового мира¹

Информационно-цифровой мир, порожденный научно-техническим прогрессом в сфере электронно-компьютерных технологий, начавших господствовать во всех странах мира, в том числе и в России, привел к изменениям в экономической, научной, образовательной и культурной жизни. Он внес много нового в жизнь людей в бытовой, материальной, деловой сферах и даже в определенной мере обогатил новыми терминами письменный и разговорный язык. Все это в основном носит прогрессивный

¹ Автор – Н.П. Яблоков.

характер. Однако, как известно, все прогрессивные явления нередко имеют и негативную сторону. Так, негативным образом этот прогресс сказался на характере и особенностях преступной деятельности во многих странах.

В России изменению подверглись фактически все виды преступлений. Убийства, разбойные и бандитские нападения, все виды краж стали тщательно подготовленными и более жестокими в исполнении. Техническое оснащение преступников обогатилось современными научно-техническими средствами, современным оружием. Особенно растут и постоянно совершенствуются способы и механизмы мошеннических хищений денежных средств граждан, банков, бюджетных средств, выделенных на реализацию важных государственных экономических, оборонных, культурных и спортивных проектов. Именно при их реализации широко используются все новинки цифрового мира. Такие преступления в настоящее время практически приобретают характер киберпреступлений.

И если ранее понятия «киберпреступление», «киберпреступность» применялись лишь по отношению к преступлениям, касающимся незаконного доступа в компьютерные системы воздействия на компьютерные системы или компьютерные данные, то сейчас под киберпреступлениями в самом широком смысле слова понимают любые преступления, совершенные посредством или с помощью использования компьютерных технологий компьютерных сетей и с использованием интернета, включая такие преступления, как незаконное владение, распространение ложной информации посредством компьютерных систем или сетей и вообще любые преступления, в которых инструментом, целью или местом преступных действий являются компьютерные сети, сети интернета. Вместе с тем традиционно подпадают под это понятие такие преступления, как неправомерный доступ к компьютерной информации (хакерство, взлом шифра), незаконное получение данных (информационный шпионаж), незаконное получение информации и связанные с ним преступления.

Еще один новый и более сложный вид киберпреступлений – это мошеннические действия с криптовалютой (цифровыми деньгами), единицей которых является биткоин. В работе с ними задействована сложная интернет-компьютерная система (блокчейн). К счастью, таких преступлений еще немного [4, с. 288]. И методика их расследования практически не разработана.

Однако наиболее распространенными видами киберпреступлений в настоящее время стали компьютерные мошенничества, мобильные мошенничества (включая снятие денег со счетов граждан), кибервымогательство, кража идентичности (мошенническое получение и использование сведений о личности граждан) и др.

Киберпреступления захватывают и изготовление детской порнографии, ксенофобских материалов или оскорбление в адрес религиозных символов, религиозные преступления. Разнообразие таких преступлений расширилось с появлением интернета. С его помощью стали совершаться многие киберпреступления, побуждающие других граждан, использующих интернет, к совершению различного вида преступлений.

В условиях финансово-экономических колебаний активизировались правонарушения (фактически совершаемые организованными бизнес-группами) в виде картельных соглашений различного рода, совершаемых крупными корпорациями в целях устранения конкуренции и установления цены на товары и сырье в своей сфере деятельности. При совершении этих преступлений широко используются еще и компьютерные технологии. Такие преступления наносят значительный экономический ущерб гражданам и государству.

Сама же организованная преступность приобрела более опасные черты, в частности, она стала более самоорганизованной, консолидированной, структурно сложной, нередко охватывающей деятельность различных юридических лиц. Растет и развивается ее коррупционная составляющая. Наблюдается укрепление ее финансовой, материально-технической базы, широкое использование компьютерной техники и интернета, информационных технологий.

Современная организованная преступность фактически превращается в хорошо организованную киберпреступность. Основным видом ее преступной деятельности все чаще становится хищение бюджетных средств, выделенных на осуществление важных государственных задач в области российской экономики, обороноспособности, космонавтики, спорта и культуры, а также деятельность террористической направленности. И что особенно тревожно и опасно – в такой преступности смываются границы между организованной преступностью разного вида и терроризмом. Все это негативно влияет на характер криминогенной обстановки в стране и соответственно ставит перед криминалистами

ряд важных задач по совершенствованию всех своих не только технических средств, особенно тактических приемов и методов криминалистики, позволяющих эффективно раскрывать и расследовать киберпреступления всех видов и иные преступления в изменившихся условиях.

Для этого прежде всего необходимо на должном уровне овладеть знаниями компьютерных и интернет-технологий, позволяющих следователям разобраться в механизме совершения такого рода преступлений. Именно эти знания в большей мере позволяют тщательно разобраться в способах действий преступников по следовой картине киберпреступлений. Сопоставив выявленные данные следовой картины таких преступлений с общими характерными особенностями их способов и механизма, можно уверенно сориентироваться в тех их чертах, которые свойственны именно такого рода преступлениям, и определить уровень профессионального умения в действиях их исполнителя. Это позволит получить определенное представление о личности исполнителя, направлениях его розыска, о тактике задержания и последующего контакта с ним в процессе допроса и других следственных действий, а еще и в тех тактических и иных приемах, основанных на данных мыслительных приемов, которые могут быть эффективны в ходе работы с ним в процессе расследования.

В этой связи нельзя не отметить, какое большое внимание Ганс Гросс уделил умению следователя правильно выбирать логические, психологические и иные приемы при общении с преступником. Именно это во многом, по его мнению, позволит не только избегать мыслительных и иных ошибок, но и контролировать свои выводы и действия, непрерывно проверять и отбрасывать все то, что хотя бы самым отдаленным образом имеет характер преувеличения [2, с. 13]. Вопросам важности умелого применения мыслительных приемов, особенно логики, а также вопросам применения естественных и технических наук при расследовании уделяли внимание и такие последователи Г. Гросса, как Э. Анушат, А. Рейс и др.

Среди отечественных криминалистов советской и постсоветской эпохи эту проблему исследовали И. Н. Якимов, С. М. Потапов, В. И. Громов, А. А. Эйсман, А. И. Винберг, И. Ф. Крылов и др. Но наибольшее предметное внимание вопросу важности владения следователями именно криминалистическим мышлением уделяли Р. С. Белкин, А. В. Дулов, И. М. Лузгин и Г. А. Зорин. В их работах содержалось много разнообразных сведений и рекомендаций

тактического характера, в том числе и мыслительного свойства, которыми должны обладать следователи, чтобы, как отметил Р.С. Белкин, они были не «унылыми ремесленниками, а подлинными мастерами своего дела» [1, с. 18].

Все изложенное выше напрямую связано с криминалистической тактикой, ибо в ее задачи прежде всего входит выявление и изучение закономерностей логико-психологических и иных особенностей поведения преступников в процессе подготовки и совершения преступлений, выбора способа совершения преступления и его поведения в ходе следствия. На основе анализа их поведения и выявления личных особенностей осуществляется разработка вида, характера, приемов следственных действий в разных следственных ситуациях, позволяющих преодолевать все сложности при поиске доказательств, в процессе доказывания и при контакте с подозреваемым и другими лицами, попавшими в орбиту следствия.

Как показывает современная следственная практика, тактика расследования преступлений в цифровом мире, в котором активно и широко используются компьютерные технологии, интернет, больших изменений еще не претерпевала. Соответственно, возникает необходимость разработки таких тактических рекомендаций, которые позволили бы разобраться и в тех новых явлениях в поведении преступников при совершении преступлений, особенностях оставляемой ими следовой картины преступлений, способах выявления, фиксации и использовании обнаруженных следов преступления в процессе доказывания.

Распространенность киберпреступлений, связанных с крупными аферами в экономике, хищением государственного имущества, мошенничеством в сфере имущественных отношений, различными фальсификациями, со снятием с каналов связи информации, ее подлогом, осуществлением незаконного бизнеса поставила перед криминалистикой (и особенно перед криминалистической тактикой) ряд серьезных задач, которые необходимо решать в целях обеспечения расследования преступлений на должном профессиональном уровне.

Прежде всего следователям, как уже отмечалось, необходимо хорошо разобраться во всех особенностях компьютера, интернета, их возможностях в разных сферах применения, сетевых системах, характере связей между ними, а также в информационно-телекоммуникационных технологиях. Важно знать особенности

следовой картины таких преступлений, иметь представление о возможных местах нахождения и хранения скрытой информации, уметь определять предполагаемые места, с которых возможно невидимо управлять работой удаленного компьютера. Следует иметь в виду, что совершенствование компьютеров, их технологических возможностей могут привести к решению таких задач с помощью компьютеров, которые ещё не предусмотрены их создателями. Недостаточная ориентация в этих вопросах, хотя бы в основных из них, может негативно повлиять на выстраивание тактики осмотра места происшествия и других объектов и иных следственных действий при поиске доказательств по таким преступлениям. При проведении отдельных следственных действий указанная неосведомленность может привести к потере следователем профессионального авторитета в глазах участвующих в них лиц. Например, при допросе подозреваемых, показав свое недостаточное знание особенностей, способа и механизма расследуемого преступления, следователь рискует не получить от них правдивые показания, или получить такие, которые он сам не сможет профессионально оценить. Компьютерная неподготовленность следователя может негативно сказаться и на других действиях следователя.

Должное знание компьютерно-технических технологий и соответствующей терминологии имеет важное значение для правильной формулировки вопросов к лицам, совершившим данные преступления, и к свидетелям, а также для получения правдивых ответов на поставленные вопросы.

При оценке выявленных первоначальных следственных ситуаций по этим делам, позволяющей правильно определить направление предстоящего расследования, важно прежде всего выявить в следственной картине, особенно при отсутствии каких-либо данных о преступнике, позволяющих судить о механизме его действий, сведения об уровне его криминального профессионализма, а также об уровне знаний и умений в области компьютерных технологий. Именно эта информация и позволит правильнее определить направление расследования.

Очень важно знать особенности субъектов этих преступлений вообще и в частности применительно к особенностям конкретного преступления. Без этого знания также трудно выстраивать нужную тактику допроса указанных лиц и общение с ними в ходе других следственных действий. Это нужно учитывать и при

решении вопроса о виновности либо невиновности подозреваемого, а также в процессе доказывания вины подозреваемого в содеянном. Анализ литературных источников и следственной практики позволяет выявить виды и особенности компьютерных преступников. Интересны и познавательны в этом аспекте исследования В. С. Овчинского, который в своем учебнике «Криминология цифрового мира» [3] провел весьма интересный анализ видов и особенностей компьютерных преступников. К основной их категории он относит хакеров [3, с. 188], что подтверждает и анализ следственной практики. Эта группа преступников с середины XX века до настоящего времени прошла существенное развитие в определении и мотивах своих действий (от новаторского исследования компьютерных систем и их познавательных возможностей при решении разных значимых экономических и социальных задач до несанкционированного вторжения в компьютерные системы фирм, банков, распространения компьютерных вирусов, совершения других преступлений с применением компьютеров). В настоящее время хакерская субкультура стала сращиваться с общеголовным криминальным миром, началось создание хакерских союзов, фирм, тесным образом сотрудничающих с криминальными и теневыми структурами.

Современные хакеры существенно повысили свой криминальный профессионализм и свой интеллектуальный уровень. Они широко используют в своей преступной деятельности не только методы социальной инженерии для разработки способов манипулирования поведением людей, но и создают психологические программные модели поведения людей в разных ситуациях. Они могут целенаправленно формировать факторы, способные привести человека к сознательному неумышленному соучастию в разрушении системы информационной защиты организации, осуществлять давление на жертву путем шантажа или обмана с целью получения необходимой информации и др. То есть важнейшей особенностью субкультуры современных хакеров является осознание собственной избранности в сфере компьютерных технологий, высокая оценка себя в сфере криминального использования этих технологий [3, с. 188–191].

Поэтому очень сложно найти правильные методы и тактические приемы допроса таких преступников, наладить с ними психологический контакт, получить необходимую информацию для последующей проверки и изобличения виновных. В результате, как

свидетельствует практика, следователи, недостаточно «продвинутые» в вопросах интернета и компьютерных технологий, часто не находят нужного профессионально-технического языка при контакте с преступниками, как бы говоря на разных языках. Это существенным образом мешает эффективности расследования таких преступлений и в то же время обязывает следователей серьезно отнестись к должному овладению компьютерно-техническими знаниями особенностей хакеров и к разработке тактики их допроса и других такого рода преступников.

При этом нужно иметь в виду, что, как уже отмечалось, компьютерные технологии используются преступниками в сфере детской порнографии и в вовлечении подростков в смертельную игру, последним шагом в которой должно стать самоубийство, создание различных сект. Все эти преступники также имеют свои специфические особенности, которые необходимо учитывать при разработке тактических рекомендаций в работе с ними в при различных следственных действиях в процессе расследования этих преступлений. Здесь необходимо знание детской и подростковой психологии поведения.

Знание субъектов компьютерных преступлений важно для выбора следователем специалистов, которые могут оказать ему необходимую помощь в уяснении технико-технологических особенностей способа и механизма совершения подобных преступлений и в определении вопросов, подлежащих выяснению при допросе таких преступников и, соответственно, важно для продумывания тактики их допроса. Те же знания требуются и для определения вопросов, подлежащих решению компьютерно-технической экспертизой.

В криминалистической тактике всегда большое значение имело выстраивание системы тактических приемов проведения следственных действий и тактических операций с умелым и продуманным применением различных мыслительных приемов. В настоящее время, когда электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети интернет, стали частью повседневной жизни граждан России, и с внедрением в их жизнь результатов всех современных научно-технических исследований и применения компьютерных и интернет-технологий, существенным образом расширился социальный, трудовой, предпринимательский кругозор граждан нашей страны, позволяющий разумно применять и использовать указанные достижения.

Вместе с тем это не могло не сказаться на деятельности преступников. Как уже ранее отмечалось, изменились их вооруженность, усложнились средства и методы совершаемых преступлений, а главное, их криминальная психология. Преступления стали более подготовленными, изощренными, жестокими и с широким применением разных средств противодействия расследованию. Стало значительно труднее добывать доказательства, общаться с преступниками в процессе следственных действий. Существенным образом повысилась необходимость в более умелом применении к ним мер психологического воздействия, приемов рефлексии, рефлексивных игр, более умелого диагностирования всех реакций лица в ходе допроса и других следственных действий на тактические приемы контакта следователей. Особенно это касается использования в разработке и оценке результатов тактических приемов различных мыслительных методов, входящих в арсенал криминалистического мышления как главной основы, на которой базируется разработка тактических приемов. Формирование криминалистического мышления начали еще Ганс Гросс, а также советские и российские криминалисты. Однако полного представления о характере такого мышления на должном научно-практическом уровне и возможностях использования в нашей отечественной криминалистике еще не сложилось. В связи с этим представляется, что одной из важных задач криминалистики, особенно в современных условиях, является разработка понимания, сути, характера криминалистически значимых возможностей криминалистического мышления и раскрытия практических возможностей его применения.

Для этого необходимо:

* на базе изучения всех современных мыслительных методов и других научно-методических данных выделить и систематизировать наиболее пригодные и эффективные из них для использования следователями при расследовании преступлений;

* на такой основе разработать целостную научно-практическую концепцию криминалистического мышления. Важным элементом этой концепции должна стать разработка системы мыслительных методов, применимых для решения в первую очередь наиболее важных тактико-методических задач расследования;

* создать для решения такой задачи коллектив ученых-единомышленников из числа юристов, психологов, философов, математиков и практических работников. Это могут быть заинтересованные ученые-криминалисты юридических вузов, научные

и практические работники следственного комитета, МВД и ФСБ и других заинтересованных в этом ведомств;

* ученым вузам на основе сформированной концепции криминалистического мышления разработать систему дидактических приемов доведения до студентов, курсантов сути и значения такого мышления и хотя бы на доступном на сегодня уровне научить их основным приемам такого мышления при проведении расследования;

* в системе перечисленных ранее ведомств создать территориальные учебные пункты, в которых бы развивались и закреплялись полученные при вузовском обучении знания следователей практики применения различных мыслительных методов в разных следственных ситуациях расследования различных преступлений.

Список использованных источников

1. Белкин Р.С. Ведется расследование. – М.: Сов. Россия, 1976. – 224 с.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – М.: ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
3. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. – М.: Норма, Инфра-М, 2018. – 352 с.
4. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. – М.: Книжный мир, 2017. – 288 с.

2.4. Экономический анализ в расследовании преступлений¹

Современные тенденции развития мировой экономики, связанные с цифровизацией в глобальном масштабе экономических процессов, определяют новые подходы к развитию экономики как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу. Принципиально качественно иной уровень принимают

¹ Автор – Л. П. Климович.

экономические отношения в условиях глобальной информатизации. Они рассматриваются как некоторая экосистема цифровой экономики в форме партнерства организаций, которая обеспечивает постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан [9].

Использование цифровых технологий в едином информационном пространстве предоставляет широкие возможности для развития бизнеса, интеграции информационных потоков, обмена знаниями и технологиями. В то же время такая экосистема при всей своей привлекательности дает высокую эффективность функционирования только при условии ее защищенности от внешних и внутренних экономических и информационных угроз и слаженности единой государственной системы национальной безопасности, направленной на предупреждение, выявление, раскрытие и расследование преступных посягательств на объекты государственной, корпоративной и личной собственности. В этой связи очевидно, что развитие экосистемы цифровой экономики, как многих других достижений информационного прогресса, несомненно, будет сопровождаться появлением новых способов и механизмов совершения преступлений в новой цифровой экосистеме.

Система защиты от таких угроз – это прежде всего различные государственные структуры и механизмы их функционирования в правоохранительной сфере. Механизм противодействия преступности в экономической сфере и ее предупреждения во многом определяется эффективной организацией системы финансового контроля и финансового мониторинга (здесь мы рассматриваем деятельность Федеральной налоговой службы, Федерального казначейства, Банка России, Росфинмониторинга и др.), а также спецификой деятельности по раскрытию преступлений в сфере экономической деятельности, эффективность которой во многом зависит от способности правоохранительных структур интегрировать в свою деятельность методы различных отраслей знания, трансформированных для решения задач раскрытия преступлений.

Для установления обстоятельств и механизма совершения экономических преступлений наиболее востребованы знания и методы таких наук, как бухгалтерский учет, аудит, контроль и ревизия, статистика, экономический анализ. При этом следует иметь в виду, что содержание этих методов и алгоритмы их применения

в методике расследования преступления «наполняются криминалистическим содержанием и облекаются в установленную (допускаемую) законом форму» [3, с. 123].

Фундаментальные научные исследования по данной проблематике таких ученых, как С.П. Голубятников, С.Ю. Журавлев, Е.С. Леханова, А.Н. Мамкин, В.Г. Танасевич, В.А. Тимченко, И.Л. Шрага, Г.А. Шумак и др., проводимые с начала 70-х годов прошлого столетия и до настоящего времени, доказали состоятельность новой области научного знания (именуемой «судебная бухгалтерия») – это судебно-экономические знания. Их предмет составляет исследование закономерностей отражения в системе учетно-экономической информации преступной деятельности, совершаемой под видом законных хозяйственных операций [4]. Они «представляют собой продукт творческого приспособления положений конкретных экономических наук к решению задач уголовного судопроизводства» [3, с. 123].

Эта область знания органично интегрирует два направления, каждое из которых решает специфичные задачи:

1) непосредственно судебно-экспертные экономические знания – они служат основой для построения алгоритмов проведения исследований и разрешения конкретных экспертных задач при производстве судебных экономических экспертиз;

2) экономико-криминалистические знания (получившие название – «экономическая криминалистика» [5]) как определенная методика применения судебно-бухгалтерских знаний в деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Достаточно емкое понятие экономической криминалистики сформулировал Г.А. Шумак [12].

Остановимся более подробно на втором направлении – экономико-криминалистические знания.

В 2002 году Г.А. Шумак писал о методах экономической криминалистики: «...с их помощью определяются направления поиска информации, выявляются связи и противоречия в исследуемых фактах» [11]. В системе специфичных методов экономической криминалистики ученый рассматривает три уровня (в зависимости от общности решаемых задач):

1) общие методы расследования преступлений, включающие методы организации деятельности следователя, поисковые методы, методы выявления и анализа механизма преступления, методы его фиксации;

2) методы решения типовых тактических задач, включающие, например, специфичные алгоритмы исследования документальных данных, направленные на выявление недостачи, фактов сокрытия объектов налогообложения, на установление размера материального вреда, выяснение преступных связей должностных лиц и др.;

3) методы выполнения отдельных действий в ходе расследования. Они позволяют решать конкретные задачи получения информации путем исследования содержания экономических операций, документов как непосредственно самим следователем при проведении следственных действий, при анализе материалов дела, а также при проведении следственных действий с участием специалиста.

В числе общих методов экономической криминалистики Г. А. Шумак предложил такие методы: криминалистического моделирования, нормативного моделирования, криминалистического анализа функций должностных лиц; технологического анализа, бухгалтерского анализа, экономического анализа и др. [11]. Рассмотрим несколько подробнее эти методы.

1. *Метод криминалистического моделирования*, являющийся универсальным. Он включает, в частности, нормативное моделирование, когда реальная модель функционирования объекта соотносится с моделью, построенной на основе нормативных требований, предъявляемых к деятельности экономического субъекта.

2. *Метод криминалистического анализа функций должностных лиц* имеет особое значение в расследовании преступлений, совершаемых организованной преступной группой.

3. *Метод технологического анализа*, когда реальный технологический процесс сопоставляется с моделью, построенной с учетом всех нормативов и технологических правил. Использование этого метода обязательно при расследовании дел о преступлениях, совершаемых в строительной отрасли, промышленности, когда имеет место хищение, связанное с нарушением производственной технологии.

4. *Метод бухгалтерского анализа*, основанный на использовании контрольных равенств учетного процесса, а также защитных функций бухгалтерского учета. Он позволяет установить противоречия между содержанием учетных записей и их документальным основанием; содержанием хозяйственной операции и применяемыми для ее записи счетами бухгалтерского учета; записями на взаимосвязанных счетах бухгалтерского учета по одной

и той же операции; данными аналитических и синтетических счетов бухгалтерского учета. Бухгалтерский анализ содержания бухгалтерских документов и записей, имеющих в материалах дела, наиболее целесообразно проводить с привлечением специалиста в области бухгалтерского учета и аудита.

5. *Метод экономического анализа.* Если в деятельности экономического субъекта экономический анализ показателей позволяет установить причинно-следственные связи экономических явлений и процессов, и на этой основе дать правильную оценку и обоснование принятия управленческих решений, то экономический анализ, используемый в криминалистике, имеет другую цель. При анализе взаимосвязанных экономических показателей деятельности экономического субъекта выявляются противоречия, которые в совокупности с другими установленными несоответствиями могут рассматриваться как признаки противоправной деятельности. Полагаем, что во втором случае целесообразно использовать более точное и емкое понятие – экономико-криминалистический анализ, тем более, что в научной литературе экономико-криминалистический анализ уже многие годы рассматривается как самостоятельный метод исследования в судебной бухгалтерии, как самостоятельная учебная дисциплина, которую преподают будущим сотрудникам правоохранительных органов подразделений по экономической безопасности и противодействию коррупции.

Одной из первых научных работ, в которой ученые показали возможности методов экономического анализа при выявлении хищений, но обозначили их как экономико-математические методы, была работа, опубликованная в 1973 году в журнале «Социалистическая законность» [6]. С. П. Голубятников в 1977 году рассматривает в новом качестве экономический анализ в расследовании преступлений [7], и начиная с 1980 года получает свое развитие новое направление научного исследования – использование экономического анализа в расследовании преступлений. В 1983 году группа ученых, основываясь на результатах, апробированных в правоохранительных органах исследований, впервые использует термин «экономико-криминалистический анализ» [1, с. 60–62].

Объектом экономико-криминалистического анализа, по мнению ученых, выступает система экономических показателей, отображающих производственно-хозяйственную деятельность предприятия, а его предметом являются закономерности, характеризующие влияние события преступления на результаты этой

деятельности [1, с. 62]. Если непосредственно рассматривать приемы экономико-криминалистического анализа, которые нашли свое применение в большей части на этапе выявления экономических преступлений, то следует указать наиболее распространенные: метод сопряженных показателей; метод предельных расчетных показателей; метод стереотипов; метод корректирующих показателей; метод бухгалтерских несоответствий; метод хронологических несоответствий [10, с. 139–218].

Современное законодательство в сфере налогового, финансового, банковского контроля, а также в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов широко использует приемы экономико-криминалистического анализа для диагностики финансовых нарушений и отдельных видов преступлений, тем более что в условиях глобальной цифровизации финансовых операций этот контроль со стороны государства становится реальным и постоянным. Ряд таких нормативных документов утвердил Банк России. Например, к числу некоторых признаков сомнительных операций, осуществляемых по счету клиента, Банк России отнес различные несоответствия, каждое из которых по сути является одним из приемов экономико-криминалистического анализа: со счета не производятся выплаты заработной платы работникам клиента, а также связанные с ними перечисления по налогу на доходы физических лиц и страховым взносам, либо производимые платежи не соответствуют среднесписочной численности сотрудников клиента и (или) что свидетельствует о занижении реальных сумм заработной платы (налогооблагаемой базы); фонд заработной платы сотрудников клиента установлен из расчета ниже официального прожиточного минимума [8]. Первый признак – несоответствие, выявляемое методом стереотипов; второй – несоответствие, выявляемое методом предельных расчетных показателей.

Федеральная налоговая служба опубликовала критерии самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков [8]. Каждый из критериев – это тоже применение приемов экономического анализа для целей обнаружения налоговых правонарушений. В их числе следующие критерии (признаки): налоговая нагрузка у данного налогоплательщика ниже ее среднего уровня по хозяйствующим субъектам в конкретной отрасли (виду экономической деятельности); отражение в бухгалтерской или налоговой отчетности убытков на протяжении нескольких налоговых периодов; отражение в налоговой отчетности значительных сумм налоговых

вычетов за определенный период; опережающий темп роста расходов над темпом роста доходов от реализации товаров (работ, услуг); выплата среднемесячной заработной платы на одного работника ниже среднего уровня по виду экономической деятельности в субъекте Российской Федерации.

Если в приведенных примерах экономико-криминалистический анализ направлен на реализацию контрольных функций государства, то эти и другие признаки и несоответствия, выявляемые методами экономической криминалистики, могут быть использованы в установлении способа (механизма) совершения того или иного экономического преступления. Они могут быть органично использованы как на этапе планирования расследования, так и непосредственно при решении конкретных тактических задач, при проведении отдельных следственных действий, в том числе с участием специалистов в области экономики, финансов, бухгалтерского учета и аудита.

Использование на практике системы методов экономической криминалистики, конкретных приемов и методов экономико-криминалистического анализа, получивших распространение в оперативно-следственной практике в 80-е годы прошлого столетия, на наш взгляд, становится особенно актуальным для современной правоохранительной практики выявления и расследования уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности, многие из которых сегодня имеют определенное отношение к цифровым технологиям и оставляют следовую картину в различных источниках цифровой информации. Полагаем, что данный методологический подход следует учитывать при разработке современных методик выявления таких преступлений и криминалистических методик по их расследованию.

Список использованных источников

1. Выявление хищений экономико-криминалистическими средствами / под общ. ред. С.П. Голубятникова, Г.В. Дашкова, В.Г. Танаевича. – Горький: ГВШ МВД СССР, 1983. – 91 с.
2. Голубятников С.П., Шумак Г.А. Проблемы адаптации положений экономических наук к задачам выявления и расследования преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник

Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 122–128.

3. Голубятников С. П., Леханова Е. С. Судебно-экономические знания в деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 97–101.

4. Голубятников С. П. Экономическая криминалистика: фантом или реальность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 117–121.

5. Голубятников С. П. Системный подход к проблеме выявления хищений средствами экономического анализа // Труды Горьковской высшей школы МВД СССР. Вып. 9. – Горький: ГВШ МВД СССР, 1977. – С. 29–37.

6. Егоров А., Михеев Ю., Орлов Я., Шрага И. Экономико-математические методы выявления хищений // Социалистическая законность. – 1973. – № 6. – С. 21–25.

7. Методические рекомендации о подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма: утв. Банком России 21.07.2017 № 18-МР. – М., 2017.

8. Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок: приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012). – М., 2012.

9. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. – М., 2017.

10. Тимченко В. А. Концепция криминалистической диагностики преступлений на основе бухгалтерской информации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. – Нижний Новгород, 2001. – 382 с.

11. Шумак Г. А. Система экономико-криминалистических методов расследования преступлений // Право и демократия: сб. науч. трудов. – Минск: Изд-во БГУ, 2002. – Вып. 13. – С. 259–266.

12. Шумак Г. А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки // Право и демократия: сб. науч. трудов. – Минск: Изд-во БГУ, 2001. – Вып. 11. – С. 281–289.

2.5. Перспективные направления в развитии частной криминалистической методики¹

Криминалистическая методика традиционно одна из самых больших частей как науки, так и учебной дисциплины. Зачастую во многих учебниках и научных исследованиях криминалистическую методику называют конечным продуктом криминалистической науки, который является «заключительной частью криминалистики» [12, с. 310]. Структурно она (часть) может быть представлена в виде двух самостоятельных разделов: общетеоретических положений и конкретных частных криминалистических методик, которые посвящены различным вопросам расследования и судебного рассмотрения отдельных видов и групп преступлений. Такие методики некоторые авторы называют видовыми, типовыми и т. п. Они могут быть совершенно разными с точки зрения структуры и содержания. Не вдаваясь в дискуссию, для корректного изложения авторской позиции уточним, что в рамках этого раздела монографии под частной криминалистической методикой мы будем иметь в виду криминалистические особенности расследования и судебного рассмотрения отдельных видов и групп преступлений, структурно представляющих собой разную степень общности и содержания.

Одним из первых ученых-криминалистов, который методологически обосновал основы криминалистической методики, по праву можно считать А. Н. Васильева [3, 72 с.]. Теоретическому обоснованию структуры методики расследования отдельных видов преступлений посвящена одна из основных работ В. К. Гавло [4, 333 с.]. Вениамин Константинович считал, что структурно частная криминалистическая методика может быть представлена в виде трех подсистем. В первой сосредоточены типовые знания о механизме, источниках и следах преступной деятельности. Вторая структурная часть содержит типовые знания о средствах, приемах и методике предварительного расследования. Третья – это методика судебного разбирательства [5, с. 17–26].

Такой подход к структуре частной криминалистической методики разделяют далеко не все ученые-криминалисты. Например, практически во всех без исключения учебниках по криминалистике четвертая часть представлена именно методиками расследования

¹ Автор – Е. В. Смахтин.

[11, с. 412–649]. Н. П. Яблоков определяет рассматриваемую часть криминалистики как криминалистическую методику расследования, не включая в содержание предметной сферы криминалистики методику судебного разбирательства. По крайней мере, так следует из цитируемой работы Николая Павловича [14, с. 109].

На наш взгляд, методика судебного разбирательства входит в предмет криминалистики и ее необходимо разрабатывать. Естественно, речь идет о научных исследованиях, направленных на разработку так называемых полноструктурных методик. Нужно ли это делать в учебной литературе? На наш взгляд, если речь идет о преподавании криминалистики в обычном высшем учебном заведении, то обучающимся достаточно знать методические основы расследования некоторых видов преступлений. В специализированных высших учебных заведениях, например в Университете прокуратуры, обязательно нужно преподавать в том числе и тактику поддержания государственного обвинения в ходе судебного следствия. Другое дело, что в этих случаях возникает необходимость уточнения предмета криминалистики, поскольку специфика судебного рассмотрения через призму состязательности сторон обвинения и защиты, предопределяет, что тактика защиты в предмет криминалистики не входит, иначе необходимо пересмотреть теоретические основы криминалистики как науки, находящейся на передних рубежах борьбы с преступностью.

В этом смысле интересны рассуждения О. Я. Баева о криминалистических вопросах собирания доказательств защитником [1]. Полагаем, что нужно дождаться исследования, в котором было бы обосновано, что «собирание доказательств защитником» как предоставленное право, осуществляемое согласно одной из норм уголовно-процессуального кодекса, должно соответствовать и другим требованиям уголовно-процессуального законодательства, прежде всего с точки зрения свойств доказательств. Представляется, что установление объективной истины на досудебных стадиях является общей задачей сторон обвинения и защиты, хотя, как известно, законодатель таких требований в настоящее время к деятельности сторон не предъявляет.

Ю. П. Гармаев в своей докторской диссертации предлагал создание некой базовой методики расследования, на основе которой будут разрабатываться методики расследования отдельных видов преступлений [6, с. 63–66].

Как видим, в науке существуют разные подходы к структуре и содержанию частной криминалистической методики. На наш взгляд, это вполне оправдано, так как каждый из исследователей выявит (установит) закономерные связи на разных этапах расследования либо судебного разбирательства, главное, чтобы эти связи обладали элементами актуальности, научной новизны и входили в предмет криминалистики. Однако различные подходы в позициях ученых-криминалистов на практике привели к тому, что многие научно обоснованные рекомендации не воспринимаются в практических подразделениях, а ведь именно они являются основными адресатами научных исследований в области криминалистики. Следовательно, одним из перспективных направлений развития криминалистической методики нужно считать адаптацию уже существующих частных криминалистических методик к потребностям практики. Механизм реализации этого направления развития раскроем позже.

Ранее до появления действующей номенклатуры научных специальностей частные криминалистические методики, как правило, носили междисциплинарный характер. Так, Е. А. Ерахтина под научным руководством В. Е. Корноухова успешно защитила диссертацию на тему «Видовая методика по расследованию незаконного получения банковского кредита и злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности» [8]. В исследовании, помимо собственно криминалистических вопросов, отчасти рассмотрены уголовно-правовые и уголовно-процессуальные (параграфы 2.4, 4.1 диссертации). В диссертационном исследовании Н. Е. Шинкевич на тему «Актуальные проблемы криминалистической виктимологии» (науч. рук. Л. В. Винницкий) рассмотрены вопросы как криминалистики, так и уголовного права, криминологии [13]. Некоторые частные криминалистические методики носили еще более комплексный характер. Представляется, что подобный подход заслуживает всяческой поддержки. Однако возникает вопрос, относятся ли полученные научные результаты к предмету криминалистики. Очевидно, что нет. Согласно действующей номенклатуре научной специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» рассмотрение вопросов уголовно-правового и уголовно-процессуального характера этой специальности не соответствует. Не секрет, что в настоящее время, согласно требованиям «Положения о присуждении ученых степеней»,

утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации, в отзыве на диссертацию и автореферат должно найти отражение соответствие исследования научной специальности, по которой защищается диссертация. Естественно, все научное сообщество обязано эти критерии выдерживать. Приведем пример. В диссертации Д. Н. Еремина на тему «Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона» (науч. рук. Т. С. Волчецкая) [9] дана криминалистическая характеристика политического экстремизма, выделены методические основы расследования и его тактические особенности. Возникает закономерный вопрос, что представляет собой исследование по своей сути? В работе детально исследованы именно криминалистические особенности расследования, а не все вопросы криминалистической методики. Представляется, что более точен В. Н. Карагодин, который исследовал основы методики расследования умышленных убийств [10]. Таким образом, представляется, что частные криминалистические методики, создаваемые сегодня, представляют собой по сути криминалистические особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Более того, некоторые из созданных методик имеют так называемый «усеченный характер», т. е. охватывают даже не все вопросы, возникающие в ходе предварительного расследования, не говоря уже о стадии судебного разбирательства. Нужны такие частные криминалистические методики науке? Да, безусловно, нужны. Но если мы хотим создать именно методику расследования конкретного вида или группы преступлений, то должны отдавать себе отчет в том, что очень многие вопросы уголовно-правового и уголовно-процессуального характера не менее важны, чем вопросы криминалистические. И они должны находить свое отражение в комплексных исследованиях, как минимум, соответствующих номенклатуре научных специальностей, обозначенных литерами 12.00.08, 12.00.09 и 12.00.12. Очевидно, что Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации от ученых этого не требует. Естественно, мы идем по пути наименьшего сопротивления, создавая частные криминалистические методики. Можно предположить, почему конечный продукт криминалистической науки не востребован практиками. Прежде всего потому, что там нет ответов на многие животрепещущие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные вопросы

расследования и судебного рассмотрения исследуемой категории уголовных дел.

Таким образом, если в первом случае, выделяя тенденцию, мы писали об отсутствии механизма адаптации частных криминалистических методик к потребностям практики, то во втором речь идет о комплексном научном подходе и создании на монографическом уровне частных методик расследования отдельных видов и групп преступлений (не только криминалистических), в которых последовательно должны излагаться вопросы квалификации, уголовно-процессуальные и криминалистические особенности. Это важнейшее перспективное направление в развитии частной методики расследования. Очевидно, что в последние годы, после утверждения в номенклатуре научной специальности под литером 12.00.12 проведение комплексных научных исследований стало занятием малоперспективным, исследования «на стыке наук» скорее исключение из правил. Однако если мы хотим «работать на практику», то нужна комплексность и глубина исследований. Созданные комплексы методических рекомендаций должны в последующем внедряться в практическую деятельность как сплав знаний уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического характера.

Если предпринять попытку анализа всех диссертаций по криминалистике на соискание ученой степени кандидата юридических наук, которые защищены в последние годы, то можно достаточно быстро убедиться в том, что большинство научных исследований проводятся как раз по частным криминалистическим методикам различной степени общности. Зачастую именно различная степень общности «вновь созданной методики» подается нам как научная новизна работы. Погружение в ее содержание приводит к неутешительным выводам о том, что (в лучшем случае) – это повторение того, что уже когда-то было написано. Заметим: многие ученые, посвятившие свои кандидатские диссертации исследованию тех или иных частных криминалистических методик, в некоторых случаях, глубоко в проблемы практики не погружены, что отчасти также объясняет, почему защищенная диссертация остается не востребованной практическими подразделениями правоохранительных органов. Мы не ставим целью критиковать существующую ситуацию в криминалистической науке, в том числе связанную с защитой диссертации и формальными требованиями Высшей аттестационной комиссии Министерства науки

и высшего образования РФ, предъявляемыми к ее содержанию. Но если говорить о перспективах развития криминалистической методики как части криминалистики, то не замечать этой проблемы просто нельзя. «Другая сторона медали» как раз и заключается в том, что уже имеющиеся частные криминалистические методики должны постоянно совершенствоваться, уточняться как с точки зрения глубины наших научных представлений об этом, так и с точки зрения разработки новых технических и тактических криминалистических приемов и средств. Следовательно, совершенствование уже имеющихся частных криминалистических методик остается актуальным научным направлением в их развитии, однако с учетом приоритета интересов практических подразделений. Повторим, что именно они, как представляется, должны быть основными потребителями конечного продукта криминалистической науки. Исходя из этого основной проблемой существующей сегодня в криминалистической методике, да и криминалистике в целом, можно считать колоссальный разрыв между теорией и практикой. К большому сожалению, в последние годы он неуклонно растет. Одна из причин, которая представляется довольно очевидной, – низкое качество подготовки научных исследований, посвященных тем или иным аспектам криминалистической методики. Другая проблема, вытекающая из выделенной, – отсутствие систематизации уже имеющихся частных криминалистических методик. Самыми почитаемыми криминалистами, которые стояли у истоков науки, мы считаем тех ученых, которые смогли сначала систематизировать разрозненные знания, а затем и провести их критический анализ. Одним из таких ученых являлся Г. Гросс, что в настоящее время уже можно считать общеизвестным фактом. Ведь именно он впервые систематизировал разрозненные сведения «о телесных повреждениях», «о краже», «о мошенничестве», «о поджоге» [7, с. 757–1025]. Не менее значим вклад Р.С. Белкина, который многие годы работал в направлении «от теории к практике», что было важно как тогда, так и в настоящее время [2, с. 166–260].

Как тут не вспомнить поговорку: «все новое – это хорошо забытое старое»? Возникает вопрос, почему забыли? Пожалуй, сейчас хотелось перейти от проблем науки к оценке ситуации, которая сегодня объективно складывается на практике. Представляется, что научный потенциал криминалистики достаточен для того, чтобы его реализовать в практической деятельности. Полагаем,

что в практику должны внедряться доступные и простые по своей сути научно обоснованные советы, возможно, в виде линейного алгоритма последовательности производства процессуальных действий.

Попытаемся экстраполировать «нашу научную любовь» к практике в существующую систему правоприменительной деятельности, чтобы понять, готова ли она (практика) принять «конечный продукт криминалистической науки». К большому сожалению, криминалистика сегодня следователю не нужна. Почему мы говорим о следователе? Потому, например, что он упоминается в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 498 раз, наверное, больше всех других участников уголовного судопроизводства как со стороны обвинения, так и стороны защиты. Кроме того, следователь на досудебных стадиях основное лицо, отвечающее за качество предварительного следствия. Не секрет, что подавляющее число уголовных дел, направляемых в суд, заканчивается следователями различных ведомств, они несут основную нагрузку, связанную с качеством расследования, так как судебное разбирательство (в силу специфики уголовно-процессуального законодательства) осуществляется именно на основании доказательств, собранных на досудебных стадиях. Представляется, что если дело расследовано качественно, с учетом рекомендаций уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической науки, то его рассмотрение в суде не представляет особых сложностей. Казалось бы, очевидно, что следователь – центральная фигура на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. По крайней мере с точки зрения уголовно-процессуального законодательства. Так, согласно ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следователь самостоятельно направляет ход расследования и принимает решения. Как реализуется эта норма уголовно-процессуального законодательства на практике? Рассмотрим на примере районного следственного подразделения Следственного комитета субъекта Российской Федерации. Согласно действующим приказам Председателя Следственного комитета Российской Федерации за процессуальной деятельностью следователя осуществляется ведомственный контроль. В районном следственном отделе – это заместитель начальника и, соответственно, начальник. По делам, сроки следствия по которым продлеваются свыше шести месяцев, и которые вызвали большой общественный резонанс, ведомственный контроль осуществляется

отделами процессуального контроля, где есть так называемый куратор, заместитель и руководитель этого подразделения. При продлении сроков свыше шести месяцев материалы уголовного дела докладывают курирующему заместителю руководителя следственного управления (СУ) по субъекту Российской Федерации, а затем и непосредственно руководителю СУ. По самым простым подсчетам над следователем Следственного комитета Российской Федерации районного звена, как минимум, шесть руководителей, которые осуществляют ведомственный контроль. Многие из них никаких письменных документов, свидетельствующих о прочтении ими уголовного дела и замечаниях следователю, не составляют. Часто «команды» о направлении расследования руководители дают устно. При возникновении проблем наказывают в дисциплинарном порядке, естественно, только следователя. Учитывая такое количество надзирающих начальников в ведомстве, следователь уже давно превратился в лицо, технически оформляющее ход расследования. Ни о какой процессуальной самостоятельности следователя речи не идет. О выполнении криминалистических рекомендаций, как правило, тоже. Они существуют только на бумаге. Более того, следователь и не желает процессуальной самостоятельности, так как в случае невыполнения указаний руководства он подвергается дисциплинарным взысканиям. И это только в ведомстве! Но ведь еще есть надзирающий прокурор, а его позиция, как известно, может не совпадать с позицией следователя. Налицо явная деформация, существующая между положениями закона о процессуальной самостоятельности следователя и ведомственным контролем, явно противоречащим букве и духу закона. Почему это происходит? Объяснений множество. Одно из наиболее распространенных и часто упоминаемых в ходе научно-практических конференций: молодые следователи, которые только пришли в систему, еще не набрали соответствующего опыта работы, поэтому и такая сложная система ведомственного контроля. Но за время существования Следственного комитета уже давно можно было сделать объективный вывод, что такая система ведомственного контроля «убивает» не только процессуальную самостоятельность следователя, но и его желание работать. Идет постоянное подавление личности, особенно в случаях, когда молодой и перспективный следователь не согласен с мнением руководства. Это приводит либо к увольнению следователя, либо к его профессиональному выгоранию. А вновь зачисленные на службу следователи даже

не успевают вникнуть в вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений, зачастую «плавающая» в элементарных уголовно-процессуальных вопросах. В реальности через два-три года успешно прошедшие «школу молодого бойца» следователи становятся руководителями районных следственных подразделений. Второе перспективное направление в кадровом росте – это перевод в подразделения по расследованию особо важных дел, которые можно по праву назвать «островками» некоей стабильности, в силу разных причин. Представляется, что одна из основных причин – там сосредоточены следователи, которые обладают определенным опытом, стажем работы и дорожат своей «процессуальной самостоятельностью». Именно из этих подразделений в учебные заведения поступают запросы о путях решения наиболее сложных проблем в расследовании, которые требуют научного осмысления и методической помощи. А в остальном на практике о рекомендациях криминалистической науки вспоминают довольно редко, если вообще вспоминают. Итог довольно неутешителен. Качественно расследовать уголовные дела в самое ближайшее время будет некому, да и некогда. Почему? На наш взгляд, ответ в подходах к оценке результативности следственной деятельности.

Кратко рассмотрим вопрос о роли статистики в деятельности правоохранительных органов. Это второй, не менее значимый проблемный аспект в деятельности правоохранительных органов. По данным статистики, количество преступлений, регистрируемых в последние годы, значительно ниже, чем в те же 90-е годы прошлого столетия. Почему же тогда следователи сегодня так загружены? Если проанализировать условный план работы следователя на день, то получится, что он подавляющую часть своего рабочего времени тратит не на составление процессуальных документов, а на написание ведомственных документов отчетного характера. Соответствует ли это законодательству? Конечно, нет. Более того, это не соответствует и международным стандартам в борьбе с преступностью, поскольку очевиден приоритет процессуальной самостоятельности лица, ведущего досудебное производство по уголовному делу. Полагаем, что в самое ближайшее время необходимо кардинально пересмотреть показатели статистической отчетности, предусмотрев, например, что отделы по расследованию особо важных дел Следственного комитета по субъектам Российской Федерации, следственные подразделения МВД и ФСБ по субъектам Российской Федерации не должны отчитываться

по существующим статистическим показателям, по так называемой «палочно-галочной системе». Возможно, поскольку необходимость оценки эффективности действий любого следователя сомнению не подлежит, необходима более качественная проработка существующей системы статистической отчетности. От простых количественных показателей необходимо переходить к их качественной оценке, таким образом уходя от системы – «одно дело – один показатель». Расследование сложного и многоэпизодного дела не должно оцениваться так же, как расследование уголовного дела, которое можно закончить за несколько дней. Безусловно, статистические показатели важны и нужны, но они не должны быть поставлены во главу угла. Необходимо разработать более совершенную систему статистической отчетности, возможно, предполагающую взаимосвязь оценки уровня трудозатрат следователя и эффективности его работы.

Уголовное дело, которое расследовалось на досудебных стадиях, представляет собой особый продукт практической деятельности органа расследования. В настоящее время, согласно ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Представляется, что словосочетание «надзор за процессуальной деятельностью» является ключевым. Однако подчеркнем, что со времени, когда органы прокуратуры утратили право на осуществление расследования преступлений, прошло достаточно большое количество времени, что привело к тому, что большинство прокуроров, поддерживающих сегодня государственное обвинение, абсолютно не знают проблем следствия. Более того, они совершенно не представляют, какие процессуальные действия необходимо проводить для доказывания тех или иных обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Есть определенные проблемы и в организации взаимодействия следственных, оперативно-розыскных подразделений и органов прокуратуры в ходе представления в суд результатов оперативно-розыскной деятельности. Зачастую складывается парадоксальная ситуация, когда ни государственный обвинитель, ни суд не вникают в существо и содержание представленных оперативно-розыскных результатов, а следователь прояснить эту ситуацию не может, потому что не участвует в судебном разбирательстве.

Есть и более комичные случаи, когда следователь лишен процессуальной самостоятельности самим законодателем. Например, в случае прекращения уголовного дела, уголовного преследования стороны вправе на основании ст. 125 УПК РФ обжаловать решение следователя. Однако согласно действующему законодательству и некоторым разъяснениям Пленума Верховного суда Российской Федерации следователь не является субъектом, который участвует в рассмотрении жалобы по существу. Если быть еще более точным, как правило, его привлекают к участию в судебном разбирательстве по рассмотрению жалобы по существу, однако субъектом, имеющим полномочиями по обжалованию судебного решения, он не является.

Краткий анализ перспектив в развитии частной криминалистической методики позволяет сделать основной вывод о том, что, с одной стороны, существующие частные криминалистические методики не соответствуют потребностям практики, не востребованы практическими подразделениями, а зачастую и отторгаются ими. А с другой – есть некоторые проблемы, требующие своего решения на уровне практических подразделений, поскольку в настоящее время, как высказался в ходе допроса в судебном заседании один из следователей, им творчеством заниматься некогда, им работать нужно. На наш взгляд, востребованность на практике хороших методических рекомендаций – это залог успеха в борьбе с преступностью.

Повторим, что в настоящее время даже довольно хорошие научные разработки не используются в практической деятельности правоохранительных органов, поскольку не адаптированы к ней.

Полагаем, что внедрение «итогового продукта криминалистической науки» в практику есть отдельное направление в криминалистике, которое особенно актуально для ведомственной науки, например в системе Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности и т. д. Приведем пример. Сегодня много пишут о преступлениях, которые совершаются с применением компьютерных технологий, немало создано и частных криминалистических методик, посвященных расследованию так называемых киберпреступлений. Безусловно, вновь созданная частная криминалистическая методика довольно большая по объему, но таковы требования к диссертациям, причем изобилует она довольно сложной терминологией и т. д. Исходя из объема и по некоторым другим причинам напрямую такие результаты исследования

«внедрены в практику» быть не могут. Очевидно, что практике нужен некий алгоритм действий. На наш взгляд, это может быть программа или «дорожная карта» расследования конкретного вида преступления. Причем внедрить в практическую деятельность можно и нужно не только вновь созданные методики, но и актуализировать уже имеющиеся путем их адаптации к потребностям практики. В настоящее время – это наиглавнейшая задача всей криминалистической науки.

Повышение качества расследования преступлений, судебного следствия невозможно, даже если наука «повернется лицом к практике». Необходима совместная заинтересованность в этом. К большому сожалению, правоприменительная деятельность следственных подразделений и подразделений дознания организована таким образом, что ни руководители этих подразделений, ни вышестоящее руководство в настоящее время не заинтересованы в качественном расследовании уголовного дела. Это связано, как отчасти уже отмечено, прежде всего с чрезвычайной регламентацией деятельности следователя на уровне ведомственных нормативных правовых актов. Следователь сегодня «исполняет» такое количество не процессуальных документов, что ему расследовать дело практически некогда. Либо он это делает в свободное от работы время: в вечерние, а зачастую и в ночные часы.

Поскольку статистические показатели сегодня служат основной деятельности любого следственного подразделения, то самое эффективное следствие там, где больше всего расследовано преступлений. Приоритеты понятны, более того, они нужны, но их необходимо совершенствовать. Иначе вся страна погрязнет в «цифрах» по борьбе с преступностью, а теневая преступность будет торжествовать. Как формируется эта статистика? Довольно понятно, что в основе лежат количественные показатели, а отнюдь не качество расследования. Практические подразделения в этой ситуации действуют довольно прагматично и это приводит к снижению качества расследования.

То есть руководителям следствия не нужны научно разработанные методики, поскольку применять их некогда, да скоро будет и некому. Так как следователь, что уже было отмечено, превращается в фигуру, лишь оформляющую ход расследования. Это все можно обозначить известными словами: «одни не могут» (наука), «другие не хотят» (практика).

Перспективы развития криминалистических методик хотелось представить в виде основных выводов.

Разная степень общности в научных исследованиях является положительной тенденцией, позволяющей более глубоко представить объект и предмет исследования. Полагаем, что единый (шаблонный) подход к структуре и содержанию в науке просто недопустим. И наоборот, внедрять в практическую деятельность вновь созданную частную криминалистическую методику нужно по единым правилам, единым подходам, после ее соответствующей адаптации. Например, это могут быть методические рекомендации на 15–20 страницах, которые будут доступны для восприятия и применения на практике. Такая адаптированная к практической деятельности частная методика может быть утверждена приказом по Министерству либо совместным приказом по органам, осуществляющим расследование преступлений, которые относятся к альтернативной подследственности (МВД, СК, ФСБ).

Внедрение научно обоснованных рекомендаций как комплекса знаний уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического характера – отдельное направление в науке. Этим направлением необходимо заниматься, поскольку высшие учебные заведения (особенно ведомственные) должны «давать практике» такие научно-обоснованные рекомендации, которые учитывали бы весь комплекс вопросов, возникающих в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела. В классическом высшем учебном заведении, таком как Тюменский государственный университет, функционирует кафедра уголовного права и процесса, на которой преподают все дисциплины уголовно-правового цикла. Естественно, о внедрении каких-либо частных методик в практическую деятельность речи не идет, поскольку оптимизация учебного процесса и научной деятельности привели «к выживанию» преподавателя, который самостоятельно ведет всю документацию, связанную с учебным процессом, отчитывается за свою научную деятельность, в показателях которой также отсутствуют оценки внедрения научно-обоснованных рекомендаций в практическую деятельность. Полагаем, что эту работу необходимо поощрять, учитывая ее в статистических показателях эффективности деятельности преподавателя.

Необходимо проведение серьезного анализа содержания нормативного правового регулирования профессиональной деятельности

следователя на предмет ее соответствия уголовно-процессуальному законодательству. Приведение в соответствие закона и подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность следственных подразделений в системе правоохранительных органов, важно провести в самое ближайшее время. Если речь идет об уважении прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства, то следователь, как минимум, должен обладать равными правами, наряду с другими участниками уголовного судопроизводства, как со стороны обвинения (прокурор), так и со стороны защиты (в судебных стадиях), особенно в части реализации его прав при обжаловании процессуальных решений следствия в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Нужны новые показатели эффективности деятельности следственных подразделений, новый уровень статистики, позволяющий по-иному оценивать результативность следствия. Речь идет о внедрении в статистику качественных показателей по борьбе с преступностью, а не только количественных. Глубокое погружение в проблемы практики предопределяет необходимость оценивания работы следователя не из расчета «один показатель – одно дело», а введения градации сложности расследуемых дел с учетом объема выполненной следственной работы.

Возрождение следователя как процессуально самостоятельного и независимого лица, возможно, приведет к тому, что молодые люди вновь захотят работать в следствии, что позволит восстановить престиж профессии. Существующее положение дел нельзя признать удовлетворительным, поскольку «текучка кадров» катастрофическая, а уровень интеллектуального потенциала следователя падает. Реализация этого направления заключается в том, что нужно усиливать кадровую работу как по подбору студентов на следственную работу, определению их профессиональной пригодности, так и по возрождению института наставничества, когда более опытные следователи будут осуществлять «опеку» над молодыми, обеспечивая их профессиональное становление не только на бумаге, но и на деле.

Список использованных источников

1. Баев О.Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него: науч.-практ. пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). – М.: Эксмо, 2009. – 400 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М.: Юрид. лит., 1988. С. 166–260.
3. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 72 с.
4. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – 333 с.
5. Гавло В.К. О дискуссионных путях развития криминалистики и криминалистической методики расследования отдельных видов преступления // Криминалистические чтения на Байкале –2012: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск, 2012. – С. 17–26.
6. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С. 63–66.
7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 757–1025. (Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г.)
8. Ерахтина Е.А. Видовая методика по расследованию незаконного получения банковского кредита и злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – 215 с.
9. Еремин Д.Н. Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2015. – 231 с.
10. Карагодин В.Н. Основы методики расследования умышленных убийств. – Екатеринбург, 2010. – 244 с.
11. Криминалистика: учебник / под ред. В.Н. Карагодина, Е.В. Смахтина. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2018. – С. 412–649.
12. Криминалистика: учебник для вузов; под науч. ред. В.Н. Карагодина, Е.В. Смахтина. – 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2019; Тюмень: Изд-во ТюмГУ. – С. 310.
13. Шинкевич Н.Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии: дис. ... канд. юрид. наук. – Смоленск, 2004. – 237 с.

14. Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 109.

2.6. Криминалистическое обеспечение как одно из условий повышения эффективности судебного разбирательства¹

Правосудие является вершиной правоприменительной деятельности. Как следствие, особая роль судебной деятельности обуславливает и повышение требований к содержанию и профессиональному уровню судебного разбирательства уголовных дел. Учитывая, что судебное разбирательство уголовных дел занимает в системе правоохранительной деятельности важное место и служит, по сути, заключительным актом государственных результатов расследования и наказания преступников, на котором должны устраняться и исправляться ошибки, недостатки и упущения досудебного расследования, то оно требует высокопрофессиональной судебной деятельности. Последнее же немислимо без широкого применения криминалистических средств и методов. «Повышение качества судебного следствия может осуществляться путем последовательного совершенствования судебной тактики, судебной методики рассмотрения различных категорий уголовных дел. Судья должен постоянно использовать средства и методы криминалистики в организации судебного процесса, исследования доказательств» [34, с. 3].

С момента своего возникновения криминалистика развивалась как наука для предварительного следствия, основное предназначение которой заключалось в разработке рекомендаций, приемов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств.

Однако имели место и другие точки зрения. В частности, уже в 1925 г. в предисловии к книге И. Н. Якимова «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике» практически всеми работниками НКВД указывалось, что «автор... справился

¹ Автор – Я. М. Мазунин.

со своей задачей дать уголовно-розыскным, следственным и судебным органам детальное практическое руководство по технике и тактике расследования преступлений» [48, с. 4]. Сам И. Н. Якимов писал: «Криминалистика как наука имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника, а своей целью ставит помощь правосудию в раскрытии материальной истины в уголовном деле» [48, с. 5]. Таким образом, несмотря на то, что в основном его книга была ориентирована на органы дознания и следствия, он не исключал использования возможностей криминалистики и судом. В то же время данное суждение не сразу нашло поддержку среди других ученых-криминалистов. По нашему мнению, связано это было в первую очередь с ошибочным в то время толкованием предмета криминалистики, которая не признавалась правовой наукой. Ей, по примеру западноевропейских криминалистических школ, отводилась роль технической по отношению к уголовному процессу дисциплины. Криминалистика считалась полицейской дисциплиной, обслуживающей предварительное следствие [26, с. 7].

Позднее, начиная с конца 1950-х гг., во многих источниках все чаще стали писать о необходимости использования положений криминалистики при судебном разбирательстве [4, с. 45; 5, с. 45; 13, с. 29; 19, с. 26; 35, с. 138; 36, с. 76; 33, с. 12; и др.].

Автор многих трудов по криминалистике Р.С. Белкин, исходя из определения предмета криминалистики, полагал, что «криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновении информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методов и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений» [37, с. 41]. Среди современных тенденций развития криминалистики он называет разработку «тактики судебного следствия, поскольку рекомендации криминалистики могут быть с успехом использованы судом для исследования и оценки имеющихся и собирания новых доказательств» [37, с. 75], при этом совершенно справедливо замечая, что «судебную криминалистику теперь уже никто отменить и закрыть не сможет» [9, с. 199].

И.А. Возгрин отмечает, что «данное уточнение расширяет ее предмет (*криминалистической методике*. – Я. М.) и позволяет приступить в рамках криминалистики к изучению еще одного направления в организации и осуществления следствия, а именно судебного следствия отдельных видов преступлений» [14, с. 40].

Однако до настоящего времени в учебниках по криминалистике нет криминалистических рекомендаций государственному обвинителю, судье (суду) по методике судебного разбирательства и тактике судебного следствия. Ничего не говорится и о возникающих судебных ситуациях: как они возникают, как разрешаются, какова должна быть тактика государственного обвинителя и судьи, какие тактические приемы целесообразно применять при производстве судебных действий и т. д. Исключение составляет учебник по криминалистике, подготовленный коллективом авторов под редакцией Е. П. Ищенко, в котором имеется глава 23 «Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства уголовных дел».

Однако для того, чтобы криминалистические знания стали оружием практики, они должны трансформироваться в элемент профессиональных знаний и умений профессиональных участников судебного разбирательства. Таким образом, в рамках криминалистического образования должны иметь место два процесса криминалистической информации: передача информации и ее прием. Мы поддерживаем позицию ученых, считающих, что научно-методическое обеспечение должно быть доведено до обучаемых в доступной для них форме. Как правило, этот процесс обучения осуществляется посредством проведения различных видов занятий: лекций, семинаров, практических и индивидуальных работ, предполагающих изучение методических материалов. Такие материалы выступают учебно-методическим обеспечением, позволяющим обучить субъекты криминалистическим знаниям, выработать навыки и умения.

Все опрошенные нами судьи заявили о том, что существует необходимость в дальнейшей разработке методике судебного разбирательства и тактике судебного следствия. Такие знания обоснованно являются объектом и предметом криминалистики. Познавая их, криминалистика выполняет свою практическую задачу, рабатывая суду (судье) оптимальные рекомендации по проведению судебных действий в складывающихся судебных ситуациях. Не случайно авторы учебника по криминалистике в 1962 г. указывали: «...Ее (*криминалистику*. – Я. М.) должны знать все юристы,

и особенно работники органов расследования, на которых лежит основная задача по раскрытию преступления, обнаружению и изобличению преступника. Для них криминалистика является ведущей дисциплиной. От знания ее зависит их профессиональное мастерство» [39, с. 111].

В последнее время получает развитие позиция ученых, считающих необходимым применение данных криминалистики в судебном следствии, но уже для разработки и методики профессиональной защиты по уголовным делам (О. Я. Баев [5], М. О. Баев [6] и др.). Не исключая самой возможности использования данных криминалистики в процессе судебного разбирательства уголовных дел, они, тем не менее, полагают, что не суд как таковой, а две противостоящие стороны (обвинения и защиты) являются субъектами криминалистики при судебном рассмотрении уголовных дел. Именно они (прокурор – государственный обвинитель и адвокат – защитник подсудимого), осуществляя каждый свою процессуальную функцию, используют криминалистические средства для собирания, представления, исследования доказательств и убеждения суда в правомерности и обоснованности избранной позиции [5, с. 6–11]. Таким образом, они исключают суд из числа субъектов судебного исследования преступлений криминалистическими средствами.

Данная позиция вызвала возражения другой части ученых-криминалистов. Криминалистика всегда изучала способы и механизмы совершения преступлений, противодействия следствию и суду, в том числе достигаемые с помощью тактической линии защиты, возможности уклонения от ответственности, уловкам, к которым прибегают преступники. Учитывая такого рода негативные ситуации предварительного и судебного следствия, криминалистика разрабатывает свои технические, тактические и методические приемы и рекомендации по их преодолению. В связи с этим совершенно справедливо, на наш взгляд, мнение А. Г. Филиппова о том, что нет никаких оснований для включения теории профессиональной защиты в криминалистику [45, с. 15–21]. Аналогичную позицию занимает и Н. П. Яблоков, полагая, что криминалистике «свойственна не разработка стратегии и тактики защиты, а лишь разработка тактики отдельных судебных действий с участием защитников» [47, с. 16].

В этой связи нельзя не согласиться с Р. С. Белкиным, который последовательно утверждает, что изучаемые наукой криминалистикой закономерности лежат в сфере судебного исследования,

т. е. «совокупной деятельности органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины по делу в процессе судопроизводства» [10, с. 47].

В таком понимании предмета криминалистики усматривается точность очерчивания границ научных и практических интересов криминалистики, а именно: от дознания и предварительного следствия по делу о событии с признаками преступления до решения назначения уголовного судопроизводства судом. При этом «складывается единая, целостная информационно-познавательная система в деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству преступления» [20, с. 194]. Изложенное позволило В.К. Гавло, В.Е. Ключко и Д.В. Киму сделать вывод о том, что «суд, (судья) из числа субъектов судебного разбирательства, который реально применяет криминалистическую тактику и методику при исследовании в суде всех обстоятельств дела с учетом судебно-следственных ситуаций... Исходя из принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), суд обязан создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Но создать такие условия, не зная и не применяя криминалистические знания по технике, тактике и методике ведения судебного следствия, просто невозможно» [20, с. 192].

Действительно, судебное разбирательство, являясь центральной частью уголовного судопроизводства, представляет собой сложную деятельность субъектов с противоположными социальными интересами. Участники судебного разбирательства, прежде всего обвинитель, потерпевший, подсудимый, защитник, преследуют каждый свои цели. В обстановке гласности, непосредственности и иных условий судебного разбирательства процессуальное противоборство участников не только усложняет, но и способствует установлению подлинных обстоятельств события. Нельзя не согласиться с А.Ю. Корчагиным в том, что «судебное разбирательство как деятельность двойственно по своему проявлению. С одной стороны, оно представляет собой совокупность действий участников по реализации своих прав и обязанностей. С другой – это интеллектуальная деятельность и деятельность судьи (председательствующего) по приданию этой совокупности характера сочетания с целью разрешения уголовного дела. Судебное разбирательство направлено на удовлетворение общественной потребности – разрешение правового конфликта. Деятельность носит познавательный

характер. Это практическое познание, осуществляемое в строго установленной процессуальной форме» [34, с. 16]. Например, как может суд в ходе судебного следствия, в соответствии с гл. 37 УПК РФ «Судебное следствие», исследовать, тем более тщательно, новую информацию, принимать решения, не располагая знанием тактики и методики работы с доказательствами в той или иной следственной ситуации? В какой момент можно удовлетворить или не удовлетворить заявленные ходатайства, как провести допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, несовершеннолетних, эксперта, специалиста и т. д., какие вопросы и в какой последовательности задавать, необходимо ли и когда назначить экспертизу, провести осмотр и др.?

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебное разбирательство – это сложная познавательная деятельность, представляющая собой сочетание функций участников процесса, носящая уголовно-процессуальный и криминалистический характер и имеющая в качестве одного из основных структурных элементов судебные действия, а в качестве содержания – доказывание. Как и досудебное производство, судебное разбирательство нуждается в использовании данных криминалистики, т. е. в криминалистическом обеспечении.

Р.С. Белкин писал: «Собирание, исследование и оценка доказательств – не одновременные, сменяющие друг друга этапы, а различные стороны единого процесса – процесса доказывания. На различных этапах этого процесса та или иная сторона может выступить на первый план, однако другие стороны остаются. Собираемые, исследуемые и оцениваемые доказательства служат средством достижения цели доказывания, т. е. установления истины» [11, с. 9]. Сущность судебного разбирательства состоит в проверке, а иногда в получении доказательств и доказывании.

Собирание (получение) доказательств не является для суда характерной чертой и встречается достаточно редко. Гораздо чаще приходится иметь дело с уже полученными доказательствами, когда в суде изучается сущность доказательств, условия их получения, источники, оценивается их относимость и допустимость, проверяется достоверность доказательств, устанавливаются связи с другими доказательствами по делу, оценивается их значение.

Познавательная деятельность в суде зависит от ряда факторов, оказывающих влияние на ее процесс и результаты. К ним прежде всего необходимо отнести:

- * полноту изучения судьей материалов уголовного дела;
- * всесторонность материалов досудебного расследования;
- * криминалистическую грамотность исследования судьей доказательств, их источников и связей между ними;
- * внешние условия осуществления судьями познавательной деятельности;
- * достаточность профессионально-психологического уровня судьи для судебного разбирательства данного уголовного дела;
- * оптимальность использования судьей познавательной деятельности участников судебного разбирательства.

Процесс доказывания – основная часть познания в ходе судебного разбирательства, основанного на процессуальном законе и регламентированного им, который является по сути уголовно-процессуальной и криминалистической деятельностью, и направленного на достижение конечной цели судебного разбирательства – установление истины. Помимо этого, необходимо выделить общие и частные цели судебного разбирательства по делам преступной деятельности.

К общим целям судебного разбирательства относятся:

- * разрешение уголовного дела;
- * защита законных прав граждан, организаций;
- * изобличение виновных;
- * защита личности от незаконного обвинения, осуждения;
- * правильное применение закона;
- * назначение справедливого наказания.

Частные цели:

- * установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания;
- * промежуточные факты, подтверждающие эти обстоятельства.

Цели судебного разбирательства реализуются посредством совершения действий:

- по проверке, получению и исследованию доказательств;
- организации судебного разбирательства;
- управлению судебным процессом [см. подробнее: 34, с. 17, 18].

Не вдаваясь в дискуссию о понятии криминалистического обеспечения, необходимо отметить, что подавляющее число авторов в систему криминалистического обеспечения включают научно-практические криминалистические рекомендации по оптимизации доказывания, организации расследования, тактике производства следственных действий, использованию специальных знаний.

Применительно к судебному разбирательству структуру его криминалистического обеспечения можно представить в следующем виде:

- * научно-практические криминалистические рекомендации по оптимизации доказывания;
- * организация судебного разбирательства;
- * тактика судебного следствия;
- * использование специальных знаний в судебном разбирательстве;
- * методика формирования промежуточных и окончательного решений по делу.

При этом доказывание в процессе судебного следствия будет одним из основных составных частей криминалистического обеспечения. А. Ю. Корчагин в доказывании выделяет основные структурные элементы: осознание судьей полноты досудебного исследования доказательств; выявление недостатков и упущений расследования и их оценка; анализ доводов защиты, противопоставленных материалам расследования; судебное исследование каждого в отдельности и всей совокупности доказательств; оценка результатов судебного разбирательства и формирование окончательных выводов. Научно-практические криминалистические рекомендации по оптимизации доказывания составляют основную часть методики судебного разбирательства [34, с. 17–18].

Криминалистическая методика судебного разбирательства должна учитывать особенности доказывания по различным видам и группам преступлений и вырабатывать научно-практические рекомендации по исследованию доказательств в суде. Таким образом, она должна быть основана на общих признаках, характеризующих определенную категорию дел.

Пока в работах последних лет рассматриваются лишь отдельные аспекты криминалистического обеспечения судебного разбирательства [21; 33; 42; 1; 7; 27; 16; 31; и др.]. Интерпретация же выработанных в современном виде криминалистикой рекомендаций для судебного разбирательства, применение их на практике связаны с известными трудностями.

Изложенное позволило А. С. Александрову сделать, по нашему мнению, слишком категоричный, но отчасти справедливый вывод о том, что «криминалистика не перестроилась на рельсы состязательности или почти не перестроилась. Об этом свидетельствует то, что она не видит научного интереса в разработке тем,

связанных с расследованием дел в суде, по инерции отработывая предварительное следствие... Отечественная криминалистика не смогла предложить сколько-нибудь приемлемых практических пособий адвокатам, прокурорам, судьям для работы с доказательствами в суде» [2].

Поэтому органы предварительного следствия, суд и иные подразделения, призванные бороться с преступной деятельностью (в том числе и организованной) продолжают испытывать серьезные затруднения в налаживании эффективного раскрытия и расследования преступной деятельности и нуждаются в разработке в первую очередь надежного методико-криминалистического обеспечения их деятельности.

Это актуально в связи с тем, что современная преступность приобретает комплексный, «межотраслевой», высокоорганизованный и транснациональный характер. Кроме того, многие участники преступных формирований обладают особыми качествами преступников-профессионалов, хорошо знают оперативно-розыскную и следственную практику, умело противодействуют следователям и суду и уходят от уголовного наказания за содеянное. Таким образом, следственные подразделения и суд как никогда нуждаются в общих методиках, охватывающих разнородные преступления. Однако обеспечивает ли данный раздел криминалистики эти потребности практики? Мы вынуждены констатировать, что нет.

Нельзя не отметить того, что в последние годы создается немало методических разработок. В то же время большая их часть характеризуется сложностью поиска и выделения рекомендаций, неконкретностью и сложностью восприятия.

И еще: крайне редко в методиках рассматриваются, например, особенности противодействия предварительному расследованию и судебному разбирательству по делам определенной категории и пути его преодоления, типичные «версии защиты» (данная проблематика широко представлена в работах различных авторов, но безотносительно к отдельным видам преступлений [30; 43; 28; и др.]), криминалистические аспекты так называемого «компромисса с преступником» с использованием «сделок о признании вины» [24, с. 33] (глава 40 УПК РФ) и т. п. Данное суждение находит поддержку в работах, например, Ю. П. Гармаева [25, с. 50–51].

Расследуемая преступная деятельность, отраженная в исходной следственной ситуации, в следах-признаках преступной деятельности, является тем информационно-структурным

развивающимся элементом, который познают под своим углом зрения, в пределах своих уголовно-процессуальных полномочий и стадий расследования орган дознания, следователь, судья (суд) в ходе осуществления практической деятельности (необходимость изучения преступной деятельности как самостоятельного вида человеческой деятельности отмечают 95,9 % опрошенных нами следователей и 93,7 % оперативных работников, 89,7 % судей). Важно заметить, что такое познание не самоцель и прерогатива не только правоохранительных органов, но и суда. Изучение нельзя связывать с какой-либо одной стадией уголовного процесса, поскольку оно ведется всеми правоохранительными органами и судом по восходящей линии, непрерывно и на всех стадиях уголовного процесса, сохраняя преемственность и информационную обеспеченность.

Одним из основных недостатков подавляющего числа существующих методик расследования является разрыв единой информационно-познавательной системы в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, осуществляемой органом дознания, следователем и судьей (судом). В связи с тем, что «движение» уголовно-значимой информации по уголовному делу, начиная с момента возникновения и заканчивая использованием ее в целях решения задач уголовного судопроизводства, прерывается, представляется сложным понять закономерности механизма преступления и механизма его расследования в складывающихся ситуациях без учета движения этой информации.

Таким образом, «сложность информационно-познавательных процессов и структур в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений диктует необходимость учитывать, с одной стороны, специфику познавательной, конструктивной и достоверительной деятельности названных органов по раскрытию преступлений, а с другой стороны, то общее в ней, что обуславливается целостностью движения уголовно-значимой информации и единством решаемых при этом стратегических задач следствия. Отсюда вытекают особенности криминалистических рекомендаций, разрабатываемых криминалистикой этим органам, вначале по выявлению признаков преступлений, и далее по установлению всех обстоятельств дела на предварительном следствии и в ходе судебного разбирательства» [22, с. 19]. Продолжая развивать проблемы формирования и становления структуры частных методик, В. К. Гавло предложил их решение:

«В криминалистической методике расследования как целостной информационно-познавательной системе, объединяющей процесс познания закономерностей совершения отдельных видов и установления всех обстоятельств, связанных с ними в ходе предварительного и судебного следствия, необходимо исследовать в качестве составляющих три подсистемы» [23, с. 456]. Первая подсистема криминалистической методики расследования, согласно этой точке зрения, отражает закономерности механизмов и следов противозаконной деятельности субъекта по подготовке, совершению и сокрытию отдельных видов преступлений в различных криминальных ситуациях. Вторая подсистема криминалистической методики расследования – методики предварительного расследования – занимает место между событием преступления и принятым по нему на предварительном следствии уголовно-процессуальным решением (прекращение, приостановление, передача уголовного дела в суд). Третья подсистема криминалистической методики расследования – методика судебного разбирательства. Эта подсистема действует с момента поступления уголовного дела в суд и до постановления приговора [15, с. 18–19]. Она представляет собой типовую подсистему криминалистических знаний об особенностях применения методики судебного разбирательства (следствия) по отдельным видам преступлений, которая является третьим базовым и завершающим компонентом в системе полноструктурной криминалистической методики расследования преступлений [15, с. 19]. Таким образом, криминалистическая методика судебного разбирательства должна быть частью полноструктурной методики расследования преступлений.

При этом криминалистическая методика судебного разбирательства основана на общих признаках, характеризующих определенную категорию дел. Деление уголовных дел, поступающих в суд, на определенные категории обосновано рядом факторов:

- * видом преступления;
- * криминалистической сложностью расследования;
- * характеристикой и содержанием основных доказательств по делу;
- * количеством подсудимых и степенью противоречий между ними;
- * количеством преступных эпизодов и их временной протяженностью;

* поведением обвиняемых на следствии и степенью их противодействия следователю.

В сочетании указанные факторы определяют категорию уголовных дел. В категории уголовных дел, подлежащих рассмотрению в суде, выделяют сложность уголовного дела, социально-психологическую характеристику подсудимых и их поведение в период расследования, виды и содержание доказательств, методики их получения на следствии и характеристику доказывания. На основе указанных элементов, особенностей доказывания на досудебном следствии формируется методика доказывания обстоятельств преступления в суде. Задача исследования судом уголовного дела определенной категории осуществляется путем изучения указанных факторов, а также обстоятельств получения доказательств на следствии, их источников и носителей, степени исследования в ходе расследования и прогнозирования поведения подсудимого, потерпевшего, свидетелей и иных участников в суде. Все перечисленное в совокупности и служит предметом методики судебного разбирательства [34, с. 29–33].

Однако до сих пор методику судебного разбирательства, в частности судебного следствия, разрабатывали в основном специалисты в области уголовного процесса и практики, поскольку некоторые криминалисты полагают, что процесс судебного разбирательства, хотя и связан с предварительным расследованием, не может являться объектом изучения науки криминалистики. Скорее, можно говорить о криминалистическом обеспечении процесса судебного следствия (разбирательства), использования криминалистических рекомендаций при рассмотрении уголовных дел в суде. Но этого явно недостаточно. Во-первых, работ на эту тему было мало. Во-вторых, в них рассматриваются главным образом процессуальные аспекты исследования доказательств в суде [41; 40; 46; 29; и др.]. В то же время «обеспечение полного и всестороннего исследования фактических обстоятельств преступления, а следовательно, в значительной мере и правильного разрешения дела, зависит не только от точного исполнения судом и участниками судебного разбирательства процессуального закона (хотя это первейшее, необходимое, элементарное условие правосудия), но также и от целесообразного, умелого использования приемов и методов, разрабатываемых криминалистикой» [33, с. 9–10]. Таким образом, назрела необходимость в создании методик, охватывающих закономерности деятельности субъектов, осуществляющих,

в соответствии с законом, не только предварительное расследование, но и судебное разбирательство преступлений.

Список использованных источников

1. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос в суде. – М., 2007. – 578 с.
2. Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики / [Электронный ресурс] // Международная Ассоциация Содействия Правосудию. – 2010. – URL: <http://www.iaaj.net/node/342> (дата обращения: 15 марта 2019 г.).
3. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. – М., 1964. – 223 с.
4. Ароцкер Л.Е. Методика расследования преступлений. – М., 1976. – 179 с.
5. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него: следственная тактика. – М., 2003. – 432 с.
6. Баев М.О. Тактические основы деятельности адвоката – защитника в уголовном судопроизводстве России (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2005. – 401 с.
7. Бартенев Е.А. Защита доказательственной информации в уголовном судопроизводстве криминалистическими средствами и методами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2007. – 197 с.
8. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики: в 3 т. – М., 1997. – Т. 1. – 464 с.
9. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. – М., 1999. – 486 с.
10. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. – М., 1987. – 270 с.
11. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. – М., 1966. – 295 с.
12. Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – 55 с.
13. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. – Л., 1976. – 43 с.
14. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. – СПб., 2003. – 475 с.

15. Бойко Ю. Л., Гавло В. К. Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. – Барнаул, 2009. – 187 с.
16. Волторнист О. А. Досудебное и судебное производства: теоретико-функциональный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – 26 с.
17. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. проф. Н. П. Яблокова. – Калининград, 1997. – 248 с.
18. Воробьев Г. А. Планирование судебного следствия. – М., 1978. – 80 с.
19. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / под общ. ред. А. Н. Васильева. – Томск, 1985. – 333 с.
20. Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты. – Барнаул, 2006. – 224 с.
21. Гавло В. К., Воронин С. Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. – Барнаул, 2000. – 42 с.
22. Гавло В. К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – 52 с.
23. Криминалистика / под ред. Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. – М., 2004. – 672 с.
24. Гармаев Ю. П. «Сделки с правосудием» в тактике сторон защиты и обвинения // Юридический мир. – 2003. – № 6. – С. 30–37.
25. Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. – Иркутск, 2003. – 341 с.
26. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – СПб., 1908. – 1040 с.
27. Дзюбенко А. А. Собираение и исследование доказательств мировым судьей по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008. – 23 с.
28. Журавлев С. Ю. Тактика собственной безопасности. – Н. Новгород, 1997. – 24 с.
29. Зуев С. В. Уголовное судопроизводство по делам о преступлениях, совершаемых организованными преступными формированиями. – М., 2008. – 331 с.

30. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1992. – 388 с.
31. Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2009. – 39 с.
32. Кисленко С.Л., Комиссаров В.И. Судебное следствие: состояние и перспективы развития. – М., 2003. – 178 с.
33. Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М., 2001. – 198 с.
34. Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 40 с.
35. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Н.П. Яблокова. – М., 1995.
36. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – М. 1999.
37. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]. – 3-е изд, перераб. и доп. – М., 2007. – 944 с.
38. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. – М., 2008. – 686 с.
39. Криминалистика / под ред. проф. С.П. Митричева и проф. М.П. Шаламова. – М., 1962. – 114 с.
40. Настольная книга судьи (Рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции). – М., 1972. – 744 с.
41. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. – М., 1955. – 248 с.
42. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде. – СПб., 2001. – 146 с.
43. Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – 171 с.
44. Танасевич В.Г. О предмете советской криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 24. – М., 1976. – С. 108–130.
45. Филиппов А.Г. Криминалистика и теория профессиональной защиты по уголовным делам // Вестник криминалистики. – Вып. 1(5). – М., 2003. – С. 15–21.

46. Чеджемов Т. Б. Судебное следствие. – М., 1979. – 93 с.

47. Яблоков Н. П. Нужно ли менять предметную область и систему современной криминалистики // Актуальные проблемы в криминалистике: материалы междунар. конф. – Харьков, 2003.

48. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. – М.: ЛексЭст, 2003. – 496 с. (Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г.).

2.7. Проблемы следственных и судебных ошибок в процессе реализации криминалистических методик¹

Феномен ошибки состоит в том, что, несмотря на их вечное присутствие, человеческая деятельность в идеальном своем виде должна стремиться к безошибочности, в том числе и в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. Только безошибочная уголовно-процессуальная деятельность может рассматриваться как полностью соответствующая основополагающему принципу уголовного судопроизводства – принципу законности (ст. 7 УПК РФ). Отклонение от этого принципа влечет следственные ошибки не только в применении материального и процессуального законодательства, но и в организации и проведении расследования, в тактике производства отдельных следственных и иных процессуальных действий.

А. А. Кириллова в своих работах предлагает «объединительное» определение следственной ошибки, охватывающее уголовные, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты ошибок. Она считает, что «под следственной ошибкой следует понимать отступление следователя от требований уголовного, уголовно-процессуального закона и различных, в том числе криминалистических, научных рекомендаций при проведении процессуальных и иных действий, а равно непроведение нужных по обстоятельствам дела процессуальных, иных действий, неиспользование тактических приемов и тактических операций, повлекших за собой принятие решений, противоречащих закону, недостижение оптимального результата или утрату потенциальных

¹ Автор – А. Д. Назаров.

возможностей в ходе предварительного расследования и/или судебного разбирательства»¹.

Безусловно, есть влияние экспертных, криминалистических, психологических, оперативно-розыскных и иных ошибок на следственные и судебные ошибки, а также взаимосвязь между ними.

В своих исследованиях мы используем авторское определение следственной ошибки.

Следственная ошибка – это не содержащее признаков уголовно-наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного судопроизводства, но объективно препятствующее его нормативно-заданному достижению ввиду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения).

По сущностной характеристике следственные ошибки можно классифицировать так:

1) ошибки, выразившиеся в неполноте, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела (пробелы предварительного расследования);

2) несоблюдение в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных (прежде всего – европейских) стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия);

3) существенные нарушения уголовно-процессуального закона;

4) неправильное применение уголовного закона.

Проведенные нами исследования показывают, что на пробелы предварительного расследования приходится примерно 60 % всех ошибок.

Коллектив ученых под руководством Л. В. Головки, раскрывая содержание *принципа материальной истины* в уголовном судопроизводстве – обязанности субъектов, ведущих уголовный процесс, всесторонне, полно и объективно установить (исследовать) обстоятельства уголовного дела, совершенно обоснованно под *всесторонностью* исследования этих обстоятельств понимали исчерпывающее изучение всех обстоятельств, имеющих значение для

¹ Кириллова А. А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014. С. 60; См.: Кириллова А. А. Следственные ошибки в методике судебного разбирательства // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 156.

дела, выдвижение и проверку всех возможных версий исследуемого события; под *полнотой* исследования то, что обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены необходимой и достаточной для достоверных выводов совокупностью доказательств; под *объективностью* исследования – непредвзятое, беспристрастное исследование обстоятельств, свидетельствующих как против, так и в пользу обвиняемого (подсудимого)¹.

Наши исследования феномена следственной ошибки, в том числе и ее криминалистической составляющей, созвучны с приведенными выше подходами А. А. Кирилловой и Л. В. Головки.

Следственные ошибки (особенно выделенные нами в первой группе классификации) обусловлены организационно-тактическими недостатками при планировании расследования, выдвижении версий, создании следственной группы, проведении неотложных следственных действий, применении технических средств, использовании криминалистических учетов, а также при оценке заключений специалистов и судебных экспертов, данных оперативно-розыскных мероприятий и др. В конечном счете все это в совокупности связано с пробелами предварительного расследования, его недостатками, дефектами и т. п.

Пробелы предварительного расследования – это неисполнение требований закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, невыявление или ненадлежащее выявление и уличающих, и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих или отягчающих его ответственность обстоятельств.

Под *всесторонностью* понимается выявление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию при исчерпывающей проверке всех объективно возможных версий. Односторонность предварительного расследования – это увлечение одной из версий, недостаточное исследование обстоятельств дела с точки зрения объективно возможных версий.

Под *полнотой* расследования – получение такой совокупности доказательств, которая является необходимой и достаточной для достоверного установления того или иного обстоятельства, подлежащего доказыванию по уголовному делу.

Объективность исследования обстоятельств дела означает отсутствие какой-либо личной заинтересованности следователя

¹ См.: Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.]; под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. С. 294–296.

в исходе дела; полное выявление обстоятельств и уличающих, и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность; непредвзятый подход при оценке собранных доказательств и принятии решений по уголовному делу. Объективность – это прежде всего требование к оценке собранных доказательств.

Восполнение пробелов предварительного расследования приобретает особую актуальность в свете действия современного УПК РФ, устранившего возможность для суда направлять на дополнительное расследование уголовные дела по этому основанию. Суду приходится прилагать максимум усилий для устранения недостатков предварительного расследования; арсенал полномочий для этого УПК РФ содержит, поскольку выносить как обвинительный, так и оправдательный приговоры суд должен с учетом требований законности, обоснованности и достаточности совокупности относимых, допустимых и достоверных доказательств. Однако важно еще «на дальних подступах» уголовного дела к суду обеспечить качественное его расследование.

Изучение уголовных дел показало *распространенность* некоторых пробелов предварительного расследования. По 41 % изученных нами уголовных дел¹ встретились пробелы, связанные с *допросами подозреваемых, обвиняемых*: доводы обвиняемого, не признающего себя виновным, частично признающего себя виновным, изложены неконкретно, без детализации; в ходе допроса неполно выяснены обстоятельства, относящиеся к предъявленному обвинению; обвиняемому, не признающему свою вину, не предъявлялись доказательства, уличающие его в совершении преступления; не были проведены необходимые очные ставки, проверки показаний на месте и др.

По 53 % уголовных дел мы встретили пробелы, связанные с *допросами свидетелей, потерпевших*: несвоевременность их допроса и, как результат, заметные искажения действительных фактов в их показаниях; игнорирование содержащихся в показаниях противоречий и некоторых утверждений допрашиваемого; невыяснение в ходе допроса важных обстоятельств по делу;

¹ Здесь и далее эмпирические данные нашего исследования, приведенные в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. докт. юрид. наук. СПб.: СПбГУ, 2017. 391 с.

неверное определение предмета допроса, в результате чего многих свидетелей допрашивали неоднократно, а важные сведения были получены несвоевременно; в ходе допроса при наличии необходимости не осуществлялось предъявление имевшихся в распоряжении следователя доказательств; чрезмерная краткость записи показаний в протоколе допроса, в связи с чем оказались не зафиксированы существенные обстоятельства, искажено содержание показаний; не были проведены необходимые очные ставки, проверки показаний на месте; не были предприняты меры для устранения воздействия со стороны обвиняемого и его окружения на потерпевших, свидетелей с целью изменения их показаний и позиций по делу и др.

Отметим, что 18 % допросов подозреваемых, обвиняемых записывалось на видеокамеру, а допросы потерпевших, свидетелей записывались лишь в 3 % случаев. Аудиозапись в допросах обвиняемых применялась в 4 % случаев, в допросах свидетелей, потерпевших – в 2 % случаев.

Некоторый импульс в применении технических средств при проведении допросов, очных ставок, опознаний, проверки показаний на месте несовершеннолетних потерпевших и свидетелей произошел в связи с введением в ст. 191 УПК РФ части пятой, предусматривающей обязательное применение в ходе этих следственных действий видеосъемки и киносъемки. Правда, законодатель, к сожалению, не удержался от оговорки, что если против видеосъемки и киносъемки возражают сами несовершеннолетние или их законные представители, то видео- и кинотехника не применяется. Сейчас пока достаточно часто наблюдается картина, когда указанные участники следственных действий «почему-то» стараются возражать против видеосъемки и киносъемки, а следователи охотно удовлетворяют их ходатайство и не применяют видео- и кинокамеры.

Полагаем, что, исходя из аналогии закона, подобный порядок применения видео- и киносъемки при производстве указанных выше следственных действий должен в необходимых случаях применяться и в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, как, впрочем, и в отношении взрослых участников уголовного судопроизводства.

По 32 % уголовных дел мы обнаружили пробелы, связанные с *осмотром места происшествия*: не осматривались прилегающие к месту происшествия территории, помещения; возможные пути подхода и ухода преступника; не выявлялись на месте

происшествия все следы и иные вещественные доказательства; имевшие отношение к делу следы и вещественные доказательства не изымались с места происшествия; в ходе осмотра не применялись научно-технические средства, помощь специалистов; протоколы осмотра не содержали полной информации об обстановке места происшествия и следах преступления; осмотр проводился несвоевременно и др.

По 19 % уголовных дел имелись пробелы, связанные с *назначением и проведением судебных экспертиз*: не проводились необходимые экспертизы; перед экспертом не были поставлены все вопросы; экспертизы были проведены ненадлежащим образом; на экспертизы был представлен неправильно упакованный, собранный не в полном объеме материал и др.

По 7 % уголовных дел выявлены пробелы, связанные с *проведением опознания, обыска, выемки, освидетельствования и других следственных действий*.

В ходе изучения уголовных дел обращает на себя внимание тенденция нарастающего использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности (проверочные закупки, оперативные эксперименты и внедрение, запись телефонных переговоров, скрытая видеосъемка (наблюдение), помощь «конфидентов» и др.).

Проблемы, возникающие при получении подобного рода доказательств, объясняются недостаточным законодательным регулированием данного вида доказывания, неготовностью следователей и оперативных работников профессионально работать по схемам оперативного обеспечения процесса расследования преступлений, позволяющим информации, полученной оперативным путем, придавать статус доказательств по делу.

Вне всякого сомнения, только законное и профессиональное использование в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности, будет способствовать полному и всестороннему расследованию преступлений, сокращению числа следственных ошибок. Проблема сокращения пробелов предварительного расследования в настоящий момент может быть в определенной мере решена за счет умелого применения следователями рекомендаций ученых-юристов по «объективизации» доказывания, т. е. установления и фиксации фактических данных, не подверженных или в значительной степени менее подверженных воздействию субъективных факторов.

Предлагаем пути «объективизации» доказывания:

* грамотное использование при проведении следственных действий криминалистической техники, экспресс-исследований вещественных доказательств;

* широкое использование возможностей экспертиз;

* привлечение помощи различных специалистов;

* использование данных оперативно-розыскной деятельности;

* создание условий, защищающих потерпевших и свидетелей, а также подозреваемых и обвиняемых (государственная защита участников уголовного судопроизводства).

По данным нашего исследования, в 94 % случаев специалистов привлекали лишь для осмотра места происшествия, а при проведении иных следственных действий их участие было лишь в каждом 7–8 деле. На наш взгляд, в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо предусмотреть ряд статей, прямо ориентирующих следователя на применение научно-технических средств (НТС) в процессе расследования (в том числе обязательная аудио- или видеозапись допроса обвиняемого, осмотра места происшествия и др.). В настоящий момент регламентация применения НТС в УПК РФ дана недостаточно.

В ч. 6 ст. 164 и ч. 2 ст. 166 указывается, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

Законодатель в определенных случаях допускает проведение следственных действий без участия понятых (труднодоступная местность, отсутствие надлежащих средств сообщения, опасность для жизни и здоровья людей при проведении следственного действия и др.), предлагая при этом применять технические средства для фиксации их хода и результатов. Но если использование этих средств по каким-либо причинам невозможно, то об этом в протоколе просто делается соответствующая запись и НТС не применяются.

Ю.К. Якимович совершенно справедливо усматривает действие *принципа всесторонности, полноты и объективности* предварительного расследования и в современном уголовном процессе¹.

¹ Якимович Ю.К. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (Участники досудеб. пр-ва, доказательства и доказывание, возбуждение уголов. дела, дознание и предварит. следствие). СПб., 2003. С. 129–130.

В ст. 73 УПК РФ подробно излагаются обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Именно выявление и доказывание этих обстоятельств при исчерпывающей проверке всех объективно возможных версий и будет показателем *всесторонности* исследования по делу. В ст. 74 УПК РФ приводится перечень доказательств, которые допускаются в уголовном судопроизводстве. Именно совокупность доказательств, которые необходимы (т. е. относятся к делу), качественны (т. е. допустимы) и достаточны для достоверного установления того или иного обстоятельства, подлежащего доказыванию по уголовному делу, и есть *полнота* расследования.

Подлежащие доказыванию обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие наказание, могущие повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст. 73 УПК РФ), подробная регламентация института отводов участников процесса (ст. ст. 61–72 УПК РФ), правила оценки доказательств (ст. 89 УПК РФ) – есть не что иное, как стремление достичь *объективности* в разрешении уголовного дела.

Таким образом, реально полнота, всесторонность и объективность исследования обстоятельств дела в уголовно-процессуальном законе присутствуют. Однако в нем предусмотрены несколько иные процедуры процессуального регулирования в случаях, когда субъектами, ведущими процесс, по делу допускаются односторонность, неполнота и необъективность.

По УПК РФ правом направлять уголовное дело на дополнительное расследование ввиду неполноты и односторонности исследования обстоятельств предмета доказывания пользуются руководитель следственного органа и прокурор. В частности, в п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ по этому поводу сказано так: прокурор может по поступившему к нему делу с обвинительным заключением принять решение о возвращении его следователю для производства дополнительного следствия или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями.

Заметим, что уголовно-процессуальная практика сейчас острожно использует термины «неполнота, односторонность» проведенного расследования. Все они, а также «нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина», «существенные нарушения уголовно-процессуального закона», «неправильное

применение уголовного закона», охвачены, как правило, понятием «недостатки предварительного следствия». Если к прокурору поступило уголовное дело с обвинительным актом от дознавателя и в нем есть недостатки, то прокурор, согласно п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ, направляет такое дело для производства предварительного следствия¹.

Суды любых инстанций ни по каким основаниям не возвращают уголовные дела прокурору для производства дополнительного расследования. Ушли в прошлое бесконечные направления судами уголовных дел на дополнительное расследование, особенно по основаниям знаменитой ст. 20 УПК РСФСР (нарушение принципа полноты, всесторонности и объективности). В новых условиях законодатель требует от суда принятия по делу окончательного решения: или обвинения, или оправдания, или прекращения дела. Хотя изменения в содержании ст. 237 УПК РФ и правоприменительная практика по сути завуалированно возродили в новом качестве институт возвращения уголовного дела судом на дополнительное расследование. Однако в большинстве случаев суды вынуждены при судебном разбирательстве уголовных дел по инициативе сторон или по собственной инициативе восполнять пробелы предварительного расследования.

Изложенное выше наглядно показывает, насколько велика роль криминалистической науки и практики при отправлении правосудия по уголовным делам. И в конечном счете к следственным (а в дальнейшем и к судебным) ошибкам приводят:

- неумелое использование субъектами расследования криминалистической техники и криминалистических технологий,

¹ Уточним, что в перечне полномочий прокурора есть полномочие возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Полагаем, что дознаватель по указанию прокурора проводит дополнительное расследование по уголовному делу (что равносильно дополнительному дознанию), по которому прокурор или не согласился с постановлением о прекращении данного дела или уголовного преследования (ст. ст. 24–28 УПК РФ), или отменил постановление дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, воспользовавшись полномочиями, предоставленными ему ст. 37 УПК РФ. В этом случае на основании ст. 223 УПК РФ срок дознания может быть продлен прокурором, но не более, чем на десять суток. И еще прокурор может продлить срок дознания, но не более, чем на трое суток, и вернуть уголовное дело дознавателю для пересоставления обвинительного акта (п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ). Прокурор может также не утвердить обвинительное постановление и направить дело, расследованное по сокращенной форме дознания, вновь дознавателю для производства дополнительного дознания в общем порядке (ст. 226.8 УПК РФ).

неграмотное и неэффективное взаимодействие со специалистами, экспертами и оперативными работниками;

- отступления субъектов расследования уголовных дел от рекомендаций следственной тактики и психологии;
- просчеты в применении современных методик расследования отдельных видов преступлений.

Список использованных источников

1. Кириллова А. А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014. – 255 с.

2. Кириллова А. А. Следственные ошибки в методике судебного разбирательства // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3.

3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.

4. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб.: СПбГУ, 2017. – 391 с.

5. Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудеб. пр-ва, доказательства и доказывание, возбуждение уголов. дела, дознание и предварит. следствие). – СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2003. – 295 с.

Глава 3

Ситуационный подход в криминалистической методике

3.1. Типизация оперативно-розыскных ситуаций в частной криминалистической методике¹

Важнейшей предпосылкой формирования частных методик раскрытия преступлений является типизация оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в процессе этой деятельности.

Данное исходное положение основывается на результатах криминалистических исследований. Так, по мнению Р. С. Белкина, для того, чтобы быть использованными в криминалистической методике, следственные ситуации нуждаются в типизации, поскольку конкретные частные методики рассчитаны именно на типичные следственные ситуации. Именно в этом качестве следственные ситуации играют важнейшую роль в построении частных методик [1, с. 139].

В теории оперативно-розыскной деятельности пока лишь формируются методологические подходы к решению проблемы типизации оперативно-розыскных ситуаций. Слово «типизация» означает: 1) подведение под какой-нибудь тип, классификация по типам и 2) превращение в тип, воплощение в типических формах [5, с. 825].

Под типом предметов или явлений понимается: 1) форма, вид чего-либо, обладающие существенными качественными признаками; 2) образец, модель для чего-либо [4, с. 1333]. Значит,

¹ Автор – С. И. Давыдов.

типизировать оперативно-розыскные ситуации – это подвести их под какой-нибудь тип, т. е. теоретическую конструкцию, отображающую научные представления об их существенных признаках.

Процесс типизации в исследовании ситуаций есть выявление, вычленение существенного признака (или единства нескольких признаков) методом абстрагирования, т. е. мысленного отвлечения от действительной совокупности всех признаков, характеризующих ситуации. При этом в основу существенных признаков ситуации могут быть положены сведения о любом ее компоненте (элементе). К примеру, типизация ситуаций возможна по сходству элементов, составляющих ее информационный компонент (сходные источники поступления сообщения о преступлении, обстоятельства совершения преступлений – место, время, способ и т. д.). В качестве существенных признаков при типизации ситуаций могут выступать их элементы организационно-тактического характера. Например, факт установления (неустановления) лица, заподозренного в совершении преступления, место нахождения задержанного и его процессуальный статус, противодействует или содействует подозреваемому раскрытию преступления, возможность легализации результатов оперативно-розыскной деятельности и т. д.

Характеризуя процесс научной типизации следственных ситуаций, Л. Я. Драпкин подчеркивает, что он основан на обобщении множества специфических ситуаций и ведет к неизбежному содержательному обеднению создаваемых типовых моделей. В то же время ситуационный подход ставит разумные ограничения методу абстрагирования, не допуская выхолащивания основных содержательных аспектов из теоретических моделей проблемных ситуаций и позволяя эффективно их использовать для построения ситуационных методик раскрытия и расследования преступлений [2, с. 56–57].

Важной методологической предпосылкой исследования проблем типизации оперативно-розыскных ситуаций является и утверждение о том, что кроме научной типизации существует типизация практическая, когда следователь, выявляя повторяющиеся общегрупповые, «знакомые» ему признаки, создает мысленную типовую модель реальной ситуации по уголовному делу. В свою очередь это помогает ему найти, подобрать, усвоить наиболее подходящие, неоднократно проверенные решения и действия, которые если и не приведут к преодолению конкретной

проблемной ситуации, то могут приблизить ее окончательное решение [2, с. 56–57].

Условием обобщения и типизации оперативно-розыскных ситуаций является устойчивость и повторяемость основных элементов многих групп ситуаций. Эти свойства ситуации обуславливают возможность возникновения в процессе оперативно-розыскной деятельности однотипных ситуаций, хотя и на качественно другой основе и в иной обстановке. Значимость определения типов оперативно-розыскных ситуаций с точки зрения практики заключается в том, что отраженные в этих типах существенные элементы ситуаций приоритетно влияют на принятие решений в процессе деятельности по раскрытию преступлений.

В первую очередь необходимо выделять два основных типа ситуаций в зависимости от наличия (отсутствия) в получаемой первичной информации сведений о преступнике. В оперативно-розыскной теории и практике преступления подразделяют на совершенные в условиях очевидности (когда первичная информация несет данные и о событии, и о преступнике) и неочевидные (имеются сведения только о событии преступления) [3, с. 258]. Соответственно, необходимо типизировать ситуации, складывающиеся в процессе раскрытия очевидных и неочевидных преступлений.

Руководствуясь преобладающей точкой зрения о том, что раскрывать необходимо только неочевидные преступления, полагаем целесообразным типизировать складывающиеся при этом ситуации по такому основному признаку, как степень осведомленности оперативного сотрудника о лице, совершившем преступление. Здесь возможны два типа ситуации, характеризующиеся наличием либо отсутствием какой-либо информации о преступнике.

Ситуации отсутствия информации о преступнике предполагают проведение комплекса мероприятий исходя из отсутствия какого-либо поискового признака, позволяющего ограничить круг поиска преступника. В ходе указанных мероприятий решается задача сбора любых данных, так или иначе способствующих раскрытию преступления (установление примет преступника, выявление возможных свидетелей, фактов сбыта имущества, получение информации об аналогичных преступлениях и т. п.).

В ситуациях, когда имеются какие-либо поисковые признаки преступника (приметы, следы, оставшиеся на месте происшествия одежда, орудия совершения преступления и др.), комплекс

мероприятий по его установлению осуществляется целенаправленно и, как правило, ограничен версией, объектом, контингентом. Дальнейшая типизация таких ситуаций возможна по отдельному поисковому признаку.

Для разработки частных оперативно-розыскных методик большое значение имеет типизация ситуаций, возникающих на разных этапах раскрытия неочевидных преступлений:

- ситуаций раскрытия преступлений «по горячим следам»;
- на первоначальном этапе;
- последующем этапе.

Каждый из этапов раскрытия преступлений характеризуется своими временными параметрами, определенным набором ситуационно обусловленных действий, направленных на установление и задержание преступника.

Так, ситуации раскрытия преступлений «по горячим следам» складываются с момента поступления в орган внутренних дел заявления или сообщения о преступлении. Их развитие продолжается до окончания оперативно-розыскных мероприятий (как правило, в течение трех суток) по установлению преступника оперативным сотрудником, выехавшим на место происшествия.

Среди множества оперативно-розыскных ситуаций на данном этапе раскрытия преступлений важно выделять типовые исходные ситуации. Под исходной ситуацией понимается проекция криминальной ситуации, ее отражение в объективной действительности в виде обстановки, сложившейся после совершения преступления, включая совокупность следов и иных последствий. Исходная ситуация содержит также климатические, временные условия к началу раскрытия, характеристику первичных источников информации о событии, ее суть, разрыв во времени между событием и осведомленностью о нем оперативного сотрудника, возможность немедленно включиться самому и привлечь при необходимости другие силы и средства к процессу раскрытия преступления, чтобы быстро овладеть ситуацией.

На исходную ситуацию существенное влияние оказывают действия преступника по сокрытию преступления. В частности, утаивание информации, орудий преступления, похищенных предметов, ценностей; устранение (нейтрализация) возможных свидетелей, иных источников информации; бегство, отъезд с места преступления; уничтожение материальных улик; маскировка; изменение внешнего облика, первоначального состояния какого-либо

объекта; создание ложной информации; инсценировка, симуляция и др. Осуществляя указанные действия, преступник изменяет действительную картину события, чем препятствует ее познанию. Исходные ситуации в случаях сокрытия отличаются неполнотой информации, ее искажением, противоречивым истолкованием события свидетелями или потерпевшими, отсутствием источников информации, включая следы рук, обуви, изменением обстановки на месте происшествия в случае инсценировки другого события.

Исходные ситуации обуславливают содержание действий оперативного сотрудника в первые часы после поступления сообщения или заявления о преступлении. На данном этапе работы ситуация, как правило, динамично изменяется, определяя направления и характер последующих действий по установлению преступника.

Таким образом, фактической базой ситуаций раскрытия преступлений «по горячим следам» являются вначале данные, указывающие на признаки преступления и лиц, их совершивших, а затем фактические и иные данные, полученные в ходе проведения всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий на этом этапе раскрытия преступления.

Ситуации первоначального этапа раскрытия преступления формируются в процессе проверки и уточнения данных, полученных в результате проведения мероприятий по установлению преступника «по горячим следам», характеризуют ход и состояние раскрытия преступления на основе установленных фактических данных.

Как показало исследование, типичными для первоначального этапа раскрытия преступлений являются следующие оперативно-розыскные ситуации:

- имеются данные о событии преступления, но отсутствуют какие-либо сведения о лице, его совершившем;
- личность преступника не установлена, но есть информация об его приметах либо иные характеризующие его сведения;
- на месте происшествия обнаружены следы, орудия преступления, а также одежда, предметы, утерянные или оставленные преступником;
- имеются сведения о личности преступника, но его место нахождения неизвестно;
- лицо, заподозренное в совершении преступления, задержано в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий «по горячим следам».

Указанные ситуации также характеризуются динамичным развитием, постоянными изменениями информационных элементов. Временной период возникновения – в течение 10 суток после возбуждения уголовного дела.

Ситуации раскрытия преступлений на последующем этапе возникают с момента заведения дела оперативного учета по нераскрытому преступлению и они относительно стабильны. От ситуаций первоначального этапа раскрытия преступлений отличаются не только по времени возникновения, но и по объему, количеству и качеству содержащихся в них фактических данных о преступнике и обстоятельствах преступления, а также условиям деятельности оперативного сотрудника. Временные параметры указанных ситуаций определяются сроками ведения дела оперативного учета.

Выделенные типы оперативно-розыскных ситуаций имеют высокую степень обобщенности и в таком виде могут быть использованы прежде всего в разработке общей методики раскрытия преступлений, имеющей универсальный характер. Предлагаемую систему типовых ситуаций можно использовать и как базовую при типизации ситуаций, возникающих в процессе раскрытия преступлений определенного вида – убийств, разбоев, грабежей, краж и др. Однако здесь не может быть единого подхода. Для каждого вида преступления типичны «свои» ситуации, на которые целесообразно ориентироваться при разработке частных оперативно-розыскных методик.

Процесс раскрытия целого ряда преступлений характеризуется наличием специфических оперативно-розыскных ситуаций, обусловленных особенностями объективной стороны преступного события. Например, применительно к раскрытию убийств типичными будут ситуации, складывающиеся в ходе проведения мероприятий по установлению личности убитого.

Несколько иной подход требует описание комплекса первоначальных мероприятий по раскрытию причинения тяжкого вреда здоровью. Он должен быть сориентирован, в первую очередь, на типичные исходные ситуации, отражающие обстоятельства получения сообщения о преступлении: 1) в дежурную часть ОВД поступило криминальное сообщение о том, что в медицинское учреждение доставлен пострадавший с телесными повреждениями насильственного характера и 2) в дежурную часть ОВД поступило сообщение от граждан о совершаемом преступлении или об обнаружении пострадавшего с телесными повреждениями насильственного характера.

Комплекс действий по раскрытию краж из квартир на первоначальном этапе зависит, к примеру, от таких возможных ситуаций: 1) о краже стало известно из заявления жильцов квартиры; 2) следы проникновения в квартиру обнаружили иные лица и сообщили об этом; 3) о краже стало известно из явки с повинной; 4) о проникновении в квартиру стало известно от сотрудников вневедомственной охраны, выехавших на место по тревожному сигналу, и др.

В процессе разработки частных методик необходима типизация ситуаций, отражающих не только состояние деятельности по раскрытию преступления в целом, но и ситуаций, возникающих при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий. В процессе раскрытия различного вида преступлений содержание проводимых оперативно-розыскных мероприятий приобретает свою специфику. В первую очередь это относится к оперативно-розыскным мероприятиям, являющимся по своей сути операциями – проверочной закупке, оперативному эксперименту, контролируемой поставке.

Список использованных источников

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации: в 3-х т. Т. 3. – М.: Юристъ, 1997. – 480 с.
2. Драпкин Л.Я. Основы теории следственной ситуации. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 164 с.
3. Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – М.: Изд-ль Шумилова И. И., 2004. – 364 с.
4. Советский энциклопедический словарь. – М., 1988. – 1600 с.
5. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2008. – 960 с.

3.2. Классифицирование следственных ситуаций как предпосылка формирования и совершенствования частных криминалистических методик¹

Одним из путей дальнейшего совершенствования ситуалогических начал криминалистической поисково-познавательной деятельности следователя является построение соответствующих классификаций, каждая из которых затрагивает тот или иной аспект ситуационного подхода, в том числе ситуативный аспект криминальной деятельности². Прежде всего необходимо учитывать взаимосвязь положений тех или иных разделов криминалистики, что находит свое выражение в различении следственных ситуаций технического, тактического и методического характера³.

С позиции доктрины уголовного преследования предлагается выделять проверочные, следственные и судебные ситуации⁴. Общепринята классификация следственных ситуаций на исходные, промежуточные и конечные (заключительные)⁵. Анализ работ, в которых принято такое классифицирование, позволяет согласиться с мнением о том, что речь здесь идет о ситуационных характеристиках соответственно первоначального, последующего и заключительного этапов досудебного производства⁶; при этом,

¹ Автор – А. С. Князьков.

² См.: Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. М. – Калининград, 1997. С. 57; Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. М., 2008. С. 45; Ким Д. В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций. Барнаул, 2008. С. 67.

³ Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве. Барнаул, 2002. С. 221–223. Так, например, В. А. Снетков называет технико-криминалистическую ситуацию, видя в ней совокупность факторов, оказывающих влияние на деятельность по поиску и обнаружению, фиксации и сохранению, предварительному изучению, упаковке, подготовке обнаруженных в ходе следственного действия объектов к лабораторному изучению и экспертизе (Снетков В. А. Техничко-криминалистические ситуации работы с микрообъектами на месте их нахождения // Экспертная практика. 1983. № 20. С. 23–28).

⁴ См.: Коршунова О. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 179.

⁵ Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. М., 2008. С. 42; Головин А. Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002. С. 237; Бойко Ю.Л., Гавло В.К. Особенности методики расследования преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД. Барнаул, 2009. С. 90–107.

⁶ См.: Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 160. Важность данной классификации находит свое проявление в классифицировании криминалистических алгоритмов и программ расследования преступлений (см.: Шаталов А. С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 183).

на наш взгляд, данная классификация в наибольшей мере имеет методико-криминалистическое значение.

Неоднозначной предстает классификация следственных ситуаций путем указания на такие признаки, как типичное и типовое. Можно отметить два варианта понятия *типичной* следственной ситуации: во-первых, она рассматривается как положение абстрактного уровня, являющееся результатом научного анализа правоприменительной практики¹; во-вторых, ею считают характерную, повторяющуюся в процессе расследования уголовных дел, ситуацию². И в том, и в другом случаях типичной следственной ситуации противопоставляется конкретная ситуация, возникающая в рамках определенного уголовного дела.

Термин «типовая» для классификации следственных ситуаций употребляется гораздо реже. Причем отличие классификации от типизации строится на спорном суждении о том, что лишь *типовые* следственные ситуации определяют программу действий дознавателя и следователя. Соответственно, типовыми называются исходные, промежуточные и конечные следственные ситуации³. Однако очевидно, что и иные следственные ситуации, классифицированные как *типичные*, также определяют направление деятельности следователя, и в этом смысле не отличаются от названных выше типовых ситуаций.

Несмотря на семантическую близость терминов «типичная» и «типовая», последний, как правильно пишут некоторые авторы, должен употребляться для обозначения ситуации в её концептуальном понимании, т. е. в целях отличия её от ситуации индивидуальной (конкретной), возникающей при расследовании того или иного дела; в свою очередь, индивидуальные (конкретные)

¹ См., например: Яблоков Н.П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М., 1980. С. 63; Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учебник. М., 2008. С. 265–266.

² См., например: Возгрин И.А. Криминалистическая тактика: понятие и предмет исследования // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2. М., 2001. С. 12; Россинская Е.Р. Криминалистика: курс лекций. М., 2010. С. 180. Иногда для показа типичного в следственной ситуации прибегают к образному их называнию: ситуация «по хвостам», ситуация «сигнал», ситуация «с поличным», ситуация «профилактика» (см.: Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 167–171).

³ См.: Белкин Р.С. Перспективы исследования проблемы следственной ситуации // Следственная ситуация. М., 1985. С. 4–5.

следственные ситуации могут быть типичными и атипичными¹. Возможность типизации индивидуальных, неповторимых в своем диалектическом проявлении, ситуаций состоит в том, что индивидуальное несет в себе выражение нескончаемого разнообразия внешне схожих явлений (объектов)²: именно такая схожесть, а значит типичность, и отыскивается в процессе научного познания.

На наш взгляд, нужно говорить о своеобразной взаимосвязи, с одной стороны – типовых следственных ситуаций, а с другой – типичных и атипичных следственных ситуаций. Типичная следственная ситуация указывает на то, что в ней в наименьшей мере имеются отличия от типовой следственной ситуации. То есть атипичная следственная ситуация (при всей условности такого определения) указывает на то, что в ней преимущественно присутствуют отличия от типовой следственной ситуации. Здесь, по сути, необходимо вести речь о характере взаимосвязи между двумя видами моделей следственной ситуации.

Исходя из сказанного, можно прийти к выводу о том, что *содержательно* типовая и типичная следственные ситуации совпадают. Различия лишь определяют характер взаимосвязи криминалистической науки и практики: наука выделяет в объекте те или иные закономерности (типы связей), адресуя затем свои результаты должностному лицу, которое в той или иной ситуации отыскивает их проявления и основывает на них свои решения и действия. С учетом природы науки, целью которой является поиск закономерностей изучаемого объекта, результаты теоретического обобщения, применительно к практике, всегда будут суждением о типичном. Исходя из этого, классифицирование атипичных

¹ См.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 244–245; Воронин С.Э. Указ. соч. С. 60; Яблоков Н.П. Криминальные и криминалистические ситуации // Криминалистика / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 2005. С. 77; Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела: дис. ...д-ра юрид. наук. Барнаул, 2009. С. 163; Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. М., 2008. С. 46.

² В этом смысле правильными являются слова о том, что процесс выявления типовых ситуаций есть результат отвлечения от частных (См.: Волчецкая Т.С. Криминалистические ситуации // Криминалистика / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова. М., 2006. С. 105).

следственных ситуаций затруднено, хотя они и могут быть определены в тех или иных параметрах¹.

Весьма точно соотношение типичного и нетипичного в оперативно-розыскной ситуации показал С. И. Давыдов, отметивший, что каждая ситуация представляет собой уникальное событие: вместе с тем многие ситуации признаются на практике минимально различимыми, что дает основание говорить о том, что они типичны².

Оценочный характер тех или иных следственных ситуаций лежит в основе теоретических разногласий, касающихся в том числе их классификаций³. Например, мнения о проблемных ситуациях существуют в диапазоне от полного неприятия в целях криминалистики термина «проблемный»⁴ до подчеркивания того, что в расследовании нет и не может быть непроблемных следственных ситуаций⁵; также аргументируется взгляд о существовании проблемных и беспроблемных ситуаций⁶, который мы в общем разделяем.

¹ В подтверждение нашего вывода сошлемся на суждение о том, что перечислить все возможные конкретные следственные ситуации вряд ли возможно (См.: Мазунин Я. М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2005. С. 289).

² Давыдов С. И. Об оперативно-розыскных ситуациях // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. 6. Барнаул, 2006. С. 29–30.

³ Отмечается, например, условность деления следственных ситуаций на простые и сложные, а также отсутствие границ между уровнями возможной сложности (См.: Субботина М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 193–194.).

⁴ См., например: Пантелеев И. Ф. Закономерности развития языка криминалистики // Актуальные проблемы раскрытия преступлений. М., 1985. С. 3–9.

⁵ См., например: Филиппов А. Г. О соотношении понятий криминалистической характеристики преступлений и следственной ситуации // Следственная ситуация. М., 1984. С. 72; Ким Д. В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насильственных преступлений): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 17. Анализ даваемых Л. Я. Драпкиным определений *проблемной* ситуации (см.: Драпкин Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Вып. 41. Свердловск, 1975. С. 29) и следственной *ситуации в целом* (См.: Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Теория следственных ситуаций // Криминалистика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 39) позволяет говорить, что проблемность следственной ситуации в таком случае рассматривается как её атрибутивная сторона.

⁶ См.: Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Понятие и классификация судебно-следственных ситуаций // Судебно-следственные ситуации: психолого-

При анализе такого положения дел отмечается, что причиной различных взглядов выступает неизбежный субъективизм криминалистов-исследователей, приводящий к тому, что классификации следственных ситуаций приобретают *оценочный* характер; кроме того, отмечается и субъективизм, присущий правоприменителям в силу их опыта, знаний и умений; соответственно подчеркивается необходимость оперировать *объективными основаниями* классификаций¹. Однако объективными, формально определенными и потому не вызывающими дискуссий можно считать лишь несколько классификаций следственных ситуаций, например, классификации в зависимости от субъекта, призванного их разрешить (следственные, оперативно-розыскные, экспертные, судебные). В рамках криминалистической ситуалогии к таким классификациям можно отнести определяемые относительно этапов преступной деятельности подготовительные ситуации, ситуации совершения преступления и посткриминальные ситуации.

криминалистические аспекты. Барнаул, 2006. С. 83–84; Россинская Е. Р. Криминалистика: курс лекций. М., 2010. С. 180. Вместе с тем спорным является рассмотрение отдельными авторами конфликтов, возникающих в досудебном и судебном производствах, в качестве элемента следственной ситуации. В подтверждение нашего вывода следует сослаться на суждение о том, что перечислить все возможные конкретные следственные ситуации вряд ли возможно (см.: Мазунин Я. М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дис. ...д-ра юрид. наук. Барнаул, 2005. С. 289). См.: Давыдов С. И. Об оперативно-розыскных ситуациях // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. 6. Барнаул, 2006. С. 29–30. Отмечается, например, условность деления следственных ситуаций на простые и сложные, а также отсутствие границ между уровнями возможной сложности (см.: Субботина М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: дис. ...д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 193–194; Пантелеев И. Ф. Закономерности развития языка криминалистики // Актуальные проблемы раскрытия преступлений. М., 1985. С. 3–9; Филиппов А. Г. О соотношении понятий криминалистической характеристики преступления и следственной ситуации // Следственная ситуация. М., 1984. С. 72; Ким Д. В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насилственных преступлений): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 17; Анализ конфликтов на её содержание // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений. Тюмень, 2013. С. 389.

¹ Ким Д. В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве. Барнаул, 2006. С. 68–69. На наш взгляд, «субъективная окраска» многих следственных ситуаций объективно предопределена самим их характером, поскольку следственная ситуация, как отмечает и сам Д. В. Ким, рождается «на пересечении» субъекта расследования с окружающей его обстановкой, имеет субъективную, ценностно-смысловую структуру.

Р. С. Белкин придавал различное значение отдельным классификациям следственных ситуаций: классификацию следственных ситуаций на благоприятные и неблагоприятные он считал общей, а все иные – частными классификациями¹, что учитывается нами в дальнейшем.

Оригинально классифицирование, предложенное Л. Я. Драпкиным, который делит все ситуации на благоприятные и неблагоприятные. Неблагоприятными следственными ситуациями, по его мнению, являются проблемные, конфликтные ситуации, а также ситуации тактического риска и организационной неупорядоченности; к числу особой разновидности неблагоприятной ситуации он причисляет комбинированные следственные ситуации². Не умаляя научную и практическую ценность такого подхода, позволим некоторую его критику. Эта критика касается не оценочного, а логического фактора³, поскольку результатом логического деления является, во-первых, некоторое «пересечение» содержания классификаций друг с другом, во-вторых, нивелирование различия между следственной ситуацией и следственной версией. На эту сторону спорности даваемой Л. Я. Драпкиным классификации обращали внимание многие ученые⁴.

Мы полагаем возможным в теоретических и практических целях подразделять все следственные ситуации на благоприятные и неблагоприятные, положив в основу такой классификации состояние исследованности обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Все остальные классификации в своем гносеологическом значении отражают, на наш взгляд, лишь тот или иной

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 143–144.

² Драпкин Л. Я. Теория следственных ситуаций // Криминалистика: учебник. М., 2011. С. 37–38.

³ Так, классифицирование сложных следственных ситуаций осуществляется, как отмечает указанный автор, одновременно на основе трех факторов – «в зависимости от количества, характера и содержания негативных факторов (трудностей, барьеров)» (см.: Драпкин Л. Я. Теория следственных ситуаций // Криминалистика / под ред. Л. Я. Драпкина. М., 2013. С. 55).

⁴ См., например: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 142; Ким Д. В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел: дис. ...д-ра юрид. наук. Барнаул, 2009. С. 167–168; Полстовалов О. В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: дис. ...д-ра юрид. наук. Уфа, 2009. С. 139; Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М., 2008. С. 108.

аспект этих двух ситуаций, внутреннюю и внешнюю причины неблагоприятности.

Проведенное исследование позволяет отметить характеристики, которые приобретает тот или иной аспект ситуации в работах отдельных авторов. Так, аспект *конфликтности* следственной ситуации указывает на *причину* информационной неопределенности, имеющей в своей основе мотивационные факторы¹; выделение аспекта *проблемности* подчеркивает *степень* информационной неопределенности ситуации досудебного судопроизводства²; учет аспекта *тактического риска* акцентирует внимание на информационную неопределенность в рамках следственного действия *применительно к выбору* операциональных тактико-криминалистических средств; выделение аспекта *сложности* следственной ситуации показывает *число вероятностных моделей* следственной ситуации³ или степень возможного влияния ситуации на принятие решения⁴; название аспекта *воздействия*

¹ Собственно, к такому выводу приводит анализ отдельных работ. См., например: Карагодин В.Н., Балеевский Ф.В. Моделирование конфликтной ситуации допроса субъекта противодействия // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности. Калининград, 2012. С. 148–152.

² Крайняя степень проблемности ситуации позволяет некоторым ученым говорить о ней как о тупиковой следственной ситуации (см., например: Яблоков Н.П. Информационное отражение преступлений, их криминалистическая характеристика, ситуационные особенности преступной деятельности и ее расследования // Криминалистика / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 2005. С. 77), которая иногда подразделяется на истинную и ложную тупиковые ситуации (см., например: Каминский А.М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 46–47).

³ Волчечкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 158.

⁴ Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики: дис. ...д-ра юрид. наук. Тула, 2002. С. 315. Предполагая существование простых ситуаций, противостоящие им следственные ситуации делят затем на сложные и особо сложные: критерием такого деления является объем преступной деятельности, подлежащей доказыванию, а также общественная значимость расследования отдельного уголовного дела (см.: Зеленский В.Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 1991. С. 211–222). Другой подход заключается в разделении сложных ситуаций на пять групп (Хмыров А.А. Исходные следственные ситуации и роль косвенных доказательств в их разрешении // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности. Калининград, 2012. С. 289).

следователя на следственную ситуацию дает возможность судить о **степени контроля за её развитием**¹; наконец, указание на аспект **детерминированности и рандомизированности** характеризует, прежде всего, следственную ситуацию с **позиции случайных факторов, оказывающих влияние на её развитие**, в том числе случайного поиска, производимого дознавателем и следователем².

Причем, тот или иной аспект следственной ситуации либо существует до начала производства следственного действия, либо возникает в ходе его производства. Новизна нашего предложения состоит в том, что субъект криминалистической тактики оценивает следственную ситуацию как некое целое, отмечая существование факторов, указывающих на те или иные её аспекты.

Наше предложение говорить об аспектах следственной ситуации как в методическом, так и в тактическом понимании позволяет на практике осуществлять её системную, в том числе пошаговую, оценку и выделять конкретные неблагоприятные факторы. Очевидно, что при производстве того или иного следственного действия названные выше аспекты могут проявляться в различном сочетании. И вновь нельзя не подчеркнуть два важных, взаимосвязанных друг с другом момента. Прежде всего, отсутствуют четкие критерии разделения ситуаций (аспектов ситуаций). Например, у некоторых авторов проблемная ситуация носит родовой характер по отношению к другим ситуациям и выступает синонимом неблагоприятной ситуации³. Прав Р.С. Белкин, подчеркивавший,

¹ По степени оказываемого следователем воздействия на ситуации значимым является их классифицирование на контролируемые (частично контролируемые) и неконтролируемые (см.: Яблоков Н. П. Расследование организованной преступной деятельности. М., 2002. С. 141–142; Мазунин Я. М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2005. С. 282–283).

² Воронин С. Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2001. С. 61–65.

³ О том, что проблемная ситуация есть синоним неблагоприятной ситуации, свидетельствует тот факт, что В. К. Гавло не указывает последнюю в числе называемых им ситуаций (см.: Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Указ. соч. С. 83–97). В качестве родовой характеристики проблемная следственная ситуация раскрывается и Т. С. Волчецкой (см.: Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 81–82). Д. В. Ким считает проблемность родовым признаком ситуаций с элементом конфликтности (см.: Ким Д. В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве. Барнаул, 2006. С. 79.); С. Э. Воронин увязывает выделение проблем-

что проблемная ситуация, как её понимает Л.Я. Драпкин, есть состояние производства по делу в конкретной ситуации¹. Кроме того, отыскание различных аспектов следственной ситуации, как и их дифференцирование, во многом будет зависеть от профессионального опыта следователя и иных субъектов доказывания.

На наш взгляд, дальнейшее изучение теоретико-прикладного значения следственных ситуаций в контексте их классификации возможно путем выделения двух ситуационных подсистем, которыми оперирует субъект криминалистической тактики. Первая характеризует структурную определенность следственной ситуации *с точки зрения вида* составляющей её доказательственной и иной информации. По этому признаку могут быть выделены четыре части данной подсистемы:

- 1) информация, касающаяся различных объектов, связанных с исследуемым событием;
- 2) информация о противодействии расследованию;
- 3) информация о возможных дополнительных источниках получения информации;
- 4) информация организационно-управленческого характера.

Вторая подсистема характеризует следственную ситуацию *с точки зрения тождественности её оценки* и включает такие части:

- 1) информация, полученная в результате производства следственных действий;
- 2) полученная оперативным путем;
- 3) информация в виде анонимных сведений и слухов;
- 4) полученная в результате осуществления следователем розыскных мероприятий;
- 5) информация, полученная в результате взаимодействия следователя с иными должностными лицами и имеющая организационно-управленческий характер.

Очевидно, что в своей совокупности, с учетом назначения уголовного судопроизводства, максимально реальной будет складывающаяся в ходе досудебного производства следственная ситуация, содержание которой преимущественно представлено доказательственной информацией; значит, на другом полюсе будет

ных ситуаций с конфликтными ситуациями и ситуациями тактического риска (см.: Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2001. С. 42–43).

¹ Белкин Р.С. Указ. соч. С. 141.

располагаться следственная ситуация, опосредованная преимущественно информацией в виде слухов¹.

Любая из частей, входящих в ту или иную подсистему, в свою очередь, может быть подразделена на определенные элементы. Например, в рамках той части первой подсистемы, которая касается свойств различных объектов, связанных с исследуемым событием, нужно назвать такие элементы, как информация о личности преступника, обстановке происшествия, личности потерпевшего, способе подготовки, способе совершения и т. д. В дальнейшем информация, касающаяся того или иного элемента, может структурироваться по тем или иным основаниям; например, информация о личности преступника может быть подразделена на информацию о его психических свойствах, анатомических признаках и т. п. То есть можно вести речь о построении своего рода «дерева следственных ситуаций», которое, будучи изначально единым по совокупности имеющейся в распоряжении следователя информации, затем разделяется на несколько «информационных ветвей».

Аналогичное деление может быть осуществлено в отношении информации любой из частей, образующих вторую подсистему следственной ситуации. Например, в пределах такой части, как информация, полученная в результате производства следственных действий, возможно выделение определенных элементов: информация о виде следственного действия, климатических и метеорологических условиях, в которых они проводились, примененных при его осуществлении тактических приемах, технико-криминалистических средствах, об участии в его производстве специалистов, должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и т. д. Внутри такой части рассматриваемой подсистемы, как анонимные сведения, могут быть названы количество источников анонимных сведений, информация о месте и времени их получения, характере анонимного сообщения и т. д. Данный алгоритм анализа следственной ситуации делает её оценку адекватной, реальной, что имеет несомненное значение для определения дальнейшего направления и содержания расследования путем формулирования тактической задачи и принятия тактического решения. В предложенном нами подходе

¹ О поисково-познавательном значении слухов см.: Мешков В.М., Григорьев А.Н. Использование слухов в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 3 (11). М., 2004. С. 35–39.

учитывается несовпадение явления следственной ситуации и её модели: предлагаемое нами структурирование позволит более продуктивно создавать модель следственной ситуации и оперировать ею, постоянно анализируя проявление фактической следственной ситуации.

В конечном счете предлагаемое структурирование следственной ситуации позволяет видеть в ней не механическое сочетание тех или иных обстоятельств, а качественное образование, дающее возможность определить оптимальное *направление и содержание* деятельности следователя и сотрудников органа, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Исходя из принципа соотношения целого и его части, многие авторы предпринимая классифицирование следственных ситуаций, результатом которого служит указание на общую и частную ситуации. Выделение в криминалистике общих и частных следственных ситуаций характеризует одну из особенностей научной рефлексии, а именно: поиск общих и частных закономерностей изучаемых явлений. Термин «общая следственная ситуация» в литературе используется давно, например, А. Н. Васильев отмечал, что преступления можно группировать по признакам общей следственной ситуации первоначального периода расследования¹.

Существование общей следственной ситуации чаще всего связывается с характеристикой процесса расследования преступления в целом². Под частной следственной ситуацией понимают ситуации производства отдельного следственного действия или проведения тактической операции³, что позволяет, в определенной

¹ Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 40.

² См.: Яблоков Н. П. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования. М., 1978. С. 21; Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник. М., 2004. С. 220. Некоторые авторы сводят и общую, и частную следственные ситуации к доказанности обстоятельств, составляющих предмет доказывания (см.: Лаврухин С. В. Роль криминалистических характеристик и следственных ситуаций в расследовании умышленных убийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982. С. 6–7), что затрудняет отличие одной ситуации от другой.

³ Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования. М., 1985. С. 88. См.: Головин А. Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики: дис. ... д-ра юрид. наук. Тула, 2002. С. 310; Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник. М., 2004. С. 220; Шмонин А. В. Методология криминалистической методики. М., 2010. С. 207; Чебуренков А. А. Общетеоретические положения и практические аспекты криминалистической тактики. М., 2008. С. 185–186. На наш

мере, разделять тактико-криминалистические и методико-криминалистические положения. Кроме того, к частным причисляют ситуации, которые отражают ход и состояние расследования преступления относительно элементов состава преступления, отдельных преступных эпизодов, а также этапов расследования¹.

В. И. Комиссаров в основу подразделения ситуаций на общую и частную кладет следственное действие: по его мнению, первая ситуация предопределяет направление разработки и группировки приемов осуществления *системы* следственных действий, а вторая – направление разработки и группировки приемов осуществления *отдельных видов* следственных действий². Фактически общая ситуация здесь указывает на ситуацию предварительного расследования в целом, а частная – на ситуацию производства отдельного следственного действия.

Можно увидеть, что при таком подходе дается *внешнее* отличие общих и частных следственных ситуаций; это отличие лежит в основе разграничения тактико-криминалистических и методико-криминалистических ситуаций, при котором понимаемая таким образом общая следственная ситуация является безусловно категорией криминалистической методики. Вместе с тем характерное, *внутреннее* отличие общей и частной следственных ситуаций остается до конца не выясненным. Ставя задачу отыскать названное отличие, мы считаем возможным исходить из структуры следственной ситуации, предлагаемой В. К. Гавло, Т. С. Волчецкой и другими авторами, которые при её определении акцентируют внимание на имеющихся в распоряжении следователя сведениях о преступлении, и лишь затем – на иные характеристики

взгляд, уравнивание ситуаций следственного действия и ситуаций тактической комбинации (тактической операции) предопределено тем, что следственное действие выступает формой любого из названных в данной работе операциональных тактико-криминалистических средств.

¹ Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 239; Гавло В. К., Корчагин А. А. Расследование фактов безвестного исчезновения женщин при подозрении на их убийство. Барнаул, 2006. С. 101; Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник. М., 2008. С. 266. Предлагаю различать следственные ситуации предварительного расследования в целом и отдельного следственного действия, некоторые авторы считают возможным говорить соответственно о ситуации в широком и узком смысле (см.: Кузьмин С. В. О понятии и содержании следственной ситуации // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 1 (33). М., 2010. С. 13.).

² См.: Комиссаров В. И. Актуальные проблемы следственной тактики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. С. 22.

состояния процесса расследования¹. Для данного исследования отмеченное положение важно, поскольку именно информационный блок о преступлении, будучи точно проанализированным, закладывает основу взвешенной оценки всей совокупности обстоятельств, опосредующих досудебное производство, например, имеющиеся в распоряжении субъекта досудебного производства материально-технические возможности.

Указанный информационный блок, по нашему мнению, следует рассматривать в виде двух элементов: информации о преступном событии и информации о причастном к его совершению лице (лицах). Отсюда ситуация, характеризующая состояние доказанности о преступном событии и причастном к нему лице, должна носить название общей следственной ситуации. Разумеется, мы исходим из того, что УПК РФ структурно обособляет и иные обстоятельства, требующие своего доказывания, как-то: характер и размер вреда, причиненного преступлением, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и иные. Однако с учетом возможности объединения элементов криминалистической характеристики преступления в более крупные блоки мы считаем возможным относить перечисленные обстоятельства к событию преступления и личности преступника.

Таким образом, *под общей следственной ситуацией будем понимать сложившееся в ходе рассмотрения дела состояние доказанности события преступления и виновной причастности к нему конкретного лица.*

Соответственно, частная следственная ситуация тем или иным образом характеризует условия, в которых следователь осуществляет доказательственную деятельность: например, оказываемое ему противодействие, в том числе таящее угрозу утраты криминалистически значимой информации²; согласие обвиняемого на сотрудничество со следствием; невозможность принять оптимальное тактико-криминалистическое решение; возникшие

¹ Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия. 1997. С. 93; Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Указ. соч. С. 78; см. также: Коршунова О. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 3; Смахтин Е. В. Криминалистика: соотношение с уголовным и уголовно-процессуальным правом. М., 2009. С. 180.

² См.: Беляков А. А. Учет ситуационных факторов на первоначальном этапе расследования краж // Тактические операции и эффективность расследования. Свердловск, 1986. С. 94.

трудности взаимодействия следователя (дознавателя) с иными должностными лицами; невозможность выполнить отдельные пункты плана по расследованию преступления в силу материальных и организационно-технических причин; вероятность проявления случайных факторов и т. д.

Общая и частные следственные ситуации системно образуют и характеризуют *ситуацию досудебного производства*.

Существуя как проявление и оценка состояния досудебного производства, общая и частные следственные ситуации проецируются на ситуации, складывающиеся в ходе производства отдельного следственного действия, в том числе включенного в тактико-криминалистические комбинацию и операцию. По этой причине и общая, и частные следственные ситуации имеют как методико-криминалистическое, так и тактико-криминалистическое значение, а кроме того – могут быть типичными и атипичными ситуациями.

3.3. Классификация судебных ситуаций и их место в системе криминалистики¹

Анализ становления и развития криминалистики заставляет исследователей переосмыслить прежние представления о предмете этой науки и сфере ее научного приложения. Все решительнее звучат утверждения, что криминалистика не может быть ограничена рамками предварительного расследования, а ее рекомендации могут быть использованы и в судебном производстве².

Полагаем, что исходя из принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), суд «не обязан полностью следовать воле сторон

¹ Автор – Д. В. Ким.

² См., например.: Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия. М. – Калининград, 1997. С. 111–114; Бозров В. М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 40–45; Кисленко С. Л., Комиссаров В. И. Судебное следствие: состояние и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2003. С. 51; Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 190–212; Князьков А. С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н. Т. Ведерникова. Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2008. С. 49–52 и др.

в определении пределов судебного следствия»¹, он должен создать необходимые условия для реализации сторонами своих прав и обязанностей, в связи с чем возникает проблема разработки криминалистической тактики и методики судебного следствия².

Мы полностью разделяем мнение Р.С. Белкина, который утверждал, что изучаемые криминалистикой закономерности лежат в сфере судебного исследования, то есть «совокупной деятельности органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины в процессе судопроизводства»³. Аналогичной позиции относительно предмета криминалистики и применения криминалистических знаний придерживается Н. Г. Шурухнов, указывая на то, что «субъектами применения названных знаний являются следователи, дознаватели, специалисты, оперативные работники, эксперты, прокуроры, прокуроры-криминалисты и судьи»⁴.

В таком понимании предмета криминалистики нас привлекает точность очерчивания границ научных и практических интересов криминалистики, а именно: от дознания и предварительного следствия по делу о событии с признаками преступления до решения задач уголовного судопроизводства судом. На этом поле, полагаем, складывается целостная информационно-познавательная система в деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству уголовных дел. В основе ее лежат знания о преступной деятельности лиц по совершению преступлений, с одной стороны, и законной, правоохранительной деятельности суда – с другой.

Досудебное и судебное производство – это единое и неделимое поле деятельности для науки криминалистики. «Криминалистическая методика расследования, – как верно пишет В. К. Гавло, – характеризуется интегративными приемами криминалистической техники и тактики, включает в себя познание закономерностей противоправной

¹ Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 44.

² См.: Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012, и др.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. С. 47.

⁴ Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2008. С. 15–16.

деятельности по подготовке, совершению, сокрытию отдельных видов преступлений и их противодействию расследуемым событиям, и правоохранительной, законом предусмотренной деятельности по их раскрытию, предварительному расследованию и судебному разбирательству на основе целостного возникновения и движения по делу всей уголовно значимой информации»¹. Именно в криминалистической методике расследования, по обоснованному мнению В.К. Гавло, на этой основе возможны выделение и познание своеобразных закономерностей информационных структур, систем и процессов, разработка оптимальных вариантов (серий) правил и алгоритмов действий органу дознания, следователю, прокурору и суду в различных ситуациях возбуждения, предварительного расследования и разрешения дела по существу.

Нельзя разрабатывать криминалистическую технику, тактику и методику для предварительного следствия без учета ситуаций судебного следствия, как и криминалистическую технику, тактику и методику судебного следствия без учета ситуаций предварительного следствия и деятельности участников уголовного судопроизводства. «Без знания рекомендаций криминалистики, без их грамотного использования, – как верно пишет В.И. Комиссаров, – суду уголовной юрисдикции вряд ли удастся объективно установить все процессуально значимые нюансы совершения преступления»².

Этой же позиции придерживается А.Ю. Корчагин, полагая, что «для качественного изучения и оценки материалов расследования судья должен знать криминалистическую характеристику преступления, научно-практические криминалистические рекомендации по собиранию, исследованию и оценке доказательств, методику расследования отдельных видов преступлений»³.

¹ Гавло В.К. Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 22; он же: Общие положения криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика: учебник / под ред. Л. Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. М.: Юрид. лит., 2004. С. 456–462.

² Комиссаров В.И. Проблемы борьбы с преступностью и их место в предмете криминалистики // Актуальные проблемы криминалистики: материалы междунар. конф. Харьков, 2003. С. 27. См. также: Комиссаров В.И., Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия, содержание и понятие // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина: материалы междунар. науч. конф. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 130–145.

³ Корчагин А.Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. М., 2006. С. 124.

Криминалистика одинаково обслуживает и предварительное следствие, и судебное разбирательство с учетом целей и задач осуществления правосудия по уголовным делам, объединенных предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) и пределами судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ).

Судебное разбирательство в состязательном процессе больше всего нуждается в использовании рекомендаций, разработанных криминалистической тактикой и методикой¹. Не случайно в последнее время в работах, посвященных криминалистической тактике, делается акцент именно на рекомендациях, относящихся к судебному следствию².

В связи с чем, считает В.К. Гавло, традиционная структура криминалистической методики расследования должна быть перестроена как не отвечающая уровню нынешнего развития криминалистики и требованиям судебно-следственной практики. В качестве ее составляющих важно видеть определенные взаимосвязанные элементы. Это объясняется тем, что в методике расследования отдельных видов и групп преступлений в качестве ее первого структурного элемента выступает преступная деятельность лиц по совершению преступлений с ее криминалистической характеристикой преступления, а в качестве ее второго структурного элемента – предусмотренная законом деятельность правоохранительных органов и суда по предварительному и судебному следствию. А поскольку это так, то логично в данной деятельности выделять две взаимодействующие подсистемы методики: методику и ее криминалистическую характеристику предварительного следствия и методику и ее криминалистическую характеристику судебного следствия. Именно они есть результат познания закономерностей деятельности субъектов доказывания на предварительном следствии и в суде. Однако и сегодня выходят учебники криминалистики, в которых не отражаются особенности применения

¹ См., например: Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / под ред. О.Н. Коршуновой. СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2003. С. 15; Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития: материалы Международ. научно-практ. конф., посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. С. 11–16; 265–280 и др.

² См., напр.: Шурухнов Н.Г., Флоря Д.Ф., Шурухнов В.А. Криминалистическая тактика: курс лекций. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. С. 4–7; Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2008. С. 257–263.

криминалистической техники, тактики и методики в ходе судебного разбирательства уголовных дел, не называются судебные ситуации, как они должны быть разрешены и т. д. В учебниках по криминалистике необходимо показывать особенности методики судебного следствия. Криминалистическая методика расследования преступлений при таком ее толковании может выступать как специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации предварительного и судебного следствия¹.

Тому подтверждение – появление интересных диссертационных работ, выполненных под научным руководством В. И. Комиссарова², Т. С. Волчецкой³, В. М. Мешкова⁴ и др.

Интеграция уголовно-процессуальной и криминалистической наук в обозначенном контексте проявляется и на монографическом уровне. В частности, А. Ю. Корчагин в своих работах⁵ с учетом уголовно-процессуального законодательства исследовал содержание судебного разбирательства как вида социальной деятельности, выявил проблемы его криминалистического обеспечения и разработал рекомендации организационно-тактического и методического характера по оптимизации судебного следствия.

¹ Подробнее см.: Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения криминалистической методики отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 130–212; он же: Общие положения криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика: учебник / под ред. Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. М.: Юрид. лит., 2004. С. 456–462.

² Кисленко С. Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

³ Фалеев В. И. Уголовно-процессуальные аспекты выявления и устранения судебных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003; Кузнецова О. Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004; Румянцева И. В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004.

⁴ Головачев И. В. Криминалистические средства обеспечения оценки судом материалов предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

⁵ Корчагин А. Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика: монография. М.: Изд-во «Юридический мир», 2006; он же: Основы тактики и организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2007; он же: Основы методики судебного разбирательства уголовных дел: монография. Краснодар: Изд-во «Качество», 2007.

Н. П. Кириллова, имея богатый личный опыт работы судьей и преподавательской деятельности, в своей монографии¹ и диссертационном исследовании² рассмотрела не только особенности процессуального статуса профессиональных участников судебного разбирательства (в первую очередь государственного обвинителя и защитника), а также наиболее актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства, возникающие на стадиях подготовки и назначения судебного заседания и судебного разбирательства, но и показала тактические аспекты реализации процессуальных функций с позиции ситуационного подхода. Особый интерес представляют, на наш взгляд, вопросы, связанные с типологией ситуаций, возникающих на указанных стадиях уголовного судопроизводства и пути их решения, удачно освещенные в работе. Среди них: авторская классификация ситуаций и алгоритмы их разрешения с позиции адвоката-защитника, государственного обвинителя и профессионального судьи.

Ситуационный подход, таким образом, позволяет разрабатывать конкретные и эффективные методики по ведению судебного разбирательства с учетом складывающихся судебных ситуаций.

Поскольку судебные ситуации не дублируют следственные ситуации, постольку в суде не может быть использована методика расследования, рассчитанная на предварительное следствие с его следственными ситуациями. Обращаясь к УПК РФ, необходимо констатировать, что в процессе судебного разбирательства имеются свои ситуации и особенности проведения процессуальных (следственных) действий, существенно отличающиеся от проведения следственных действий на досудебных стадиях уголовного процесса. Так, например, если следственный осмотр (ст. 177, 178 УПК РФ) следователь проводит в присутствии понятых, а также, в необходимых случаях, с участием других лиц (подозреваемых, обвиняемых, специалистов и т. д.) и оформляет это протоколом следственного действия, то судебный осмотр, согласно ст. 287 УПК РФ, проводит суд с участием сторон, а при необходимости и других участников судебного разбирательства (свидетелей, экспертов,

¹ Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел: монография. СПб.: Издат. Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2007.

² Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008.

специалистов и т. д.). В судебном осмотре не требуется участие понятых. Весь ход и итоги судебного осмотра отражаются в протоколе судебного заседания. Помимо этих процессуальных условий в литературе выделяют особенности технического, тактического и методического характера, которые необходимо учитывать суду (судье) и сторонам процесса¹.

Огромные тактические возможности открываются перед судом в допросе с использованием тактического приема «перекрестный допрос», который является важным средством исследования доказательств в состязательном судопроизводстве. Хотя УПК РФ не содержит термин «перекрестный допрос», процессуальная процедура допроса позволяет его проводить. Он является «возможно, самым важным и, несомненно, самым трудным и опасным для допрашивающего. В суде с участием присяжных заседателей значимость перекрестного допроса возрастает многократно: он становится доминантой судебного состязания»². Такие особенности характерны и для других судебных действий.

Все это, несомненно, влечет за собой тактические особенности проведения следственных (судебных) действий в ходе судебного разбирательства, что является прерогативой криминалистики³. При этом для суда открывается творческий простор, рассчитанный на исследование конкретных ситуаций судебного следствия и их наиболее эффективное разрешение. Ситуационный подход, таким образом, позволяет разрабатывать конкретные методики по ведению судебного разбирательства с учетом складывающихся судебных ситуаций.

Все сказанное относится и к производству по уголовным делам, подсудным мировому судье (гл. 41 УПК РФ). Учитывая то, что обязанность сбора доказательств по этим категориям дел возложена на стороны, которые лишены права проводить следственные

¹ См., напр.: Кореневкий Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. М.: ЦентрЮрИнфоР, 2001. С. 176–183; Кириллова Н. П. Указ. соч. С. 305–312; Корчагин А. Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. М., 2006. С. 109–110 и др.

² Александров А. С., Гришин С. П. Перекрестный допрос. М.: ТК Велби, Изд-во «Прспект», 2005. С. 3. См. также: Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

³ См., напр.: Карагодин В. Н. Перспективы расширения предмета криминалистической тактики // Современное российское право: федеральное и региональное измерение. Барнаул, 1998. С. 213–217; Гавло В. К., Воронин С. Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: учеб. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. С. 17–37 и др.

действия, а судебное разбирательство имеет свою специфику, понятно, что мировые судьи нуждаются в методических рекомендациях, касающихся процессуальных и тактических вопросов возбуждения уголовных дел частного обвинения, подготовки их к слушанию, а также по рассмотрению данной категории дел в судебном заседании¹.

В связи с этим необходимы научные разработки и по такому производству, как апелляция. Эта процедура позволяет не формально, а по существу приговора, с новым исследованием доказательств в суде вышестоящей инстанции проверить правосудность приговора, вынесенного по первой инстанции, с правом его замены новым решением (приговором), принятым на основе собственного познания фактов и обстоятельств дела².

При этом основной задачей ситуационного подхода на судебных стадиях уголовного процесса является классификация ситуаций, возникающих при реализации судом (судьей) своей деятельности и создании алгоритмов по их разрешению.

Вопрос о классификации судебных ситуаций в настоящее время находится в начальной стадии исследования и не стал еще предметом широкого обсуждения³. Анализ позиций ученых показывает, что основной проблемой на сегодняшний день является выработка объективного критерия приведения всех ситуаций, складывающихся в судебном производстве в единую систему⁴.

¹ См., напр.: Гавло В. К. Проблемы рассмотрения уголовных дел мировыми судьями (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Информационный бюллетень Управления Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в Алтайском крае. Барнаул, 2002. С. 17–20.

² См.: Александров А. С., Ковтун Н. Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегород. юрид. ин-т МВД РФ, 2000. С. 4; Куссмауль Р. Э., Воронин В. В., Камзенев Е. Б., Балакшин В. С. Процессуальный статус и полномочия суда апелляционной инстанции (дискуссия) // Уголовный процесс. 2007. № 11. С. 38–43, и др.

³ См.: Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина: материалы Междунар. научно-практ. конф. «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.). М.: РГ-Пресс, 2018. С. 166–171; 340–345; 392–399; Ким Д. В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 29–33 и др.

⁴ Подробнее см.: Ким Д. В. Ситуационный подход как информационная основа судебного рассмотрения уголовных дел // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Е. Четчина. Барнаул: Барнаулский юрид. ин-т МВД России, 2004. С. 61–63; Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Судебно-следственные

Так, в зависимости от стадий уголовного процесса В. К. Гавло и С. Э. Воронин выделяют ситуации, возникающие в судах первой, кассационной и надзорной инстанций¹. Полагаем, что с учетом УПК РФ указанную классификацию можно дополнить еще одним видом ситуаций, складывающихся в апелляционной инстанции.

В зависимости от уровня познания судебные ситуации (по аналогии со следственными) В. К. Гавло подразделяет на типовые и реальные, где типовые характеризуют теоретический, а реальные – эмпирический уровни познания. Реальные, в свою очередь, делятся на типичные и атипичные².

Считаем, что реальные ситуации более правильно именовать индивидуальными (конкретными) в связи с тем, что реальность, как это было показано в предыдущих параграфах работы, «предстает» перед субъектом доказывания (в нашем случае перед судьей) в субъективном аспекте, а поэтому для каждого субъекта ситуация будет своя, индивидуальная, как воспринятая и оцененная им по-своему.

С учетом роли составляющих компонентов целесообразно выделять такие судебные ситуации:

- 1) с элементами конфликтности;
- 2) тактического риска;
- 3) организационной неупорядоченности;
- 4) смешанные судебные ситуации, в которых присутствуют элементы ситуаций 1–3.

Проблемность и конфликтность чаще всего проявляются при производстве отдельных судебных действий. Например, ситуации с элементами конфликтности часто возникают при допросе подсудимых, свидетелей, потерпевших, особенно при перекрестном допросе по сложным делам и противоречивых показаниях, в ситуациях, когда суд отказывает стороне защиты раскрыть подлинные сведения о лице, дающем показания в условиях визуальной недоступности или при отказе потерпевшего от дачи показаний. Для преодоления таких ситуаций важно соблюдать требования

ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / под ред. проф. В. К. Гавло. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 190–212.

¹ Гавло В. К., Воронин С. Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: учеб. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. С. 18.

² Гавло В. К. О диалектике типичного и атипичного в методике расследования // Повышение эффективности расследования. Иркутск, 1986. С. 21–30.

уголовно-процессуального закона и тактические приемы, находящиеся в арсеналах криминалистики¹.

Типовые судебные ситуации могут различаться по характеру возникшей и разрешаемой судом (судьей) проблемы, по исследованию судом доказательств, достаточных для принятия решения по существу дела (ст. 274 УПК РФ). В связи с этим С. Э. Воронин выделяет четыре типовые судебные ситуации:

- 1) судебные ситуации, связанные с сохранением в суде доказательств, полученных на предварительном следствии;
- 2) восполнением пробелов в материалах предварительного следствия;
- 3) оценкой доказательств в суде;
- 4) принятием решения по существу дела².

По степени информационной определенности ситуации классифицируют на детерминированные и рандомизированные³. Данная классификация необходима для раскрытия диалектики единства необходимости и случайности в развитии судебных ситуаций.

Одним из оснований классификации ситуаций могут выступать те фактические и иные данные, которые формируют ситуацию относительно определения этапов и направления судебного разбирательства. С учетом изложенного, полагаем, что можно выделить:

- 1) судебные ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства в целом (общие судебные ситуации);
- 2) относительно отдельных эпизодов;
- 3) при производстве отдельных судебных (следственных) и иных процессуальных действий.

Подчеркивая значимость информационного компонента судебных ситуаций, влияющего на определение их вида и правильную диагностику в зависимости от количества доказательств,

¹ Интересные рекомендации на этот счет см.: Александров А. С., Гришин С. Н. Перекрестный допрос. М.: Проспект, 2005. С. 156; Печерский В. В. Типовые программы допроса на предварительном и судебном следствии: учеб.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2005. С. 24–64; Комаров И. М. Теоретическая концепция тактической комбинации судебного исследования и предотвращения преступлений // Вестник Барнаульского юридического института. Барнаул: БЮИ МВД России, 1999. С. 29–52, и др.

² Воронин С. Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 37–38.

³ Гавло В. К., Воронин С. Э. Указ. соч. С. 35.

ставших предметом рассмотрения в судебном разбирательстве, в литературе выделяют три большие группы судебных ситуаций:

- 1) количество доказательств не изменяется по сравнению с предварительным расследованием;
- 2) уменьшается;
- 3) увеличивается¹.

Преимущества этих двух классификационных систем, по нашему мнению, заключается в том, что они нацеливают суд и стороны на комплексное использование достижений криминалистики, накопленных ею в рамках тактики и методики расследования преступлений. При этом тактическое, организационно-управленческое и иное решение на том или ином этапе судебного разбирательства различно, поскольку содержательная, информационная базы и условия формирования этих ситуаций отличаются друг от друга, хотя они и находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

С учетом мыслительной деятельности субъектов все судебные ситуации можно разделить на репродуктивные (алгоритмические) и продуктивные. Продуктивные, в свою очередь, – на эвристические и творческие.

В зависимости от уровней решаемых задач можно выделить общие (стратегические) и частные (тактические) судебные ситуации.

Учитывая систему стадий уголовного процесса (в данном случае связанных с производством в суде), полагаем, все судебные ситуации можно разделить на ситуации:

- 1) подготовки к судебному заседанию;
- 2) судебного разбирательства;
- 3) апелляционного производства;
- 4) кассационного производства;
- 5) производства в надзорной инстанции;
- 6) возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

При этом каждая из названных ситуаций может, в свою очередь, подразделяться на более частные.

¹ См.: Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / под ред. О.Н. Коршуновой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 59; Коршунова О.Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования: монография. СПб., 2006. С. 138.

Значение выделения ситуаций в зависимости от стадий уголовного процесса заключается в необходимости изучения их особенностей и динамики с целью создания научных методик и практических рекомендаций по их разрешению.

Таким образом, систематизация ситуаций, складывающихся в процессе производства уголовного дела в суде, а также знание их особенностей позволяет оптимизировать деятельность суда и способствует решению стоящих перед ним задач.

Глава 4

Современные технологии в криминалистической методике

4.1. Теоретические и прикладные аспекты заключения полиграфолога¹

24 декабря 2010 года депутатами Государственной Думы СФ РФ был внесён проект Федерального закона № 478780–5 «О применении полиграфа». Данный законопроект был направлен на внедрение опросов с применением полиграфа в деятельность органов государственной власти различного уровня, а также организаций различных форм собственности. Однако закон так и не был принят.

Несмотря на то, что законодательных норм, предусматривающих использование полиграфа нет, он уже продолжительное время используется в правоприменительной практике при расследовании уголовных дел. Знания специалиста-полиграфолога востребованы в работе Министерства внутренних дел, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности и др. правоохранительных органах. Свою эффективность полиграф показал при отработке версий совершения преступления.

Говоря о возможности признания информации, полученной с использованием полиграфа, в качестве доказательства мы неизбежно сталкиваемся с оценкой такого доказательства, как допустимого: полученного в соответствии с действующим

¹ Авторы – Н. М. Букаев, Н. Ю. Волосова.

законодательством, надлежащим лицом, в надлежащем порядке, из надлежащего источника.

Для определения возможности использования знаний полиграфолога в уголовном судопроизводстве следует разобраться с такими вопросами: что из себя представляют профессиональные знания полиграфолога и в какой области, а также можно ли рассматривать проведенное им исследование в качестве такого доказательства, как экспертиза в уголовном процессе?

Существует ли в Российской Федерации оценка профессиональных знаний полиграфолога и специальные требования к его подготовке? Ответ положительный. Начиная с 2000 года очень осторожно к этому вопросу стали подходить образовательные учреждения. 9 октября 2000 г., в соответствии с распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации и Министерством образования Российской Федерации № 289 / 1048–35, были разработаны Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов» («специалист по ИПФО»). Данные требования были утверждены Министерством образования РФ 4 июля 2001 г. № ГТ ППК 02/39. Их целью были также введение и осуществление единой государственной политики в области профессиональной переподготовки специалистов указанной квалификации [1].

Дополнительная квалификация «специалист по ИПФО» присуждается лицам, достигшим 22-летнего возраста, имеющим высшее профессиональное образование по естественно-научным, инженерно-техническим, гуманитарным направлениям и специальностям, при условии успешного освоения дополнительной профессиональной образовательной программы для получения указанной дополнительной квалификации, включая прохождение итоговой государственной аттестации [1].

Однако этим распоряжением не ограничились. 5 марта 2004 года Министерством образования были утверждены Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа» (ГТППК-34/36) [2].

В соответствии с данными государственными требованиями целью изучения программы является подготовка лиц к профессиональной деятельности в качестве экспертов-полиграфологов

за счет приобретения ими знаний в области теории и практики судебно-психофизиологической экспертизы, а также навыков и умений по производству психофизиологического исследования с использованием полиграфа. Лицо, получившее дополнительную квалификацию «судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа», может осуществлять такие виды профессиональной деятельности: экспертную, консультационную, научно-исследовательскую, организационно-управленческую, профилактическую. В свою очередь, сфера профессиональной деятельности эксперта-полиграфолога распространяется на государственные судебно-экспертные учреждения, негосударственные экспертные учреждения, а также иные предприятия и организации (либо их структурные подразделения), осуществляющие указанные виды деятельности в пределах своих полномочий, установленных законодательством Российской Федерации [2].

Анализ данных требований к полиграфологу по уровню его подготовки и полученных им знаний позволяет констатировать, что он является экспертом в своей области знаний – психофизиологии, которые позволяют ему провести исследования и сделать определенные выводы в соответствии с полученной квалификацией.

Экспертиза служит одним из видов доказательств. Для ее проведения необходимы специальные знания. Такие знания выходят за рамки общего образования и жизненного опыта; ими владеет относительно узкий круг людей. Специальные знания – это результат специальной подготовки и профессиональных навыков [4, с. 23].

Некоторые авторы экспертизу, проводимую экспертом-полиграфологом, приравнивают к судебно-медицинской экспертизе [4, с. 23]. Но так ли это на самом деле? Главным требованием, которое предъявляется к судебно-медицинскому эксперту, является наличие высшего профессионального медицинского образования. Данные требования содержатся в ст. 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Исходя из анализа утвержденных стандартов подготовки полиграфологов они могут иметь и не медицинское образование. Поэтому если рассматривать их деятельность с точки зрения требований к подготовке, то судебно-медицинскими экспертами они быть не могут, а значит, и проводить судебно-медицинскую

экспертизу не имеют права. Системный анализ действующего законодательства позволяет предположить, что это совершенно новый вид экспертизы, который проводится уникальным специалистом – полиграфологом. Методика ее проведения несколько отличается от стандартных исследований, проводимых судебными медиками. Поэтому мы не разделяем мнение тех юристов, которые исследования полиграфолога считают одной из разновидностей судебно-медицинской экспертизы.

Рассматривая проблему отнесения экспертизы, проведенной полиграфологом, к определенному классу или виду, Я.В. Комиссарова и В.И. Комиссаров справедливо отмечают, что «учитывая современный уровень знаний в области физиологии, психологии и нейрофизиологии, с научно-практической точки зрения было бы корректно дополнить вышеуказанный класс экспертиз собственно психофизиологической экспертизой, базирующейся на использовании психофизиологического метода детекции лжи и направленной на решение диагностических задач» [3, с. 399–407].

Ф.К. Свободный отмечает, что в отношении судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа было бы корректнее говорить не о новом классе судебных экспертиз, а о новом виде экспертизы, относящейся по своей сущности, объекту, предмету и методам к классу судебных психологических экспертиз [5, с. 163–168].

Думается, что предпочтительнее называть данный вид экспертных исследований *психофизиологической экспертизой* с применением (использованием) полиграфа. Это отражает не только особые методы ее проведения, но и специальный инструментарий, который используется для ее проведения и существенно отличающийся от иных инструментов, применяемых при проведении других экспертиз.

Однако в России к вопросу использования полиграфа относятся с большей осторожностью. Критике подвергается валидность применяемых методик при полиграфическом исследовании, что подвергает сомнению достоверность полученных результатов. Существование значительных различий в методиках серьезно влияет на получаемые результаты. Исследования по одной методике не могут быть обобщены и использованы для других. Кроме того, различия между методами настолько значительны, что результаты исследований по одной методике в одном приложении не обязательно могут быть экстраполированы на другие приложения.

Это является основным возражением в использовании полиграфа в качестве инструмента, применяемого в процессе доказывания по уголовному делу, и ставит под сомнение научную обоснованность самого процесса тестирования.

Именно процент погрешности заставляет задуматься о том, возможно ли использовать полиграф в процессе расследования уголовного дела, когда речь идет о привлечении лица к уголовной ответственности; насколько безопасно при таком исследовании будут соблюдены права и свободы человека, вовлекаемого в процесс расследования. Ответов на поставленные вопросы ни законодатель, ни правоприменительная практика пока не дают.

Проблема заключается в том, что основная теория тестирования на полиграфе лишь частично разработана и исследована. К наиболее устоявшейся и общепринятой теории в настоящее время относят теорию измерения физиологической реакции, которая основана на том, что страх разоблачения вызывает измеримую физиологическую реакцию, когда отвечая человек обманывает. Согласно этой теории полиграф измеряет страх разоблачения, а не обман как таковой. Полиграфолог лишь делает вывод об обмане, когда физиологическая реакция на вопросы о преступлении очевидна. Однако эта теория была оспорена некоторыми психологами и другими исследователями, которые считают, что различные факторы – например, уровень интеллекта испытуемого, психологическое здоровье, эмоциональная стабильность и вера в «машину» – могут, по крайней мере теоретически, влиять на физиологическую реакцию.

Нужна более сильная теоретическая база для всего спектра применения полиграфа. Базовые исследования на полиграфе должны учитывать последние разработки в области психологии, физиологии, психиатрии, нейробиологии и медицины; сравнительные методы. Эту проблему необходимо решать, используя межотраслевой подход и привлекая специалистов из разных областей знаний.

Самым болезненным вопросом при использовании полиграфа является соблюдение прав и свобод участников процесса. Полагаем, что проведение такого исследования в процессе производства по уголовному делу может быть только на добровольной основе. Это вытекает из положений ст. 51 Конституции РФ – никто не обязан свидетельствовать против самого себя, супруга (супруги) и близких родственников, круг которых определен действующим законодательством. Любое принуждение нужно рассматривать как основание для признания такого заключения недопустимым,

недопустимым следует признавать такое доказательство и в том случае, если лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, участники процесса вводятся в заблуждение относительно сути данного исследования, последствий для рассмотрения уголовного дела и т. п.

Подводя итог отметим, что если целью психофизиологической экспертизы с использованием (применением) полиграфа является проверка достоверности показаний подозреваемого (обвиняемого), свидетелей и других участников процесса для установления истинных обстоятельств совершения преступления, то выводы эксперта могут рассматриваться как отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном судопроизводстве.

Список использованных источников

1. Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов»: 4 июля 2001 г. № ГТ ППК 02/39. [Электронный ресурс]. –<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=311035#08286291610464436>

2. Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа» (ГТППК-34/36). [Электронный ресурс]. –<http://docs.cntd.ru/document/90201874>

3. Комиссаров В.И., Комиссарова Я.В. Проблемы становления психофизиологической экспертизы // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы Междунар. науч. конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). – М.: Академия управления МВД РФ, 2002.

4. Леонтьева Н.Л. Полиграф как источник доказательств по уголовному делу // Правовая психология. – 2011. – № 2.

5. Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа как новый вид судебной психологической экспертизы // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2011. – № 1.

4.2. Защита личных прав при использовании электронной информации в расследовании преступлений¹

В условиях глобализации и появления новых мировых угроз, в том числе международного терроризма, в интересах национальной безопасности большинство современных государств ограничивают одно из неотъемлемых прав человека – право на неприкосновенность частной жизни. В этих целях принимаются нормативно-правовые акты, содержащие нормы, регулирующие вмешательство в личную жизнь человека.

Цифровая информация, хранящаяся в различных электронных устройствах, а также способы передачи ее по каналам электро-связи разнообразны и могут быть использованы как в законных, так и незаконных целях, например, для подготовки и организации преступлений, в том числе торговли наркотиками, оружием, совершения терактов, распространения детской порнографии.

Современную жизнь сложно себе представить без сотовых телефонов, смартфонов, компьютеров, социальных сетей (Фейсбук, ВКонтакте, Инстаграм, Одноклассники и т. д.), мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram и др.), электронной почты и пр. С развитием новых технологий государство и общество сталкиваются с дилеммой поиска баланса: с одной стороны, необходимости защиты цифровой информации от противоправных посягательств, ее сохранности, а с другой – упрощения процедуры получения цифровой информации правоохранительными органами в целях предотвращения и расследования преступлений.

В Постановлении Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Шенк против Швейцарии» указано, что необходимо соотносить находящиеся в конфликте интересы – публичный интерес к установлению истины по делу и частный интерес в сохранении конфиденциальности телефонных переговоров. ЕСПЧ признал допустимым императивное ограничение права на тайну телефонных переговоров, основанное на конфликте интересов: интереса публичного (например в случае предотвращения убийства) и интереса частного (неприкосновенность личной корреспонденции).

¹ Авторы – Л. В. Майорова, Я. М. Плошкина.

Не является исключением и законодательство России. Принятие нормативных актов, связанных с ограничением личных прав, вызывает большие дискуссии в обществе.

Поэтому в июле 2016 года в России приняты два Федеральных закона (Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (далее – Закон № 374-ФЗ) и Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности») в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности. В СМИ законы получили название «законы Яровой» по фамилии депутата Государственной Думы ФС РФ, внесшей данные законопроекты.

Законы предусматривают расширение полномочий правоохранительных органов, которые получили возможность истребовать информацию у операторов сотовой связи (записи телефонных разговоров, смс-сообщения и т. п.) в рамках рассмотрения сообщений о преступлениях (ст. 2, 3, 4 Закона № 374-ФЗ).

Кроме того, были внесены изменения в телекоммуникационную область – операторы сотовой связи обязаны создавать базы данных, хранить на них записи телефонных разговоров и смс-сообщений пользователей в специально созданных для этого дата-центрах и передавать данную информацию в силовые структуры по первому требованию. Организатор распространения информации в сети интернет обязан хранить на территории РФ информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети интернет и информацию об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий. А с 1 октября 2018 года операторы связи обязаны хранить в течение 30 суток текстовые, голосовые, видео- и другие сообщения пользователей. Далее оператор обязан увеличивать объем хранения на 15 процентов в год.

Цель «законов Яровой» заключается в обеспечении сохранности цифровой информации, а также упрощения возможности

ее получения в рамках оперативно-розыскных и следственных мероприятий. Однако вместе с тем остро стоит проблема защиты личных прав граждан именно на стадии возбуждения уголовного дела, особенно при проверке правоохранительными органами сообщения о преступлении.

В силу ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении еще до возбуждения уголовного дела дознаватель и следователь вправе получать объяснения, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, освидетельствование, требовать производства исследований документов, предметов, а также производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, привлекать к участию в этих действиях специалистов.

В связи с этим возникают вопросы: в каком порядке проводить осмотр предметов, в том числе электронных устройств, например сотового телефона, планшета, требуется ли получение судебного разрешения на их осмотр? Нет ли здесь вмешательства со стороны правоохранительных органов в основные права человека? Ведь в настоящее время содержащаяся на электронных устройствах разнообразная информация фактически отображает микромир владельца данных устройств. Осматривая, к примеру, сотовый телефон, планшет или смартфон, можно не только увидеть входящие и исходящие звонки, адресатов, ознакомиться с смс-сообщениями, но и узнать содержимое электронной почты, мессенджеров, социальных сетей, которыми пользуется лицо.

С одной стороны, согласно ст. 176, 177 УПК РФ осмотр места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела и для его проведения не требуется получение судебного разрешения, исключением является осмотр жилища, который производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если для производства такого осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, то предметы, могущие иметь отношение к уголовному делу, должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя на месте осмотра.

С другой стороны, согласно ст. 23 и 24 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых,

телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Соответствующие положения закреплены в УПК РФ. В частности, такие следственные действия, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ), контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) проводятся только на основании судебного решения. Кроме того, согласно ч. 7 ст. 185 УПК РФ при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка.

Вместе с тем информация, хранящаяся в электронных устройствах, в частности телефоне, смартфоне, может быть не только в форме сообщения, но и в форме видео-, аудиозаписи, фотографии и др., которые не направлялись и не принимались в качестве сообщения, а хранились в электронном устройстве. В связи с этим не ясно, нужно ли получать разрешение суда на осмотр, например, сотового телефона, смартфона? Кроме того, все эти следственные действия возможны только после возбуждения уголовного дела. А как же быть с осмотром электронных устройств, например сотового телефона, планшета, еще до возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении? Требуется ли получать судебное разрешение? На сегодняшний день вопросов много, к тому же имеется неоднозначная российская судебная практика.

В связи с этим интересна позиция Конституционного суда РФ, который считает, что «проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные

процессуальные решения и следственные действия в судебном порядке» (Определение Конституционного суда РФ от 25.01.2018 № 189-О).

Аналогичную позицию Конституционный суд РФ занял и в другом решении. В ходе предварительного следствия производился осмотр изъятого в ходе обыска сотового телефона, в том числе на предмет наличия в нем сведений о телефонных соединениях, входящих и исходящих сообщениях, а также осмотр распечатанных сведений о телефонных соединениях с данного телефона. Составленные следователем протоколы осмотра предметов и документов были исследованы в судебном заседании и положены в основу вынесенного по уголовному делу обвинительного приговора. По мнению гражданина, ст. 176 и 177 УПК РФ, регулирующие производство осмотра, не соответствуют ст. 23 и 24 Конституции РФ, поскольку не предусматривают необходимость получения судебного разрешения в случае производства осмотра предметов и документов, которые содержат или могут содержать информацию о переписке, телефонных переговорах, почтовых, телеграфных и иных сообщениях. Конституционный суд РФ возразил: «Как следует из представленных заявителем материалов, в ходе осмотра принадлежащего гражданину сотового телефона он сообщил установленный на нем пароль, выразил готовность представить распечатку телефонных соединений с используемого им номера, не возражал против исследования имеющихся в телефоне сообщений и сведений о телефонных соединениях. Таким образом, нет оснований полагать, что оспариваемыми законоположениями были нарушены конституционные права заявителя, перечисленные в жалобе, в его конкретном деле» (Определение Конституционного суда РФ от 28.02.2017 № 338-О).

Однако российская судебная практика по данному вопросу неоднозначная. Вместе с тем многие российские суды признают допустимым и законным осмотр таких электронных устройств, как сотового телефона, планшета, смартфона без судебного решения, несмотря на разнообразную по своему характеру информацию, содержащуюся в данных электронных устройствах (например переписка, телефонные, электронные сообщения и пр.).

Считаем, что при решении вопроса о необходимости получения судебного решения при осмотре различных электронных устройств необходимо исходить из ст. 23 Конституции РФ и международных норм, гарантирующих защиту тайны личной

жизни, требующих разрешения на любые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые могут ее нарушить. Аналогичную позицию разделяют не только ученые, но и практики [1, с. 125–131; 2, с. 58–60].

Следующая проблема – это направленность российского законодателя на документирование в письменном виде как основной способ фиксации доказательственной информации без учета информатизации и компьютеризации общества, когда информация о человеке, процессах и явлениях зафиксирована не столько в письменном виде, сколько на любых электронных носителях информации. В связи с этим возникает необходимость оптимизации деятельности по сбору доказательств в электронной форме.

Так, в российском УПК не используется такой термин, как «электронное доказательство», а употребляется понятие «электронный носитель информации», тем самым акцент делается на носителе информации. Вместе с тем понятие электронных доказательств значительно шире, чем «электронный носитель информации», поскольку главное в электронном доказательстве – информация, а ее носитель значения не имеет.

Части 1 и 4 ст. 166 УПК РФ обязывают следователя или дознавателя составлять протокол следственного действия в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания. Согласно ч. 4 ст. 166 УПК РФ в протоколе должны быть описаны процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, т. е. данное положение фактически обязывает следователя или дознавателя переписывать уже «написанное» – зафиксированное в электронном виде, даже переписывать увиденное в видеозаписях. Составление протокола, когда требуется осматривать и описывать гигабайты информации, становится не просто трудоемким, а просто обременительным занятием. Кроме того, распечатка, например многочисленных электронных сообщений, переписки и приобщение в качестве доказательств к материалам уголовного дела увеличивают объем материалов уголовного дела иногда даже до нескольких томов. В связи с этим возникает настоятельная необходимость оптимизировать деятельность по собиранию доказательств в электронной форме.

Достаточно распространена такая позиция: основным направлением оптимизации уголовного судопроизводства в условиях информационного общества является создание электронного

документооборота и электронного правосудия [3, с. 95–101]. Целесообразно, учитывая сложности и трудности с собиранием и описанием объемных электронных доказательств в настоящее время, определиться с оптимизацией в этом направлении. Можно выделить различные варианты решения данной проблемы.

Согласно одной точке зрения УПК РФ необходимо дополнить новым видом доказательств «электронным» и предусмотреть особенности его собирания, проверки и пр. Другие ученые не выступают за кардинальные изменения УПК РФ. С целью оптимизации процесса приобщения доказательственной электронной информации предлагают вводить ее в уголовный процесс в качестве таких традиционных видов доказательств, как вещественные доказательства или иные документы, но с учетом особенностей электронных доказательств.

Выделение иных документов (ст. 84 УПК РФ) в качестве самостоятельного вида доказательств и сам термин «иные» по отношению к документам указывают на то, что в отличие от других документов-доказательств, предусмотренных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, иные документы могут быть подготовлены субъектами, не являющимися участниками уголовного судопроизводства и, таким образом, изготавливаются вне рамок производства по уголовному делу и поступают в дело «извне». К иным документам относят разного рода справки, характеристики, акты документальных проверок, доверенности, расписки, завещания, частные и служебные письма и пр. Российский законодатель в ст. 84 УПК РФ указывает, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ. Документы, обладающие признаками, указанными в части первой ст. 81 УПК РФ, признаются вещественными доказательствами.

По мнению ряда ученых, электронную информацию необходимо признавать в качестве вещественного доказательства [4; 5]. Как электронные вещественные доказательства могут выступать не только материальные носители электронной информации, но и сама электронная информация, ставшая результатом преступного действия, сгенерированная в информационной среде как след преступления. Электронная информация обладает определенными признаками вещественного доказательства. Она создана

в материальной среде, где накапливается, архивируется и хранится, где ее можно просмотреть и исследовать. Материальная среда хранения электронной информации реально существует, имеет свой специфический вид, обладателя, свои электронные носители, название, назначение. Компьютерную информацию можно измерить через специфические средства измерения – байты [4].

Считаем, что если признать электронную информацию вещественным доказательством, то ее изъятие и оформление возможны посредством запросов, протоколами выемки, обыска. Главное то, что не нужно будет составлять протокол с подробным описанием, и тем более переписывать эту информацию.

Для объективизации процесса изъятия и полученного результата следователь может сделать и, как правило, делает скриншоты (фотографии монитора компьютера) этой информации и в соответствии с ч. 8 ст. 166 УПК РФ приобщает их к протоколу. В настоящее время приложения к протоколу стали намного информативнее самого протокола. Кроме того, электронные носители информации, полученные или скопированные с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия, могут храниться в электронном виде (ст. 82 УПК РФ).

Но даже скриншоты требуют дополнительных расходов и времени на бумагу и распечатывание. На наш взгляд, заслуживает внимания позиция ряда ученых, например профессора П. С. Пастухова, о создании виртуальной комнаты хранения цифровой информации. Так, ученые считают возможным и необходимым руководствоваться ч. 2 ст. 82 УПК РФ и предусмотреть хранение электронных доказательств в электронном виде, а не распечатывать их в виде приложений к протоколу [4]. К материалам уголовного дела приобщается документ о месте нахождения такого вещественного доказательства в электронном виде. Предлагается трактовать ст. 82 УПК РФ (хранение вещественных доказательств) несколько шире, а электронную информацию нужно размещать в «виртуальной комнате хранения вещественных доказательств». Если в настоящее время следователь может сдавать все физические (материальные) предметы и иные объекты, признанные вещественными доказательствами, на хранение в специальные подразделения органа расследования, то почему бы по аналогии цифровую информацию не размещать в специальной комнате хранения – виртуальной комнате хранения цифровой информации? Пусть это будет промежуточный вариант, но он не требует

финансовых вложений, может быть внедрен в уголовный процесс здесь и сейчас.

Следует разрешить хранение информации в электронном виде при уголовном деле, например в файлах сначала компьютера следователя, дознавателя, затем в специальной «виртуальной комнате хранения цифровой информации», а перспективным вариантом будет создание ведомственной сети с последующей передачей электронной информации в суд по сети. В перспективе необходимо создать межведомственную сеть между правоохранительными органами и судом для беспрепятственного накопления, хранения, просмотра, использования и исследования в суде электронной информации, представляющей значительные размеры. При этом надо помнить, что проверяемость (верифицируемость) является основополагающим свойством доказательства, содержащего электронную информацию. В отношении информации, составляющей содержание электронных доказательств, всегда должна существовать возможность ее идентификации и аутентификации, т. е. проверки целостности и неизменности информации на электронном носителе. Каждая сторона обязана предоставить суду информацию о происхождении своих доказательств, если в этом возникает необходимость. Поэтому институт допустимости в свете доказательств, содержащих электронную информацию, должен быть пересмотрен путем отказа от ее следственных гарантий в пользу технических гарантий верифицируемости и полезности доказательства [4].

Таким образом, документированию в письменном виде как несовершенному способу фиксации доказательственной информации жизнь предлагает альтернативу в виде электронного документа – видео- или аудиозаписи в цифровом формате, передаваемой суду через телекоммуникационные сети в виде файла или на переносном электронном носителе информации. Любой способ документирования допустим, если он обеспечивает надежность сохранения и передачи доказательственной информации.

Отметим, что российский законодатель сделал шаг в этом направлении. В ст. 474.1 УПК, которая появилась в УПК РФ в июне 2016, установлена возможность представлять процессуальные документы не только типографским, но и электронным или иным способом. Данная статья УПК РФ предусматривает порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Она предоставляет участникам судопроизводства право направлять в суд ходатайства, заявления, жалобы, представления

и прилагаемые к ним документы в электронном виде посредством заполнения специальной формы на официальном сайте суда. Такой документ надо скреплять электронной подписью. Хотя акцент в статье сделан на представлении ходатайств, заявлений, жалоб в суд, некоторые ученые считают, что также закреплена возможность представлять в суд письменные доказательства в виде электронного документа, подписанного электронной подписью. Такая возможность исходит из положений данной статьи, где говорится, что материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов.

Кроме того, согласно ч. 2 и 3 ст. 474.1 УПК РФ судебное решение, за рядом исключений (решения, содержащего сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающие безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, решения по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности) может быть изготовлено в форме электронного документа, который судья подписывает усиленной квалифицированной электронной подписью. При изготовлении судебного решения в форме электронного документа дополнительно изготавливается экземпляр судебного решения на бумажном носителе. Копия судебного решения, изготовленная в форме электронного документа, заверенная усиленной квалифицированной электронной подписью, по просьбе либо с согласия участника уголовного судопроизводства может быть направлена ему с использованием информационно-телекоммуникационной сети интернет.

Таким образом, устанавливаемый в ст. 474.1 УПК РФ порядок собирания доказательств в электронной форме является важным и необходимым в современном информационном обществе. Это новшество – очередной этап на пути модернизации и оптимизации уголовно-процессуального доказывания. Перспективой такого развития должно стать формирование электронного уголовного дела уже на досудебных стадиях. Но путь к электронному документообороту в уголовном судопроизводстве уже открыт. Вместе с тем следует учитывать рекомендации ЕСПЧ к свойствам нормативных актов, когда возможно ограничение личных прав. Нормативный акт должен отвечать «насущной потребности государства или общества», преследовать законные цели, а также быть соразмерным этим целям. Дополнительно ЕСПЧ применяет критерий «уместности в демократическом обществе». Он оценивает «качество закона»:

закон должен быть доступным, предсказуемым, с ясностью указывать объем полномочий, передаваемых компетентным органам, и способ их использования, чтобы обеспечить лицу адекватную защиту от произвольного вмешательства.

Список использованных источников

1. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Выемка и осмотр электронных устройств // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 125–131.
2. Зуев С.В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Законность. – 2018. – № 4. – С. 58–60.
3. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95–101.
4. Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Сборник научных статей седьмого Пермского конгресса ученых-юристов (18–19 ноября 2016 года, г. Пермь) / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2017. – 592 с.
5. Смахтин Е.В. Цифровые технологии и криминалистика: некоторые проблемные аспекты // Российский юридический журнал. – 2018.

4.3. Техничко-криминалистические возможности исследования реквизитов документов, изготовленных на печатающих устройствах¹

Документы, на которых предполагается обязательное расположение оттисков печатей и штампов, имеют существенное значение для регулирования правоотношений, возникающих в различных отраслях экономики. К сферам таких правоотношений в первую очередь относится финансовая документация предприятий, организаций и учреждений, документы, государственных органов,

¹ Авторы – В.Б. Стукалин, И.В. Стукалин.

а также структур, выполняющих контрольно-надзорные функции, и т. д. Использование преступниками поддельных документов, связанных с экономической деятельностью всего предприятия или его отдельных структурных подразделений, осуществлением отдельных видов работ, операций, действиями предприятий-контрагентов, не является новой проблемой в расследовании преступлений экономической направленности. Решение вопросов всегда связывалось с необходимостью привлечения лиц, обладающих специальными знаниями.

Необходимость проведения в ходе расследования экономических преступлений различных исследований, относимых учёными-криминалистами к отрасли технико-криминалистического исследования документов, не вызывает сомнений. Обстоятельства конкретного преступления могут обусловить необходимость проведения исследования рукописных текстов (в последнее время это всё чаще подписи) [5], материалов, на которых исполнен текст, текстов и листов бумаги с целью установления печатающего устройства [2] и т. д. Представляется, что наиболее значимой частью технико-криминалистического исследования документов будет исследование оттисков печатей и штампов, которые служат одним из основных и обязательных реквизитов официальных документов, и несут удостоверительную функцию.

Отметим, что повышенная значимость (важность) документов, удостоверенных печатью или штампом для экономической деятельности, определяет неослабываемое внимание преступников к совершенствованию имеющихся и разработке новых способов имитации оригинальных оттисков печатных форм. Способов имитации существует большое множество, и их число постоянно увеличивается.

В криминалистической литературе отмечается, что сами печатные формы могут изготавливаться, а оттиски – имитироваться такими способами, как:

- рисовка на документе;
- копирование при помощи копировально-множительных устройств;
- изготовление самодельного клише;
- сборка печатной формы из частей подлинных клише, внешне схожих с имитируемыми печатными формами.

Вопросами исследования поддельных оттисков печатей и штампов занимаются многие ученые, в том числе М. В. Бобовкин [1], В. Е. Ляпичев [6], А. В. Ефименко [4] и др.

В настоящее время наибольшее распространение получили способы подделки оттисков печатей и штампов с помощью капельно-струйных и электрофотографических печатных устройств. Объясняется это тем, что изображения оттисков получаются в высокой степени схожими с оригинальными оттисками и могут быть изготовлены в очень короткое время. Также, помимо оттисков печатей и штампов, названным способом часто имитируют подписи и факсимильные оттиски.

Одна из задач технико-криминалистической экспертизы документов – определение способа нанесения спорного оттиска на документ. По результатам проведённого экспертного исследования в ходе расследования доказывалось использование преступниками поддельных документов при совершении преступления. При проведении исследования спорных оттисков на любых документах, в том числе связанных и с финансово-экономической деятельностью предприятия, эксперту необходимо иметь представление о процессе их нанесения. Данный процесс можно разделить на стадии – это допечатная подготовка и непосредственно процесс печати.

В процессе допечатной подготовки преступникам необходимо сформировать изображение будущего оттиска в электронном виде. Для этой цели применяются такие способы:

- сканирование оригинального оттиска при помощи соответствующей техники с последующей его электронной обработкой;
- создание изображения оттиска при помощи средств графической обработки изображения (графические редакторы типа Photoshop, Coral Draw и т. д.);
- сочетание названных выше способов [4, с. 79–80].

Для первого способа преступникам необходимо иметь документ с подлинным оттиском печати или штампа. Для этого преступники совершают хищения документов с имеющимися оттисками печатей и штампов, организывают похищения печатей или штампов, нередко внедряя в организацию участника преступной группы. Предпочтительным является хищение документа, поскольку это не влечёт за собой изменения уже имеющихся печатей и штампов. В тех случаях, когда похищается документ с печатью или штампом, документ сканируют при помощи специального устройства, затем изображение документа редактируют в графическом редакторе, где изображение оттиска модифицируют путём изменения параметров яркости и контраста, а затем проводят ретуширование лишних штрихов и т. д.

Второй способ характеризуется созданием электронного макета печати или штампа при помощи специализированных программ. При этом для получения изображения оттиска не требуется иметь подлинный оттиск и сканировать его. Достаточно сформировать форму оттиска, используя имеющиеся компьютерные заготовки, поместить нужный текст, выбрать рисунок, который будет находиться в центре оттиска с помощью программных средств специализированного ПО. Перечисленные действия не требуют больших временных затрат, поскольку достаточно просты и выполняются по большей части самой компьютерной программой. Зачастую для формирования изображения оттиска преступниками используется образец оттиска с изменением данных, содержащихся в нем.

Говоря про процесс печати, необходимо сказать, что распространение печатающих устройств с функцией цветной печати повлияло на увеличение случаев нанесения поддельных оттисков и иных реквизитов на документы.

Как известно, принцип работы электрофотографических печатающих устройств основан на формировании скрытого изображения на поверхности материала в результате различного заряда соседних участков бумаги. Происходит это за счёт проецирования изображения оригинала на материал документа через оптическую систему печатающего устройства. Те участки, которые освещались оптической системой, получают нейтральный заряд, а неосвещенные участки – положительный. Совокупность положительно заряженных участков образует собой скрытое изображение. Далее на поверхность бумаги наносят мелкодисперсный окрашенный порошок (тонер), который прилипает к положительно заряженным участкам в силу того, что имеет отрицательный заряд, и закрепляется путем его запекания при прокатывании через нагретые валики устройства.

Несмотря на простоту и доступность электрофотографического способа нанесения изображения, преступниками чаще используются капельно-струйные печатающие устройства ввиду более высокого качества печати. За счёт поступления сигнала на головку после цифровой обработки и импульсного способа подачи чернил в сопла, изображения, выполненные капельно-струйным способом, отличаются высоким разрешением (свыше 1440x720 точек на дюйм). Кроме того, в таких устройствах красящим веществом выступают чернила на водной или спиртовой основе, которые в виде

мельчайших капель внедряются в поверхность бумаги и закрепляются в ней после высыхания, что придает изображению оттиска довольно высокое визуальное сходство с оригиналом. Ещё одним аспектом, определяющим выбор преступниками данных печатных устройств, является их относительно невысокая цена.

Но несмотря на все ухищрения преступников, создать абсолютно неотличимые от оригинала оттиски печатей и штампов как необходимый реквизит конкретного документа невозможно. Все перечисленные способы будут иметь свою индивидуальную совокупность признаков, по которым возможно идентифицировать способ нанесения изображения. Также данные способы оказывают существенное влияние и на качество воспроизводимого оттиска в силу того, что они отличаются от способа нанесения оригинала.

Для определения способа нанесения оттиска печати или штампа на документ достаточно воспользоваться увеличительным прибором, с помощью которого можно обнаружить различия морфологических признаков между оттиском формы высокой печати и изображением оттиска, нанесённом электрофотографическим способом или способом капельно-струйной печати.

Приведем морфологические признаки применения электрофотографического способа нанесения оттиска:

- штрихи оттиска имеют характерный блеск и выступают над поверхностью бумаги;
- структура штрихов представлена в виде глыбок тонера желтого, красного и синего (а также чёрного) цветов;
- наличие «точек-марашек» – частичек тонера отдельно от штрихов изображения.

Морфологические признаки применения капельно-струйного способа нанесения оттиска:

- характерный маслянистый блеск штрихов (при использовании твердых чернил – выступание штрихов над поверхностью бумаги);
- растриванная структура штрихов, определяемая совокупностью окрашенных участков (точек), исходя из их размера в рамках растровой ячейки;
- вдоль штрихов имеются микроскопические капли красящего вещества – результат разбрызгивания чернил.

Морфологические признаки оттисков формы высокой печати:

- оттиск не имеет рельефа, либо штрихи находятся в углублениях, образованных печатной формой;

- структура штрихов однородная, красящее вещество распределено равномерно;
- наличие характерного красочного бортика по периметру штрихов [8, с. 18].

Анализируя перечисленные признаки того или иного способа нанесения оттиска печатей и штампов, отметим, что традиционно одним из наиболее ярких признаков нанесения оттиска при помощи печатающего устройства является неоднотонность штрихов (наличие в них нескольких цветов, которые формируют основной цвет штриха). Чтобы это увидеть, достаточно осмотреть представленный документ с помощью микроскопа при небольшом (до 10х) увеличении. Это увеличение также даёт возможность установить способ нанесения изображения оттиска.

Как отмечалось выше, развитие возможностей компьютерной техники, в том числе и связанных с ними печатных устройств, влечёт за собой и совершенствование действий преступников по повышению качества поддельных оттисков и придания им максимального сходства с оригиналом. Некоторые злоумышленники изготавливают изображения оттисков печатей и штампов, используя краситель только одного цвета (обычно – синий или голубой), таким образом решая проблему многотонности штрихов изображения. В экспертной практике встречались случаи нанесения изображения оттиска капельно-струйным устройством, в котором красящим веществом выступала штемпельная краска. Такие «оттиски» довольно трудно отличить от оригинальных ввиду их слишком большого сходства и малого количества морфологических различий.

В заключение представляется необходимым отметить, что, несмотря на огромное количество способов имитации оттисков печатей и штампов, у оригинальных оттисков имеются неповторимые морфологические признаки, которые не поддаются воспроизведению при помощи печатных устройств. Необходимость проведения исследований по установлению способа нанесения изображения оттиска печати либо штампа на документ обуславливается прежде всего тем, что оно позволяет не только определить – оригинальный это оттиск или нет, т. е. получить доказательную информацию, необходимую для принятия процессуальных решений на стадии предварительного расследования либо вынесения судебного решения, но и получить важную оперативно-розыскную информацию по делу, позволяющую

планировать перечень мероприятий как в рамках выявления экономических преступлений, так и при проведении мероприятий по проверке сообщений о преступлении.

Список использованных источников

1. Бобовкин М. В., Проткин А. А. Криминалистическое исследование документов: учеб. пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2014. – 216 с.

2. Диденко О. А. Совершенствование теории и практики многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. – Волгоград, 2015. – 227 с.

3. Досова А. В. Теоретические и практические особенности комплексного криминалистического исследования документов с измененными реквизитами: дис. ... канд. юрид. наук / Волгоградская академия МВД РФ. – Волгоград, 2014. – 233 с.

4. Ефименко А. В. Исследование имитированных оттисков печатей и штампов // Информационная безопасность регионов: научно-практический журнал. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 2010. – № 1 (6). – С. 79-84.

5. Кашманов П. М., Кашманов М. П. Использование разработок признаков почерка в процессе идентификационного экспертно-криминалистического исследования рукописей // Эксперт-криминалист. – М.: Юрист. – 2007. – № 2. – С. 17–20.

6. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник. Т. 38 / под ред. В. Е. Ляпичева, Н. Н. Шведовой. – Волгоград: ВА МВД России, 2005. – 268 с.

7. Сай И. С. Алгоритмическое и программное обеспечение для распознавания и идентификации изображения оттиска печати: дис. ... канд. техн. наук. – Хабаровск, 2011. – 124 с.

8. Сафроненко Т. И., Сосёнушкина М. Н., Белоусов Г. Г. Криминалистическое исследование удостоверительных печатных форм (печатей и штампов), изготовленных по новым технологиям: метод. рекомендации. – М.: ЭКЦ МВД России, 1999. – 40 с.

Глава 5

**Криминалистические методики
и технологии
в процессе установления
личности человека**

**5.1. Профилирование в современной методике
расследования преступлений¹**

Единого определения процесса и природы профилирования не существует, и это вероятно связано с зарубежной традицией прибегать к точным формулировкам, как правило, в крайнем случае. Так, «родоначальник» идеи профилирования Р. Ресслер определял его как «процесс идентификации всех психологических характеристик индивидуума, составляющий общее описание личности, основанный на анализе совершенных им преступлений».

Объективной составляющей отрицания ценности профилирования выступает факт объединения в рамках понятия «профилирование» совершенно разных методик построения психологического профиля неизвестного преступника, базирующихся на анализе следов преступления в узком и широком смысле. Неудивительно, если методики разные, то и познавательная, и прикладная ценность у них разная и нельзя судить об одной методике, рассуждая о недостатках другой, что происходит очень часто.

¹ Авторы – Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина.

Методики профилирования можно разделить на две группы:

- 1) индуктивные методики профилирования (криминологическое профилирование, диагностическое профилирование);
- 2) дедуктивные (криминалистическое профилирование – анализ сцены преступления, географическое профилирование).

Напомним, что логически неправильно судить о ценности профилирования неизвестного преступника в целом исходя из недостатков отдельных методик. Кратко рассмотрим каждую из этих методик профилирования и дадим ей оценку.

Криминологическое профилирование – это построение поисковой модели неизвестного преступника исходя из имеющейся информации о личностных и иных характеристиках преступников схожего типа. «По существу, этот процесс базируется на исходных статистических данных из других аналогичных преступлений, в которых составлялся профиль преступника и / или жертв преступления. Рассуждения и обоснование решения в индуктивном профиле происходят исходя из случаев за пределами профилируемого в данный момент случая» [7, с. 72]. Сторонники криминологического профилирования полагают, что использование научных методов в практической полицейской работе всегда будет трудной задачей, если в своих рассуждениях детективы будут полагаться на информацию об единичном (расследуемом) преступлении [3, с. 1089].

Традиционно криминологическое профилирование как наиболее характерный пример индуктивного познания связан с такой формой организации расследования, как научный стиль расследования, который традиционно противопоставляется творческому стилю. Считается, что научный стиль расследования оптимален для подавляющего большинства специалистов в области раскрытия и расследования преступлений, опирающихся на известные статистически подтвержденные закономерности в преступной деятельности [7, с. 9].

Наиболее успешным примером криминологического профилирования выступает расследование преступлений, совершенных Д. Даффи. Напомним, что сформированность подозрений в отношении причастности данной личности к серии убийств произошла после того, как компьютерная программа, включающая обобщенные признаки асоциального поведения из пяти тысяч подозреваемых, включила Д. Даффи в число наиболее вероятно причастных к серии расследуемых преступлений.

Однако насколько же эффективно использование криминологического профилирования при расследовании рассматриваемых нами преступлений? На наш взгляд, крайне неэффективно. Статистически обобщенному образу нельзя доверять по ряду причин.

- До сих пор не существует единого понятия «серийный преступник». Современное понятие серийного преступника напоминает порой мусорную корзину, куда различные авторы стремятся отнести ту или иную группу преступников, чтобы продемонстрировать повышенную общественную опасность исследуемых преступлений. Появляются такие абсурдные группы, как «серийные грабители», «серийные воры» и пр.

- Даже в рамках понятийного пространства «серийный преступник» четко выделяются обособленные отдельные группы, несхожие друг с другом, что еще больше ставит под сомнение ценность обобщенного статистического портрета серийного преступника.

- Именно феномен высокой латентности характеризует группу серийных преступлений. Напомним, что феномен латентности части преступлений выступает указанием на неполную индукцию применительно к исследованию преступлений. Обобщение в неполной индукции всегда носит вероятностный характер, что обесценивает научную состоятельность индукции как основы криминологического профилирования. Индуктивные умозаключения по личности «бытового» убийцы в силу высокой степени раскрываемости и, следовательно, статистической достоверности характеризуются высокой научностью. Индуктивные умозаключения по личности серийного убийцы в силу низкой степени раскрываемости и, значит, статистической недостоверности характеризуются низкой научностью. Сказанное можно отнести к «объективной» латентности, вытекающей из природы серийных преступлений.

- Латентность, которую можно охарактеризовать как «субъективную», вытекающую из особенностей расследования серийных преступлений, также предопределяет факт неполноты индуктивного умозаключения. Речь идет о том, что некоторые руководители правоохранительных органов боятся объединять в одно производство эпизоды серии, поскольку именно расследование таких преступлений министерское или комитетское руководство склонно брать под свой контроль.

Остается открытым вопрос: мешает ли производству индуктивного умозаключения выраженная уникальность лиц, совершающих серийные преступления, их психопатическая природа и сомнительная психологическая адекватность?

Учитывая все сказанное, неудивительно, что подавляющее большинство исследователей полагает, что «профиль должен быть основан на деталях конкретного инцидента, а не на статистических индуктивных методах» [7, с. 79]. То есть на практике криминологическое профилирование свою ценность массово не подтвердило.

Диагностическое профилирование – это построение поисковой модели неизвестного преступника исходя из имеющейся у специалиста информации о личностных и иных отклонениях лиц с характерными диагностическими заболеваниями. В диагностическом профилировании профайлер пытается использовать свой клинический опыт и суждения для понимания мотивации действий правонарушителя. Традиционно диагностическим профилированием занимаются специалисты-психиатры, имеющие значительный практический опыт.

В основе диагностического профилирования лежит индуктивное обобщение, но обобщение это носит, если можно так сказать, местный характер, включая в основном преимущественно опыт исследователя. Сказанное предопределяет то, что «вывод уже потому оказывается ложным, что большая посылка была получена не путем индукции, а путем необдуманного "обобщения" одного или нескольких замеченных случаев» [1, с. 33].

Ни в коем случае не опровергая статус психиатрии как полноценного научного знания, все-таки напомним, что его научность больше связана с диагностическим аспектом. Психиатрия разработала достаточно объемный инструментарий определения патологии в психике конкретного человека и успешно реализует его в повседневной практике. Проблемами же прогностического характера психиатрия занимается фактически на околонучном уровне, испытывая затруднения даже в прогнозировании периодов ремиссии у исследуемых лиц. Что же можно сказать о более тонком поведенческом моделировании конкретного лица с помощью знания психиатрии как науки?

Во-первых, диагностическое моделирование представляет собой совершенно самостоятельный вектор профилирования и с остальными способами профилирования имеет очень мало общего.

Во-вторых, диагностическое профилирование, исходя из природы психиатрического знания, ориентирует исследователя больше на диагностический, чем поисковый аспект, что серьезно понижает его ценность в ряду криминалистических методик.

В-третьих, использование диагностического профилирования скорее авторская, чем научная методика исследования, что понижает её прикладную ценность.

Наконец, в-четвертых, диагностическое профилирование было эффективно на первых этапах развития методик профилирования, когда альтернативные методики профилирования находились в стадии научной гипотезы.

Первый случай применения диагностического профилирования неизвестного преступника в раскрытии преступления описан в книге американского психолога Д. Брусселя [2]. На протяжении 40–50-х годов XX века в Нью-Йорке неизвестное лицо за 16 лет совершило 33 взрыва. Официальное расследование оказалось малоэффективным. Тогда полиция обратилась к Д. Брусселю для составления психологического профиля разыскиваемого лица, которым оказался Ж. Милаускас (Метески). Тот факт, что результаты, полученные при расследовании преступлений Ж. Метески, не просто совпадение, а объективное следствие эффективности используемых методов, был подтвержден Д. Брусселем при расследовании серии преступлений, совершенных А. Де Сальво, известного также, как «Бостонский душитель», «Измеритель» и «Зеленый человек».

Географическое профилирование. В отличие от криминологического профилирования, использующего усредненный образ личности преступника, географическое профилирование оперирует с усредненным образом обстановки преступления. Таким образом, именно географическое профилирование направлено на установление конкретной области (территории), в которой целесообразно производить поисковые мероприятия при расследовании серии преступлений.

Родоначальник методики К. Россмо (Kim D. Rossmo) – канадский исследователь. Наиболее успешные исследователи в рассматриваемой сфере на сегодняшний день – британские ученые Д. Кантер и Д. Янг (D. Canter, D. Youngs).

Географическое профилирование базируется на программной обработке статистических данных об элементах криминалистической характеристики преступного события с постановкой акцента

на данных об обстановке преступного события и жертве преступления. Географическое профилирование выступает эффективным криминалистическим средством при расследовании многоэпизодных (в том числе и серийных) преступлений, совершенных в таких областях, как убийства, взрывы, поджоги, изнасилования, похищения детей, сексуальные убийства, мошенничество с кредитными картами, кража имущества и т. д.

На основе баз данных по иным сериям преступлений с помощью специальных программ (например, широко известна программа Rigel software от компании Environmental Criminology Research Inc. – ECRI's Rigel software) для определения наиболее вероятного места обитания преступника оценивается пространственный разброс эпизодов серии. Первостепенными для анализа выступают данные о местах встречи преступника с жертвой, нападения на нее и обнаружения тела.

Практическая ценность этого метода в сужении круга подозреваемых за счет сопоставления в базах данных подозреваемых и лиц, находящихся в зоне, определенной как высоковероятностная для проживания преступника, и организации в ней интенсивного патрулирования.

Результатом использования географического профилирования выступает указание на расположение:

- буферной зоны преступника, которая помогает нарушителю общественного спокойствия оставаться не замеченным соседями;
- зон работы и отдыха преступника;
- зоны проживания преступника.

Основными системообразующими идеями географического профилирования выступают выявленные закономерности преступного поведения, формирующие феномены:

- «наименьшие усилия» – выявленная закономерность преступников для совершения преступлений предпочитать территорию, на которой они чувствуют себя уверенно;
- «рутинная деятельность» – наличие взаимосвязи в привычном образе жизни преступника и его жертв, что предопределяется фактом планирования преступником своих преступлений во время повседневной жизни;
- «затухание расстояния» – изменение со временем отдаленности места преступления от места проживания преступника;
- «рациональный выбор» – принятие решений исходя из рационального начала.

Однако нельзя не отметить спорность некоторых описанных выше идей применительно к отдельным группам серийных преступников, демонстрируя недостаток индуктивных умозаключений. Несмотря на сказанное, эмпирическая состоятельность методики географического профилирования, тогда еще только контурно формирующейся, подтверждена еще в 80-х годах прошлого века при расследовании серии преступлений, совершенных П. Сатклиффом, известным как «Йоркширский потрошитель» [5, с. 1].

Алгоритм вычисления места проживания преступника в рамках географического профилирования не является тайной [6] и его широкое использование в российской практике расследования преступлений свидетельствует о высоком профессиональном уровне руководителей правоохранительных органов.

В завершение отметим, что сфера использования географического профилирования более значительна, по сравнению с остальными видами профилирования, поскольку распространяется и на такие преступления, как кражи и грабежи, расследование которых «неподвластны» остальным видам профилирования.

Детективное профилирование. В зарубежной криминалистической литературе существует четкое разграничение между рутинной работой полиции, специализирующейся на знании, и на «нечто большем». Второе – это «искусство» детективной работы, проявляющее свои качества только через опыт, а теория, изучаемая в классах и по книгам, не поможет детективу «читать» улицы [7, с. 9].

Традиционно криминалистами англо-саксонских стран продолжает противопоставляться тип детектива-ученого, профессиональный уровень которого индуктивен по своей природе, и детектива-мастера, профессиональный уровень которого базируется на доминировании дедуктивных умозаключений. Статус детектива-мастера признается более ценным, поскольку объективно редко встречается, что одновременно также несколько обесценивает данный статус. Творчество очень плохо формализуется, что порождает проблему передачи опыта одного детектива другим и также понижает ценность статуса детектива-мастера.

Детективное профилирование базируется преимущественно на дедуктивных умозаключениях, т. е. заключениях, исходящих из большой посылки, например: личность человека отражается в его деятельности → серийный преступник – человек → личность

серийного преступника отражается в следах его преступной деятельности. На первый взгляд, дедуктивные умозаключения являются естественным элементом мышления любого человека, тем более следователя в сфере расследования преступлений. Однако если бы это было так, тогда исследователи криминалисты не отмечали бы, что «при осмотре следов следует различать вопросы: "что я вижу" и "что означает то, что я вижу". Эти вот эти вопросы заставляют криминалиста отдавать себе отчет в том, что обычно он оставляет без внимания» [1, с. 23].

Художественная литература активно описывает образы идеального сыщика, владеющего приемами дедукции. Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Эраст Фандорин – список огромен и создает иллюзию предпочтительности в процессе расследования дедуктивного подхода перед индуктивным. Но так ли бесспорен метод дедукции, а значит, и детективное профилирование в частности? Попробуем перечислить недостатки дедуктивного профилирования.

- Как уже отмечалось, проблемность детективного профилирования проистекает из невозможности его массового использования, оно скорее искусство, чем наука. Хотя, без сомнения, детективное профилирование базируется на научной методологической основе, ведь большинство основных посылок есть результат научных исследований.

- В силу объективных причин (ограниченного объема информации о событии преступления) исследователь может судить только о свойствах преступника, нашедших отображение в следах преступления. В каждом эпизоде серии эти свойства естественно могут быть разными, в одном эпизоде отразился интеллектуальный уровень преступника, в другом – его мотивация. Сказанное объективно увеличивает количество эпизодов серии, информация о которых будет минимально необходимой для составления в процессе детективного профилирования поискового профиля преступника. Поясним, что надежные выводы проистекают из заключения по повторяющимся в разных эпизодах свойствам преступника, а, как было сказано, в разных эпизодах часто отражаются разные свойства личности преступника.

- Ограниченность использования математических методов. Если бы в детективном профилировании был разработан универсальный набор личностных черт, которые в необходимой мере принадлежат разным людям, как в психологической теории черт, то для обработки данных можно было бы использовать такой

приём математической статистики, как факторный анализ. К сожалению, в рамках детективного профилирования такой перечень черт отсутствует, а само его существование достаточно спорно.

- В рамках анализируемых обстоятельств особо актуальным становится такой феномен, как совпадение (случайность). Недаром в криминалистической литературе не раз говорилось о том, что «совпадение – это благословение и проклятие для исследователя, оно может быть убедительным показателем, или просто случайным событием» [7, с. 53]. Феномен случайности часто предопределяет неправильные выводы, полученные в процессе дедуктивных умозаключений, подвергая сомнению ценность дедуктивного профилирования в целом. Сказанное является одной из основных причин опасения следователей оперативно формулировать выводы из-за боязни ошибиться. Это же можно сказать о феномене «множественности причин», который описывался в отечественной криминалистике.

- Уникальный статус серийных преступников, находящихся на грани между психической нормой и патологией, часто предопределяет спорность исходных (больших) посылок, базирующихся как на идее психической адекватности серийных преступников, так и на идее их психической неадекватности.

Неудивительно, что значительная творческая составляющая метода детективного профилирования часто вызывает неприятие со стороны широкого круга исследователей, особенно из числа криминологов и психологов. Конечно, дедуктивное профилирование обладает рядом методологических недостатков, часть которых мы рассмотрели выше, однако это ни в коем мере не служит основанием для разговоров о существовании «мифа о профилировании, базирующемся на чертах личности» [4, с. 313–332].

Не боясь преувеличения, можно утверждать, что если в ходе расследования серии преступлений преступник задержан не по доносу, не по случайности и не в результате составления географического, диагностического и криминологического профиля, то целиком или частично при расследовании было использовано детективное профилирование. Применение отдельных приемов детективного профилирования (напомним, базирующегося на дедуктивных выводах) есть естественная практика расследования любого неочевидного преступления, а может быть, и любого преступления вообще.

Примером эффективного использования детективного профилирования может выступить расследование серии преступлений, совершенных С. А. Головкиным.

В завершение отметим, что все перечисленные недостатки детективного профилирования полностью перекрываются возможностью получения с его помощью предельно широкого объема криминалистически значимой информации о событии преступления, особенно на первоначальном этапе расследования.

Криминалистическое профилирование (профилирование сцен преступлений). Интересно то, что не только обыватели, но и ряд исследователей-криминалистов полагают: традиционное построение психологического профиля неизвестного преступника соответствует приемам детективного профилирования. Это не так.

Залог успешности криминалистического профилирования в интегративной природе этой методики. Фактически в познавательном плане она состоит из двух этапов.

На первом этапе профайлер устанавливает тип серийного преступника, характеризующийся достаточно жестким набором психологических характеристик, имеющих выраженное поисковое значение и установленных статистическими методами (индукция).

На втором этапе он приступает к трактовке следов преступления, опираясь преимущественно на дедукцию как основной прием познания. Неудивительно, что второй этап обладает как преимуществами, так и недостатками дедуктивного профилирования, с его постановкой акцента на опыте и интуиции следователя.

Уникальное сочетание индуктивных и дедуктивных методов позволяет преодолеть большинство проблем, свойственных каждому из названных познавательных приёмов. Например, дает возможность минимизировать роль случайности, которая порой сопровождает преступников и часто заводит расследование во временный тупик.

Уже первое официальное использование метода криминалистического профилирования в 1979 году при расследовании серии преступлений, совершенных Д. Карпентером, показало теоретическую и практическую состоятельность описываемого метода.

Список использованных источников

1. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики / науч. ред. В. В. Крылов. – М.: ЛексЭст, 2002. – 112 с.
2. Brussel J. A. Casebook of a crime psychiatrist / Bernard Geis Associates; Grove Press, 1968. – 212 p.
3. Dern H., Dern C., Horn A., Horn U. The fire behind the smoke: a reply to snook and colleagues // Criminal justice and behavior. – 2009. – № 36 (10).
4. Kocsis R. N., Palermo G. B. Disentangling criminal profiling accuracy, homology, and the myth of trait-based profiling // International journal offender therapy and comparative criminology. – 2015. – Vol. 59 (1).
5. Rich T., Shively M. A Methodology for Evaluating Geographic Profiling Software. Draft Final Report // U. S. Department of Justice. – 2004. – 253 p.
6. Rossmo D. K. (1996). U. S. Patent № 5,781,704. Washington, DC: U. S. Patent and Trademark Office.
7. Tong S., Bryant R. P., Horvath M. A. H. Understanding Criminal Investigation Atrium: Wiley-Blackwell, 2009. – 295 p.

5.2. Перспективы использования всеобщей геномной регистрации в криминалистической методике установления личности¹

Как известно, эффективность деятельности по расследованию преступлений во многом зависит от содержания методик расследования преступлений [1, с. 32]. Поэтому справедливо мнение о том, что одно из центральных мест в формировании методик расследования отдельных видов преступлений занимают особенности использования специальных знаний. Частные методики расследования будут полноценными только при продуманности научно разработанных технико-тактических рекомендаций – методов и средств криминалистической техники и тактики [14, с. 102–103].

¹ Автор – Ф. Г. Аминев.

Представляется, что наиболее интенсивно развивается одно из важнейших направлений использования специальных знаний в борьбе с преступностью – криминалистическая регистрация, в которой собирается, накапливается, обрабатывается и используется в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений вся криминалистически значимая информация, получаемая в ходе следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, судебных экспертиз и криминалистических исследований.

Актуальным и поныне остается высказывание одного из создателей отечественной криминалистики И. Н. Якимова, который криминалистическую регистрацию сравнивал «с частой сетью, раскинутой над преступным миром... она должна быть поставлена, по возможности, широко и всесторонне, охватывать максимальное количество учетных единиц и пользоваться точными способами учета, находящимися на высоте современной науки» [15, с. 31].

В настоящее время система криминалистической регистрации функционирует с применением комплекса информационных, телекоммуникационных и геоинформационных технологий, технологий искусственного интеллекта и защиты информации в рамках единой информационно-телекоммуникационной системы (ЕИТКС) органов внутренних дел Российской Федерации. Особая роль уделяется развитию экспертно-криминалистических учетов, создаваемых в результате деятельности экспертно-криминалистических подразделений в ходе проводимых ими исследований.

О видах, порядке формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации подробно изложено в приказе МВД России от 10 февраля 2006 года № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (в ред. от 11.09.2018) [8].

Анализ развития регистрационно-справочных учетов в практике борьбы с преступностью в мире позволяет сделать однозначный вывод о преобладании тенденции создания в каждой стране единой автоматизированной интегрированной информационно-поисковой системы баз данных с биометрическими параметрами человека. И самыми перспективными базами данных с использованием биометрических характеристик, основанными

на компьютерных технологиях и идентификации личности человека, являются учеты генотипов.

Уникальность генома человека позволяет идентифицировать его по любым биологическим материалам, имеющим хотя бы одну целую клетку организма, в которой содержится молекула ДНК (слюна, сперма, волос с луковицей, кровь, ткани и органы, потожировые выделения и др.). Технические возможности оборудования, используемого в практике производства молекулярно-генетической экспертизы (фирм Promega, RapidНIT, MiSeg FGX, Applied Biosystems и др.), позволяет обеспечить результат сравнительного исследования следа биологического происхождения, изъятого с места происшествия, с образцом ДНК, полученным от конкретного человека, с идентификационной значимостью 1 из $1,4 \times 10^{23}$, в то время как количество людей, когда-либо проживавших на Земле, равно $1,1 \times 10^{11}$ [3, с. 194].

Изучение зарубежной литературы свидетельствует о том, что в настоящее время в 60 странах мира формируются собственные геномные базы данных, основанные на STR-полиморфизме ДНК (STR – Short Tandem Repeats). Самая многочисленная ДНК-информация на сегодняшний день заложена в геномных учетах Китайской Народной Республики (КНР) – 46 млн образцов (ДНК-профилей), в США – свыше 18 млн, в Великобритании – более 7 млн образцов, в Таиланде – 160 тыс. образцов, в Республике Беларусь – более 100 тыс. образцов [13, с. 554].

Анализ хода формирования, ведения и использования системы геномной регистрации в разных странах позволяет выделить технические, правовые, политические и этические аспекты этой деятельности, которые нужно учитывать при проведении в дальнейшем всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации.

Правовые аспекты широко представлены в международных правовых актах. Так, во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, принятой 11 ноября 1997 года Организацией Объединенных Наций, основной акцент сделан на конфиденциальности геномной информации, которая должна охраняться в соответствии с законом [2]. В 2003 году Резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Международная декларация о генетических данных человека, в которой предлагалось осуществлять сбор генетической информации только в соответствии с правом страны, не противоречащим международному праву [6].

Советом Европы в 1992 году была принята Рекомендация R(92) 1 по использованию ДНК-анализа в уголовном судопроизводстве, в которой изложены опасения о возможных нарушениях в процессе использования базы данных ДНК [16].

В разных странах для формирования базы данных ДНК разработаны различные правовые платформы. Первыми приступили к формированию базы геномной регистрации в 1987 году в Великобритании [12, с. 96] на основе ранее принятого в 1984 году Акта о доказательствах по уголовным делам. Причем в этой стране был сразу же зарегистрирован рост раскрываемости преступлений: по данным С. А. Боринской, если до внедрения ДНК-анализа раскрывались только 13 % преступлений, то «с использованием ДНК-анализа – 31 %, а с использованием ДНК-анализа и базы данных ДНК-профилей – уже 60 % [5, с. 152].

В США правовая регламентация формирования и использования ДНК-базы началась в 1994 году с принятия Конгрессом США Закона о создании национальной базы данных ДНК.

В Македонии закон, регулирующий создание и дальнейшее формирование баз данных ДНК-профилей, был принят в 2009 году, практическая реализация его начата с 1 января 2012 года [7, с. 53].

В Республике Казахстан Закон «О дактилоскопической и геномной регистрации» был принят в декабре 2016 года, согласно ему с 2021 года будут взяты ДНК-профили ото всех лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления [9, с. 119].

Приказом Министерства здравоохранения Республики Узбекистан от 30 декабря 2016 года № 554 произведена реорганизация Главного бюро судебно-медицинской экспертизы Минздрава, в результате которой был образован отдел молекулярно-генетической экспертизы для проведения ДНК-анализа и последующего формирования базы данных ДНК [10, с. 208].

В России, реализуя Федеральный закон от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и Постановление Правительства РФ от 11 октября 2011 года № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы», Министерство внутренних дел Российской Федерации утвердило правила обработки геномной информации. Определено, что учет, хранение и классификацию геномной информации, полученной при проведении обязательной государственной геномной

регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание, осуществляет Федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» путем формирования и ведения федеральной базы данных геномной информации. Эта база в России составляла на 1 января 2019 года около 500 тыс. ДНК-профилей.

Задачами геномной регистрации, согласно ст. 14 главы 3 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», являются:

- выявление и установление лиц, совершивших преступления;
- розыск пропавших без вести граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства;
- установление личности неопознанных трупов;
- установление родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) [11].

К сожалению, в формировании и ведении полноценной базы геномной регистрации остается ряд проблем:

*участвовавшие ошибки результатов сравнения ДНК-профилей на базе STR-локусов;

* низкий уровень цифровизации базы данных, основанных на STR-локусах;

* зависимость от импортного (в первую очередь, американского) оборудования и расходных материалов;

* проблемы этического и организационного обеспечения всеобщей ДНК-регистрации и т. д.

Так, в ходе анализа и кодирования всей молекулы ДНК (а она в развернутом виде длиной около двух метров) с широко используемой во всем мире программой CODIS возможны выпадения аллеля Y – в STR-локусах, что приводит к установлению ложного различия сравниваемых геномов, либо к установлению случайного совпадения.

Кроме того, существенным недостатком применяемых в настоящее время баз данных на основе STR-локусов является недетерминированный уровень полиморфизма. В таком случае рекомендуют (помимо ДНК-профилей лиц) создавать популяционно-генетические базы данных для формирования баз данных с генетическими профилями населения отдельных регионов. Такие базы данных помогают провести статистическую оценку достоверности идентификационного исследования ДНК-профиля.

Еще одним из ключевых моментов для формирования, обработки и использования геномной регистрации населения становится максимальная цифровизация хранимых данных, которая в STR-локусах практически невозможна из-за большого объема кодируемой информации. Поэтому крайне важна реализация идей отечественных разработчиков ДНК-учетов.

Проведенное нами анкетирование юристов-практиков и ученых-правоведов Челябинска, Ростова-на-Дону, Уфы показало некоторую тревогу относительно конфиденциальности и информационной безопасности базы данных ДНК. Так, только 45 % сотрудников прокуратуры согласны с принятием Федерального закона «О всеобщей ДНК-регистрации населения Российской Федерации», а 50 % – против его принятия; 65 % ученых-криминалистов поддерживают идею о принятии Федерального закона «О всеобщей ДНК-регистрации населения Российской Федерации», в то время как 30 % – против. Более лояльны к названному выше Федеральному закону студенты выпускного курса Института права: 74 % – поддерживают его принятие, лишь 20,8 % – против.

Представляется, что не следует драматизировать ситуацию, тем более с учетом принимаемых руководством страны нормативных правовых актов. Так, Указом Президента от 11 марта 2019 года № 97 «Об Основах государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» одной из основных задач, поставленных в п. 13, указано: «Осуществление генетической паспортизации населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирование генетического профиля населения», а также задача: «Развитие производства отечественного лабораторного оборудования для обеспечения микробиологических, в том числе молекулярно-генетических, исследований».

На рассмотрении в Государственной Думе находится внесенный Правительством Российской Федерации 24 июля 2019 года проект Федерального закона № 759897-7 «О едином федеральном информационном ресурсе, содержащем сведения о населении Российской Федерации», в котором предусмотрены меры по обеспечению конфиденциальности и защите персональных данных физических лиц – граждан России [4].

В целях преодоления недостатков в ныне используемых зарубежных программах, панелях локусов, приборах и оборудовании

в Институте биохимии и генетики Уфимского Федерального исследовательского центра РАН разработан оригинальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом снипе (от SNP – Single-Nucleotide Polymorphism), обладающий целым рядом важных преимуществ, в том числе для формирования баз данных. Этот способ позволяет достичь максимального уровня цифровизации, так как объем введенной в базу данных информации при ДНК-идентификации личности с помощью снипов составляет для одного человека не более 1 килобайта (с помощью STR-локусов – более 200 килобайт).

Кроме того, использование предлагаемой панели снипов позволяет вычленять и кодировать исключительно такую генетическую информацию, которая содержит только нейтральные идентификационные сведения о человеке без информации о его половой принадлежности, фенотипических внешних признаках (цвете волос, цвет глаз и пр.), физиологических особенностях (болезненные состояния, предрасположенность к таковым и т. д.), что позволяет решить этические проблемы.

Еще одним преимуществом нового предлагаемого подхода ведения геномной регистрации с применением снипов является возможность детекции более коротких участков ДНК, которые с большей вероятностью сохраняются в старых биологических образцах и не могут быть выявлены с помощью STR- и даже miniSTR-локусов. Проводя аналогию, можно сказать: STR-локусы – это аналоговая запись на магнитных лентах, а снипы – цифровая запись на современных носителях.

Этот метод позволяет отойти от дорогостоящих подходов, основанных на VNTR-локусах, предлагаемых фирмами США, и на STR-локусах, предлагаемых Великобританией. Осуществляется уход от зависимости в иностранных технологиях и опережающее импортозамещение.

Важным подтверждением актуальности и значимости вопросов ДНК-регистрации населения стало выделение в октябре 2018 года крупного гранта РФФИ-мк № 18–29–14076 по теме «Правовые и этические аспекты всеобщей ДНК-паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК-идентификации личности» (руководитель проекта – профессор кафедры криминалистики ИП БашГУ, д-р юрид. наук Ф.Г. Аминев), в рамках которого ученым БашГУ и Института биохимии и генетики УФИЦ РАН предстоит провести исследования, планируемые результаты

которых, по мнению экспертов РФФИ, «помогут вывести российское государство в лидеры в сфере ДНК-паспортизации населения».

В результате научных исследований будет окончательно подобрана панель сипов, которую станут использовать для всеобщей геномной регистрации населения России и ДНК-идентификации личности, что позволит намного поднять эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научного проекта РФФИ-мк № 18-29-14076 (Башкирский государственный университет).

Список использованных источников

1. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81).

2. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека [Электронный ресурс] // ООН. – URL: <http://www.un.org/ru/documents>.

3. Еркешева А.Ш., Тагайбеков У.Ж., Альжанова Б.С. Возможности мультиплексного фрагментарного анализа ДНК (до шести красителей) при производстве молекулярно-генетической экспертизы // Восток – Запад: партнерство судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции (27 октября 2016 г. Алматы). Алматы, 2016.

4. Законопроект № 759897-7 О едином федеральном информационном ресурсе, содержащем сведения о населении Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы. – URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=759897-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=759897-7).

5. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. – М.: РГ-Пресс, 2018. – 960 с.

6. Международная декларация о генетических данных человека [Электронный ресурс] // ООН. – URL: <http://www.un.org/ru>.

7. Деаноска-Трендафилова Александра. Правовые основания для применения ДНК в системе уголовного правосудия // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 1.

8. Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.08.2019).

9. Тагайбекова У.Ж., Альжанова Б.С. Y-хромосома и перспективы базы данных ДНК в Казахстане // Перспективы партнерства государств-членов ШОС в сфере судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции (20–21 июня 2018 года, г. Алматы).

10. Улугов З.А., Жовбуриев Т.М. Особенности молекулярно-генетических методов исследования в Республике Узбекистан // Пути совершенствования судебной экспертизы. Зарубежный опыт: материалы научно-практической конференции (Ташкент, 15–16 ноября 2017). – Ташкент, 2017.

11. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 № 242-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/document>.

12. Чемерис Д.А., Сагитов А.М., Аминев Ф.Г. [и др.] Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. – 2018. – Т. 10(1). – DOI: 10.31301/2221–6197.bmcs.2018–16. С. 86–140.

13. Шакель Н.В. Ведение генотипоскопических учетов и права человека // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Междунар. науч.-практ. конференции, Москва, МГЮУ, 17–18 января 2019 г. – М.: РГ-Пресс, 2019.

14. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография. – М., 2016. – 192 с.

15. Якимов И.Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. – М.: НКВД РСФСР, 1925. – 430 с.

16. CoE, Commite of Ministers, Recommendation R (92) 1 on the use of analysis of DNA within the framework of the criminal Justice System. – URL: <https://wcd.coe.int> (дата обращения: 26.06.2019.)

5.3. Психологическая модель как основа биографического анализа личности обвиняемого¹

Результаты современных исследований наглядно показывают, что существует три исследовательских уровня изучения личности обвиняемого: уровень психологического свойства личности, психологического типа личности, психологической модели личности [5, с. 28–29; 3, с. 40–41; 6, с. 245–247]. Очевидно, что каждый уровень имеет свои достоинства и недостатки, однако подразумевается, что они соотносятся между собой все же по вертикальной иерархии, поскольку речь идет непосредственно об уровнях, а не о видах. В основе шкалы, по которой эти уровни выстроены по вертикали, лежит степень глубины, детализации и точности криминалистически значимого знания о личности обвиняемого, который удастся добыть на каждом из этих уровней. Суммируя актуальные научные данные многочисленных исследований современных ученых в области криминалистики и психологии, посвященные методам и методикам изучения личности обвиняемого [4, с. 84–93; 2, с. 65–70; 1, с. 159–160], можно попытаться выделить следующие преимущества изучения личности обвиняемого с использованием биографического метода на уровне модели.

1. *Точность. Целостное познание индивидуальности.* Основная проблема изучения личности обвиняемого (и не только) заключается в отсутствии строго математического, измеримого знания, которое бы давало исследователю возможность строить прогнозы, имеющие стопроцентную вероятность. Если обратиться к любой психологической типологии, то разница между людьми даже в пределах одного психологического типа очень быстро станет очевидной. В этом смысле как раз важно подчеркнуть тот факт, что на уровне модели эта разница также определяется: два представителя одного психологического типа по нескольким ключевым параметрам будут отличаться друг от друга, но вместе с тем вариативность этих параметров укладывается в диапазон, характерный для представителей их типа. Другими словами, для каждого типа есть так называемая «зеленая зона», в пределах которой навыки, поведение и образ жизни типичны и чаще встречаются именно у представителей конкретного психологического типа, «желтые зоны», в которых имеются общие с другими типами и «красные зоны», в которых частота

¹ Авторы – В. Л. Юань, Т. А. Алексеева.

встречаемости настолько редкая, что в большинстве случаев, при прочих равных условиях, изучаемая личность не может быть отнесена к такому типу.

2. *Пределы. Взаимосвязь с другими уровнями.* Помимо возможности при помощи знания типа личности обвиняемого ограничить множественность вариантов вероятных биографических фактов из его жизни, вероятна и обратная ситуация, когда из известных элементов в структуре модели личности обвиняемого определяется его тип. Преемственность исследовательских уровней позволяет двигаться в любом направлении между ними: из группы известных личностных свойств можно выявить его тип, на основе типа определить модель и наоборот: из модели можно сделать вывод о его типе, а знание типа обеспечивает знание его личностных свойств. Знание одного конкретного личностного свойства личности обвиняемого само по себе ничего не дает: одной из основных проблем в определении психологического типа личности обвиняемого будет выявление индивидуальных психологических свойств личности и их отличие социально-ролевой установки, которую личность в своем поведении способна демонстрировать, однако эти поведенческие признаки ложные для исследователя, поскольку они несут на себе след не его индивидуальности, а его окружения (семья, друзья, учебный или рабочий коллектив и т. д.).

3. *Контекст. Взаимосвязь биографических фактов.* Элементы в структуре биографии позволяют не только выявлять предшествующие события из жизни обвиняемого, но и неизвестные элементы, с высокой степенью вероятности идущие в связке с уже известными (здесь производится выбор из доступных вариантов), давая возможность делать прогноз относительно его дальнейшего поведенческого вектора. Необходимо понимать, что модель личности обвиняемого является сквозным объектом: разрабатывается отдельная целостная теория для одного конкретного человека, в которой в зафиксированном виде будут отражены известные исследователю сведения о его жизни, при этом нужно помнить, что до момента, когда эта теория будет разработана, гипотетически имелись и другие ее более старые варианты, поскольку часть событий в жизни обвиняемого еще не произошла, что отражает наличие факта преемственности всех вариантов модели его личности, а значит – и всех биографических фактов. Именно по этой причине становится возможным путем анализа известных биографических фактов менять исследовательский вектор

в ретроспективу с целью построения хронологической цепочки жизни обвиняемого. Методика выявления неизвестных событий из жизни обвиняемого аналогична методике проверки доказательств из раздела теории доказательств в рамках уголовного процесса. Анализ нескольких известных биографических фактов дает возможность строить гипотезы о наличии еще одного, неизвестного биографического факта, который чаще всего в повседневной жизни встречается в связке с уже известными биографическими фактами. При этом методика проверки связей известных биографических фактов на логичность, которая определяется путем определения их соответствия друг другу, будет аналогична методике выявления факта инсценировки преступления в рамках проведения осмотра места происшествия. К примеру, если известно, что обвиняемый в подростковом возрасте употреблял алкоголь, наркотические вещества, курил, неоднократно совершал правонарушения, рос в неблагополучной семье и вдруг поступают данные о том, что он к 22 годам оканчивается престижный университет с красным дипломом, параллельно достигая победы в каком-то виде спорта, то здесь явно упущена существенная деталь из его биографии: как возможен такой резкий переход? Нарушен сам нарратив. Возможно, исследователь на каком-то этапе получил искаженные, полуправдивые или ложные данные либо нужно искать фактор, который и определил такой резкий переход в образе жизни обвиняемого. Последовательность смены этапов в его жизни всегда имеется. Несмотря на то, что переходы бывают достаточно резкими (обычно это свидетельство существования важного биографического факта, который исследователь должен установить), они все равно преемственны друг другу, если речь идет об одном и том же человеке.

4. *Формация. От модели личности к модели социума.* Познание модели одной личности позволяет выйти на знание модели социума, следы которых на себе эта личность несет. Ранее уже говорилось, что важной проблемой определения типологической принадлежности личности обвиняемого является четкое разграничение его личностного от социально-ролевого на основе анализа его поведенческих маркеров. Опыт многочисленных наблюдений за обучающимися вузов в г. Томске в период с октября 2014 по ноябрь 2018 года, а также бесед с ними показал, что чаще всего социально-ролевые установки заимствуются от ближайшего окружения личности. На главный вопрос, «в чем отличие одного

человека от другого, когда оба они – представители одного психологического типа?», можно получить ответ, если будет проанализирована вариативность ряда элементов в структуре их моделей, на которую сильно влияют в первую очередь семья, в частности родители. Это позволяет обоснованно предположить, что вероятно анализ личности обвиняемого позволит выйти на знание о психологических особенностях личности его родителей и детей, а также ближайшего окружения и наоборот.

Анализ преимуществ, выделенных выше, позволяет ответить на вопрос, что представляет из себя модель личности обвиняемого. Неоднократно подчеркивалось, что модель – это прежде всего структура и, как всякая структура, она имеет свои элементы. Вместе с тем на первый взгляд может показаться, что биографический факт из жизни обвиняемого – это элемент в структуре модели, однако это не так. Биографический факт – есть отражение элемента модели психологии личности. Непосредственно в биографических фактах каждый элемент модели личности обвиняемого находит свое выражение, при этом сам он также способен как обостряться, так и сглаживаться за счет влияния других биографических фактов. К примеру, если речь идет об обвиняемом с акцентуированным типом «циклоид», то его врожденный элемент – эмоциональная неразвитость – будет усилен (обострен) за счет отсутствия матери в его жизни (например, если она умерла при родах) и напротив, при наличии матери в его жизни с детства и полноценных отношениях с ней такой элемент будет сглажен в сторону повышения эмоциональности.

Вывод, который можно сделать из приведенного примера, прост: одни биографические факты могут как усиливать, так и нивелировать элементы в структуре модели психологии личности обвиняемого, тогда как другие биографические факты являются выражением самих этих элементов. На сегодняшний день в криминалистической науке еще не до конца четко сформирована целостная карта модели личности обвиняемого, а вопросы о том, какие элементы должны в модели присутствовать обязательно, являются ли они универсальными или какая-то часть может отсутствовать и это не будет влиять на психологическую полноценность личности обвиняемого, остаются открытыми. Однако при этом видится, что некоторая совокупность базовых элементов должна присутствовать. На данную гипотезу часто можно услышать критику о том, что модель – это условность и что все люди

запредельно разные и сама попытка создать универсальную модель для всех людей на Земле – псевдонаучна. Если же попытаться беспристрастно оценить степень обоснованности подобной критики, то очень быстро окажется, что она крайне низкая, поскольку объективно существуют базовые требования к любым объектам, которые позволяют их относить к тем или иным видам. Другими словами, модель какого-то объекта (личность обвиняемого в этом смысле не исключение) всегда должна иметь определенный набор исходных, универсальных и общих элементов, в противном случае это будет уже другой объект. Примеров тому масса: из области физиологии – человек не может существовать без воздуха, ему нужны легкие или их аналог, в противном случае он не выживет; из области машиностроения – любой машине нужна силовая установка, двигатель, который будет приводить ее в движение, в противном случае машина не будет иметь возможности сама тронуться с места; из области психологии – любой человек имеет память, мышление, способен воспринимать, реагировать и осознавать происходящее в реальном времени, общаться, адаптироваться, в противном случае он будет лишен возможности самостоятельно обслуживать самого себя, жить и выживать, поэтому, когда у него в перечисленных случаях наблюдаются проблемы, нельзя сказать, что речь идет о норме: страдающим расстройством памяти, мышления и т. д. по действующему законодательству Российской Федерации должна предоставляться помощь. Если же помощь уже не требуется (меры по реабилитации оказались эффективными), то личность возвращается из патологического состояния в нормальное. Кроме того, если взять любой учебник по дисциплине «Общая психология» и взглянуть на разделы тем, предлагаемых для изучения обучающимися в рамках академической среды, то можно увидеть такие разделы, как «память», «речь», «эмоции» и т. д. Поэтому можно обоснованно предположить, где находится точка начала построения модели личности обвиняемого.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, биографический метод на сегодняшний день является единственным научным методом, который способен обеспечить наивысшую результативность при изучении личности обвиняемого на уровне психологической модели по сравнению с другими методами изучения личности, что прямо влияет на качество решения криминалистических задач и достижение криминалистически значимой цели. Сказанное в равной степени также

означает, что биографический метод позволяет определять как психологические черты, так и психологический тип личности обвиняемого путем анализа биографического факта.

Во-вторых, на сегодняшний день криминалистическая наука остро нуждается в научной разработке образца модели личности обвиняемого с конкретными элементами в ее структуре. Понятно, что поначалу она будет «сырой», однако эта проблема неизбежна и решаема и ее существование не должно препятствовать самому вопросу разработки модели личности обвиняемого в криминалистической науке. В процессе ее обкатки, доводки и совершенствования как раз и отражается взаимосвязь всякой теории с практикой, когда любая теория, всегда представляющая из себя определенную модель, сопоставляется с реальной действительностью и, подобно географической карте, дополняется, изменяется, уточняется согласно новым, актуальным и более полным данным, непрерывно поступающим в распоряжение научного сообщества и получаемым в процессе научных исследований. Первые шаги на пути разработки модели личности обвиняемого в криминалистической науке были сделаны еще в 60-х годах XX века. Дальнейший процесс разработки может быть ускорен за счет внедрения психологических типологий: целесообразно использовать типологию психологической ориентации и типологию акцентуированных личностей.

В-третьих, в структуре модели должен присутствовать ряд элементов, являющихся базовыми и общими для всех обвиняемых. Ответ на вопрос, что относить к обязательной совокупности таких элементов, без которых личность обвиняемого – это уже не личность обвиняемого, лежит там, где проходит грань между психологической нормой и психологической патологией. Опираясь на имеющиеся результаты научных исследований, можно выдвинуть гипотезу о существовании как минимум трех видов элементов: первичные элементы (витальные), которые определяют вопрос физического выживания личности обвиняемого (без которых люди в отсутствии посторонней помощи умирают), вторичные элементы (адаптивные), отсутствие которых затрудняет адаптацию личности обвиняемого (дезадаптированные личности), и третичные элементы (индивидуальные), в которых как раз выражается индивидуальность личности обвиняемого, отличающего его от тысяч других, при этом имеющих одну с ним ведущую доминанту (акцентуированный тип).

Список использованных источников

1. Алексеева Т. А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Том. гос. ун-та. – 2014. – № 378. – С. 159–161.
2. Ахмедшин Р. Л. Тактика коммуникативных следственных действий. – Томск: Издат. дом ТГУ, 2014. – 294 с.
3. Ахмедшин Р. Л. Юридическая психология: курс лекций. – Томск: Эль Контент, 2011. – 228 с.
4. Ведерников Н. Т. Избранные труды. Т. 1. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 250 с.
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – 3-е изд. – М.: Питер, 2013. – 607 с.
6. Юань В. Л. Характеристика уровней криминалистического исследования личности обвиняемого // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / ред. О. И. Андреева, С. А. Елисеев, Л. М. Прозументов, М. К. Свиридов и др. – Томск: Издат. дом Том. гос. ун-та, 2018. – Ч. 78. – С. 245–247.

Глава 6

Взаимодействие криминалистической методики с методиками предупреждения преступлений

6.1. Взаимодействие криминологического и криминалистического аспектов в частных криминалистических методиках¹

В настоящее время проблемы конструирования (построения) частных криминалистических методик не только не теряют своей практической значимости, но и еще более актуализируются. Это обусловлено возникновением и распространением в последние десятилетия новых сложных, противоречивых, криминологически значимых социальных явлений, событий и факторов, обусловивших возникновение нетрадиционных современных видов преступности, расследование которых с использованием только ныне существующих криминалистических подходов и методик представляется недостаточно продуктивным.

При этом исследование логических закономерностей построения указанных методик применительно к расследованию современных организованных видов преступности позволяет говорить о тесной взаимосвязи криминологического и криминалистического факторов.

¹ Автор – С.И. Винокуров.

В частности, криминология раскрывает социальную обусловленность, причинно-следственные связи и последствия появления новых, нетрадиционных видов преступности, которые характеризуются определенным, специфическим арсеналом следов, отражающим криминологически значимые факторы вовне. На этой основе и складывается взаимодействие криминологического и криминалистического аспектов в предупреждении, расследовании и раскрытии преступной деятельности организованных преступных сообществ (организаций).

Так, например, торговля людьми была невозможна при социализме. В противоположность этому она процветает в условиях капиталистических, рыночных отношений, где основными мерилami общественных ценностей являются получение сверхприбыли, фетишизация сферы потребления, культ псевдолиберальных ценностей. Причем данный вид преступности достаточно комфортно чувствует себя не только в России, но и в социально благополучных, процветающих государствах Запада.

Принципиально важное криминологическое значение для формирования в России современной преступности нового типа имела кардинальная смена общественно-политического и социально-экономического строя, отказ от социалистической, плановой системы хозяйствования и введение в Российской Федерации ультралиберальных капиталистических, а по своей сути криминально-рыночных отношений. Они были основаны на принципах тотального расхищения общенародной собственности новыми элитами, жесткой конкуренции между соперничающими преступными группировками, безудержной погони за сверхприбылью, разрушения сложившихся в социалистическом обществе моральных ценностей, норм, традиций и т. д.

Кроме того, данные процессы сопровождались снижением роли и авторитета многих государственных институтов в жизни страны, массовым обнищанием ее населения, весьма спорной, необоснованной либерализацией уголовной ответственности (на фоне значительного ущемления прав и законных интересов потенциальных и реальных потерпевших от преступлений). Серьезный деструктивный след в либеральных реформах российского уголовного законодательства оставила поспешно проведенная декриминализация многих деяний, ранее признаваемых общественно опасными (обман потребителей, ложная реклама, контрабанда, «простое» хулиганство и др.). Практически одна за другой

проводились многочисленные масштабные амнистии, многочисленные помилования преступников. Нужно также отметить разрушение многих социально полезных общественных институтов, осуществлявших функции общественного контроля и профилактики преступности.

В качестве закономерного следствия всех этих и им подобных негативных преобразований в российском социуме произошли коренные деструктивные изменения, крайне отрицательно отразившиеся на соблюдении законности и правопорядка, обусловившие низкий уровень защищенности законопослушного населения от преступных посягательств, массовую криминализацию общественного сознания (особенно среди молодежи), появление совершенно новых видов преступлений, для существования которых ранее в СССР не было ни экономических, ни социальных, ни политических условий.

В связи с этим уместно вспомнить хорошо известное высказывание видного советского криминолога И. И. Карпеца, утверждавшего, что «рыночные отношения изначально "беременны" преступностью» [1, с. 27]. Причем рыночная преступность – это криминологическое явление особого рода. Она отличается разветвленной, хорошо отлаженной комплексной системой преступной деятельности и коррупционных связей, масштабными вливаниями значительных финансовых средств в преступный бизнес, высокой технической оснащенностью, наличием строгой дисциплины и всеобъемлющего контроля за поведением членов преступных сообществ, а равно жестких мер воздействия на нарушителей криминального порядка, созданием собственных систем безопасности, нацеленных на противодействие государственным правоохранительным органам и др. Иными словами, организованная, а тем более транснациональная, преступность представляет собой новый грозный феномен, несущий обществу гораздо большую опасность по сравнению с традиционной преступностью в СССР. Поэтому представляется, что и криминалистические методики должны быть подняты на новый, более высокий качественный уровень.

Таким образом, кардинальные изменения преступности в конце XX и начале XXI веков значительно усилили роль комплексной криминологической ее оценки и анализа, в том числе и применительно к разработке криминалистических методик расследования. В связи с этим уместно отметить не всегда лежащую на поверхности,

но тем не менее важную внутреннюю логическую взаимосвязь криминалистического и криминологического аспектов борьбы с организованными формами преступности. Игнорирование данного обстоятельства, как показывает практика, приводит к серьезным недостаткам и дополнительным сложностям.

Это можно проиллюстрировать на примере расследования преступлений в сфере торговли людьми. В целом данный вид транснациональной организованной преступности есть криминологическое явление. Однако в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее [2] было дано весьма спорное, уголовно-правовое определение названному феномену. Как следствие этого во многих уголовных кодексах различных государств, ратифицировавших Протокол, была введена специальная норма, предусматривающая ответственность за торговлю людьми (в России ст. 127.1 УК РФ). В результате такого нормативного решения практические работники органов предварительного расследования долгое время полагали, что торговля людьми – это только тот состав преступления, который предусмотрен указанной статьей УК.

На самом же деле, как показывает анализ международно-правовых актов за последние 200 лет, данное явление (понятие) носит собирательный, комплексный характер и содержит в себе три основных сегмента. Первый выражается в обращении человека в подневольное (рабское), в том числе крайне зависимое, уязвимое состояние. Второй предполагает распоряжение человеком, в том числе его куплю-продажу. Третий, самый массовый, связан с исключительно разнообразными формами (способами) эксплуатации труда (в широком смысле) человека.

Таким образом, в УК РФ имеется около полутора десятка норм, фактически предусматривающих ответственность за торговлю людьми. Кроме указанной ст. УК РФ, к сфере торговли людьми следует отнести также ст. ст. 120 (принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации), 127.2 (использование рабского труда), 240 (вовлечение в занятие проституцией), 240.1 (получение сексуальных услуг несовершеннолетнего), 241 (организация занятия проституцией), 242 (незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов), 242.1 (изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних), 242.2 (использование несовершеннолетнего в целях изготовления

порнографических материалов или предметов), 322.1 (организация незаконной миграции) и некоторые другие.

И это при том, что целый ряд запрещенных международным правом деяний в российском уголовном законодательстве не нашли отражения. В частности, не установлена ответственность за принудительный (обязательный) труд [3]; институты и обычаи, сходные с рабством [5]; незаконные оборот и использование органов и тканей человека для трансплантации и др.

Исследуя вопрос о новых проблемах формирования криминалистических методик, нельзя обойти вниманием и еще один существенный криминологический момент. Речь идет о вовлеченности России на самом высоком глобальном уровне в орбиту универсального международно-правового сотрудничества в сфере борьбы с особо опасными видами транснациональной организованной преступности. Данное обстоятельство позволило, в частности, российским правоохранителям более эффективно участвовать в предупреждении и расследовании этой преступности с привлечением возможностей международного сообщества. Кроме того, помогло значительно активизировать их роль в указанном сотрудничестве, которое отличается весьма существенными правовыми, организационными, тактическими и методическими особенностями. Вполне естественно, что все эти специфические реалии и особенности должны быть предусмотрены в соответствующих криминалистических методиках.

В частности, в них должно быть учтено, что значительная часть следственных действий выполняется опосредованно, путем направления запросов в компетентные правоохранительные органы других государств либо соответствующие международные организации полиции. Здесь можно прогнозировать реальную опасность значительного снижения темпов и эффективности расследования, что весьма негативно отразится в том числе на качестве производства неотложных следственных действий. Существенные сложности могут возникнуть и в связи с процедурными и технологическими особенностями оформления и исполнения международных запросов. Кроме того, при организованных формах транснациональной преступности важно учитывать возможные коррупционные связи преступников с сообщниками из национальных правоохранительных органов.

Особое внимание в криминалистических методиках расследования комплексных, криминально-рыночных видов организованной транснациональной преступности должно уделяться созданию

международных следственно-оперативных групп, знанию иностранных языков сотрудниками этих групп, широкому использованию современных технических средств (компьютерных технологий, средств конференц-связи, систем видеofиксации хода и результатов следственных действий, осуществляемых зарубежными партнерами, и т. п.). В криминалистические методики подобного уровня необходимо закладывать информацию об особенностях правового регулирования и реального механизма международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, возможностях такого сотрудничества с учетом его сильных и слабых сторон.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о целесообразности использования двухуровневого подхода к разработке (конструированию) криминалистических методик расследования преступлений. На наш взгляд, критерием разграничения этих уровней является, прежде всего, объективный характер не только самой преступности, но и наличие важных криминологических факторов, ее обуславливающих. При этом современную преступность условно можно разделить на две группы: простую, или традиционную (кражи, грабежи, разбой и т. д.), представляющую первую, нижнюю ступень, и комплексную (организованную), относящуюся ко второму, более высокому классификационному уровню.

Причем сразу же внесем ясность: использование термина «простая» преступность не означает понижения сложности методики расследования данных преступлений. В этом смысле методика расследования, например, серийных убийств, совершенных лицами с психическими отклонениями, является исключительно сложной и трудоемкой. В частности, практика свидетельствует, что расследование подобных преступлений отличается не только сложностью и огромной трудозатратностью, но и весьма длительными сроками их раскрытия. Поэтому основное отличие преступлений первого уровня заключается в другом.

Традиционные криминалистические методики расследования полностью базируются на уголовно-правовых признаках. Правда, в отдельных ситуациях кроме указанных признаков могут использоваться и иные, сугубо криминалистические, не входящих в конкретный состав соответствующего вида преступления. Например, вполне очевидны криминалистические различия в формировании следов при карманной краже и краже груза из вагона.

Поэтому частные методики расследования указанных краж будут существенно различаться. Тем не менее главная особенность

расследования данных преступлений заключается в том, что его объектом (предметом) выступает конкретное, единичное деяние (серия единичных однотипных деяний), запрещенное соответствующей нормой УК РФ. Этого утверждения не опровергает, на наш взгляд, даже то обстоятельство, что в ходе конкретного расследования традиционного преступления следователь может столкнуться с отдельными фактами совокупности преступлений. Но все равно речь идет о совокупности конкретных, единичных уголовных деяний и конкретных лицах, их совершивших.

Совсем другая основа конструирования криминалистических методик расследования комплексной, организованной преступности. Здесь говорят уже не о расследовании отдельных преступных деяний, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ, а о раскрытии широкомасштабного, сложно структурированного, высокоорганизованного криминального бизнеса, весьма искусно, завуалировано вплетенного в легальную систему (конкретные сферы) общественных отношений. При этом данная преступная деятельность характеризуется существенными особенностями по сравнению с традиционной преступностью.

Отмеченная выше специфика, как представляется, обуславливает необходимость, во-первых, признания целесообразности построения двухуровневой системы криминалистических методик, а во-вторых, признания тесной взаимосвязи криминологического и криминалистического аспектов в построении современных методик расследования наиболее опасных видов организованной, в том числе транснациональной, преступности.

Список использованных источников

1. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М.: Российское право, 1992. – 431 с.

2. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный

ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Протокол к Конвенции 1930 года о принудительном труде (Подписан в г. Женеве 11.06.2014) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Заключена в г. Женеве 07.09.1956) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6.2. Дифференциация правовых подходов к понятию жилища в российском законодательстве и трудности в их реализации в аспекте правоприменительной деятельности¹

Любая наука должна служить практике. Не является исключением и теория оперативно-розыскной деятельности.

В настоящей работе мы предпримем попытку исследовать возможности применения отдельных предписаний российского законодательства для проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – обследование), используя для этого соответствующие теоретические положения, нормы права, их толкование высшими судами Российской Федерации и позиции ученых по рассматриваемому и пограничным вопросам.

Так, на практике в рамках противодействия преступности зачастую возникает потребность проникновения сотрудников

¹ Автор – Н. С. Железняк.

оперативного подразделения в здание/помещение, которое может быть признано жилищем. Эти действия без серьезной правовой подготовки могут быть признаны нарушающими конституционные права граждан¹, а их результаты с точки зрения доказывания – юридически ничтожными. Краеугольным камнем существующей проблемы выступает потребность правоприменителя в четком понимании сущности объекта, который в соответствии с российским законодательством относится к жилищу.

В рамках осуществления правоохранительных процедур все вроде бы ясно – при наличии оснований получайте соответствующее судебное разрешение на ограничение рассматриваемого конституционного права и действуйте согласно наработанным оперативно-розыскным методикам² для получения требуемого результата. Однако до настоящего времени законодателем не до конца урегулирован вопрос об отнесении тех или иных помещений к категории жилища. В различных законодательных актах одинаковой юридической силы определение понятия жилища существенно отличается друг от друга.

Предписание ст. 2 «Основные понятия» Закона РФ от 25 июня 1993 года № 5242–1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» связывает понятие жилища (здесь и далее выделено мной. – Н. Ж.) с такими категориями, как *собственник, наниматель, наличие иных законных оснований, регистрация по месту жительства*.

В ст. 15 «Объекты жилищных прав» Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) и Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) представлены совершенно одинаковые дефиниции, которые связывают характеристику **жилого помещения** с его *изолированностью, принадлежностью к недвижимому имуществу, пригодностью для постоянного проживания граждан, обусловленной санитарными*

¹ В ст. 25 Конституции РФ зафиксировано: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

² К сожалению, приходится констатировать, что «Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» [10] имеет невысокий методический ресурс, так как не регламентирует вопросы проникновения в жилище, описывает только гласную форму такого мероприятия, не отвечает на целый ряд проблемных практических вопросов и не ориентирована на ОРД.

и техническими правилами и нормами, иными требованиями законодателя. Однако в этих законодательных актах ключевым термином выступает не жилище, а жилое помещение.

В примечании к ст. 139 УК РФ под жилищем понимается *«индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания»*.

Согласно п. 10 ст. 5 УПК РФ к жилищу относится *«индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания»*.

Таким образом, в первом из законодательных актов, ориентированных на уголовную юстицию, к жилью относятся объекты, входящие в жилищный фонд и пригодные для постоянного или временного проживания, или не входящие в него, но предназначенные для временного проживания, во втором – используемые для постоянного или временного проживания, независимо от принадлежности к жилому фонду¹.

Семантический анализ выделенных выше терминов позволяет судить о том, что пригодный – нужный, полезный, годящийся для чего-либо; предназначенный – определенный для какой-нибудь цели; используемый – употребляемый с пользой. Значит, два первых понятия говорят о предназначении объекта для постоянного или временного проживания, последнее – об его использовании в этих целях. Исходя из отмеченного различия, можно сделать вывод: в первом из законодательных актов акцент сделан на предназначение и пригодность объекта для проживания, во втором же – на его утилитарность, что позволяет отнести к жилью, например, шалаш, землянку, собачью конуру, участок теплотрассы и т. п.

В ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) термин «жилище» (без расшифровки его содержания) употребляется в ч. 1 ст. 5, ч. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 9, а словосочетание

¹ Существование этой проблемы автор отмечал и ранее, см.: [4; с. 189].

«жилое помещение» (также без расшифровки его содержания) – в ч. 3 ст. 15.

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ о полиции) «жилище» (без расшифровки его содержания) упоминается в п. 14 ст. 13 и ч. 1 ст. 15, «жилое помещение» (также без расшифровки его содержания) – в названии ст. 15 и ее ч. 2–8, названии ст. 16 и ее ч. 4, ч. 3 ст. 23, ч. 1 ст. 44.

С учетом взаимозаменяемости рассматриваемых лексических категорий, содержащихся в предписаниях этих двух законов, можно полагать, что в них термины «жилище» и «жилое помещение» используются как синонимы.

Таким образом, исследование положений законодательства применительно к определению упомянутого в ст. 25 Конституции РФ понятия «жилище» позволяет сделать вывод о вариативности подхода к нему законодателя или вообще отсутствию необходимого определения понятия, что создает предпосылки для неоднозначной оценки авторами¹ и использования правоприменителем рассматриваемых юридических норм.

И хотя существуют различные мнения ученых относительно понятия категории «жилище»², пока вопрос об отнесении того или иного помещения к жилому решается путем принятия актов высших судов РФ.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ 12 октября 2005 года вынесла решение, в котором, в частности, отметила: «Согласно положениям Федерального закона от 20 марта 2001 года № 26-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод" **под жилищем понимается:** 1) индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями; 2) жилое помещение независимо от формы собственности,

¹ Например, в конституционном праве «комплекс недвижимости, находящийся на земельном участке, принадлежащем собственнику, в который входят непосредственно жилой дом и *отдельно стоящие нежилые помещения* (сарай и гараж), как огороженная отдельно частная собственность охраняется режимом неприкосновенности и охватывается понятием «жилище» [5].

² См., например: В уголовном процессе к жилищу должно быть отнесено «любое помещение или строение, не только предназначенное, приспособленное для временного проживания, но и используемое для проживания [18; с. 7]; Признак используемости приводит к необоснованному расширению понятия «жилище». Так, для временного проживания возможно использовать коридоры, крыши, естественные укрытия природы (пещеры) [3; с. 19].

входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания; 3) иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания» [12].

Другая позиция представлена в одном из решений Конституционного Суда РФ: «В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации ... установлено, что к понятию «жилище» относятся индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания (п. 10 ст. 5).

По смыслу названной нормы, условием отнесения к жилищу нежилых помещений и строений, не входящих в жилой фонд, является факт их использования для временного проживания. Сама по себе данная норма направлена на обеспечение реализации ст. 25 Конституции Российской Федерации в сфере уголовно-процессуального законодательства, *не исключает гарантии неприкосновенности в отношении хозяйственных построек, находящихся на территории индивидуального домовладения*, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права...» [9].

Сравнительно-правовой анализ норм различных законодательных актов применительно к категории «жилище» и толкования сущности этого термина высшими судами Российской Федерации приводит к выводу о необходимости четкого осознания правоприменителем содержания этого понятия и обнаружения юридически грамотного выхода из существующей ситуации.

Рассмотренная нами выше вариативность подхода к сути жилища, а также существующая оперативно-розыскная практика подтверждают мысль о том, что в сегодняшних реалиях зачастую возникают практические проблемы, связанные с тем, что конкретный вид деятельности регулируется предписаниями разных, но равных по уровню нормативных правовых актов. В этом случае подавляющее число правоприменителей традиционно используют те правовые положения, которые их больше удовлетворяют. В связи с этим возникают ситуации, когда проведенное сыщиком в конкретных условиях мероприятие оценивается им как правомерное, однако иные участники правоохранительного процесса (в первую

очередь, надзирающий прокурор, защитник) придерживаются диаметрально противоположной точки зрения. Что касается судьи, то практика показывает отсутствие у него в большинстве случаев собственной позиции. Поэтому в данных обстоятельствах он скорее всего будет придерживаться линии одной из сторон, кажущейся ему наиболее обоснованной. Однако такая позиция зачастую может противоречить если не букве, то духу закона или элементарным законам логики.

Например, в тексте Постановления Конституционного суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П [13] *определены два правила разрешения конкуренции норм в отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы. Первое правило* формулируется как *«lex posterior derogat priori»* («последующий закон отменяет предыдущие»). Это означает, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон. *Второе правило* прописано следующим образом: *«вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений»*.

Осуществим попытку применить данные правила к рассматриваемой нами ситуации.

Первое правило, гласящее о приоритете предписаний закона, принятого позже предыдущих, регулирующих данные отношения (или упоминающих о них), примененное к понятию жилища, позволяет сделать вывод о том, что из рассмотренных нами кодифицированных законодательных актов: УК РФ (1996), УПК РФ (2001), ГК РФ (1994) и ЖК РФ (2004) самым «свежим» представляется Жилищный кодекс Российской Федерации. А это, наверное, означает, что именно определение понятия «жилище (жилое помещение)» может быть положено в содержание этого объекта при осуществлении любых (в том числе оперативно-розыскных) мер и действий.

Использование второго правила о приоритете закона, специально предназначенного для регулирования соответствующих отношений (*независимо от времени принятия*), к сожалению, тоже не дает четкого ответа на поставленный вопрос.

С одной стороны, сущность жилища (жилого помещения) прямо раскрыта в ЖК РФ (ч. 2 ст. 15), и это вроде бы должно означать приоритет данного предписания над положениями иных

законодательных актов, поскольку именно ЖК РФ регулирует отношения применительно к категории «жилище»¹, с другой – ЖК РФ упорядочивает лишь вопросы частного, а не публичного права, к которому относится полицейская деятельность. ФЗ об ОРД и ФЗ «О полиции» вообще не дают определения искомого понятия, нормы УК РФ (примечание к ст. 139) и УПК РФ (п. 10 ст. 5), имеющие существенные противоречия и не позволяющие однозначно определить содержание категории «жилище», регулируют отношения в области уголовной юстиции и должны использоваться при осуществлении квалификации преступления и уголовно-процессуальных действий. И это позиция не только автора настоящей работы [15, с. 10–13].

Так, И. А. Одношевин справедливо отмечает, что «специфика предметов правового регулирования в различных областях права не позволит сформулировать универсальное определение понятию "жилище", которое могло бы использоваться на практике во всех отраслях правоприменения» [11, с. 12–14].

И если перед нами, как исследователями, после достаточно глубокой проработки российского законодательства и его толкований высшими судами РФ применительно к категории «жилище» опять возникает пелена неясности, может быть, проще разобраться с позиций науки, определив в этой проблеме соотношение норм материального и процессуального права? Для начала процитируем высказывания некоторых авторов, изучавших проблему соотношения материальных и процессуальных норм в различных отраслях российского права.

Материальное и процессуальное право в качестве компонентов правового строения всегда признавались и на доктринальном, и на профессионально-практическом, и на учебном уровнях.

Нормы материального права (и соответствующие отрасли) закрепляют правовое положение лиц и имущества, отношения собственности и другие неимущественные отношения, определяют структуру, компетенцию и порядок деятельности различного рода государственных органов, учреждений, устанавливают основания и пределы ответственности за правонарушения и т. д. Материальное право имеет свои, присущие ему, процессуальные формы. Оно устанавливает условия и основания возникновения процессуального права. Процессуальные нормы (институты,

¹ Правда, в жилищной сфере.

подотрасли, отрасли) регулируют общественные отношения, возникающие в процессе реализации норм всех отраслей права, определяют права и обязанности субъектов процессуально-правовых отношений, закрепляют порядок и процедуры применения норм материального права [1].

Вполне естественно, что содержание материально-правовых институтов в какой-то мере предопределяет содержание институтов данной процессуальной отрасли.

Именно поэтому и говорят, что материальное и процессуальное право соотносятся как содержание и форма. Существование процессуального права и в самом деле немислимо в отсутствие права материального (хотя в отношении отдельных норм и могут встречаться обусловленные «рукотворностью» юридической ткани дефекты несоответствия, несоординированности, избыточности или вовсе отсутствия). В свою очередь, материальное право, хотя теоретически и возможно без права процессуального, на практике даже если и будет существовать, то уж в любом случае не действовать, поскольку останется неосуществленным, следовательно, и невостребованным [17, с. 164–171].

Материальные нормы получают реализацию только посредством судебной правоприменительной деятельности. Порядок судопроизводства выступает правовым средством, обеспечивающим приведение их в действие [16, с. 211–227].

Процессуальные нормы права (в отличие от материальных) не регулируют ни экономических, ни политических, ни каких бы то ни было иных отношений, а лишь закрепляют процессуальные формы (процедуру, правила, порядок) осуществления и защиты предусмотренных материальными нормами прав. В юридической литературе материальные нормы права вполне обоснованно считаются как бы первым слоем права, правовой основой общества и государства, а процессуальные – как бы вторым слоем, определяющим юридические способы охраны, защиты, поддержания и восстановления первого слоя [8].

Вопрос о характере дисбаланса между материальным и процессуальным законодательством сводится к ответу на другой вопрос: что же из них первично? Все-таки, несмотря на аргументы защитников процессуального права, приписывать процессуальным нормам «самостоятельной содержательной ценности» и отрицать их зависимость от норм материального права все же сложно. Следовательно, и дисбаланс в этих отношениях практически

всегда будет односторонний – чаще всего можно говорить о том, что процессуальное законодательство в целом или в том или ином аспекте не соответствует материальному, но не наоборот [2, с. 5–12].

Позволим себе предположить, что материальное и процессуальное право в обобщенном качестве, как правовые массивы системы права, должны рассматриваться не столько в «одноплоскостном», сколько в иерархическом ракурсе с позиций общего (но не абсолютного) примата материальных поведенческих правил над процессуальными [6, с. 60–63].

По вопросу коллизии между нормами материального и процессуального права О. Э. Лейст на примере уголовного и уголовно-процессуального права отмечает: «Достаточно очевидно, что нормы уголовного права не могут применяться вне рамок уголовного процесса, равно как и последний теряет смысл, если его предметом не является применение точно обозначенных уголовно-правовых норм». Далее он предлагает считать процессуальным правом нормы, определяющие порядок, процедуру, форму реализации или охраны норм материального права, объясняя, что материально правовые нормы указывают «что делать», а процессуально-правовые нормы – «как делать» [7].

Данные тезисы позволяют предположить, что с точки зрения юридической доктрины нормы материального права не только первичны по своему происхождению, но и приоритетны по своему значению относительно норм процессуального права. Это означает, что в случае коллизии между нормами материального и процессуального права, обладающими равной юридической силой, ведущая роль должна признаваться за правом материальным¹.

В подтверждение позиций указанных ученых Конституционный суд РФ в одном из своих решений [14] отметил следующее: «Определение оснований и условий применения принудительных мер медицинского характера... находится в сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений. Следовательно, с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации... должны быть согласованы и соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹ Как мы видим, все из упомянутых исследователей убеждены, что первостепенными являются материальные предписания, процессуальные же имеют обеспечительное значение.

Представленное доктринальное понимание оперативно-розыскной науки, соотношения рассматриваемых отраслей права и многочисленных экспертных заключений, а также потребности оперативных подразделений в однозначном и понятном определении категории «жилище» при проведении ОРМ «Обследование» дают основания полагать, что:

1) оперативно-розыскная наука исследует те явления действительности, а также общие и специфические закономерности их возникновения и развития, познание и использование которых позволяет не только разрабатывать фундаментальные проблемы в этой области, но и формировать политику правоприменения в решении задач профессионального сыска;

2) нормы материального права имеют безусловное преимущество над процессуальными предписаниями;

3) в ситуации оперативно-розыскного проникновения в жилище приоритетным должно выступать положение УК РФ, определяющее жилище как «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания»;

4) с целью единообразного понимания и использования в сфере уголовной юстиции рассматриваемой категории необходимо заменить указанной формулировкой определение понятия «жилище», содержащееся в п. 10 ст. 5 УПК РФ.

Список использованных источников

1. Батычко В. Т. Теория государства и права в вопросах и ответах: курс лекций. – Таганрог: ТРТУ, 2005. – 73 с.

2. Белоусов С. А. Материальные и процессуальные нормативные предписания в системе российского законодательства: диалектика взаимосвязи и проблемы разбалансированности // Современное право. – 2015. – № 12.

3. Винокуров, В. Н. Значение непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, для определения

понятия «жилище» / В.Н. Винокуров, В.Н. Шелестюков // Уголовное право. – 2006. – № 1.

4. Железняк Н. С. О законодательном регулировании обследования жилища // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов международной научно-практической конференции (16–17 февраля 2006 г.): в 2 ч. / отв. ред. С.Д. Назаров. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2006. – Ч. 2. – 284 с.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. – 1008 с.

6. Кудрявцева Т.С. Некоторые проблемы классификации и применения материальных и процессуальных норм (на примере отдельного трудового спора) // Трудовое право. – 2009. – № 3.

7. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томилова. – М.: Зерцало, 2008. – 452 с.

8. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 2. – М.: Проспект, 2016. – 640 с.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Светланы Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2005 № 166-О.

10. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (с изменениями и дополнениями): приказ МВД России от 01.04.2014 № 199.

11. Одношев И.А. Понятие «жилище» и его значение для уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6.

12. По делу № 14-Г05–25: определение Верховного Суда РФ от 12.10.2005.

13. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление от 29.06.2004 № 13-П.

14. По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Перова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана: постановление от 21.05.2013 № 10-П.

15. Помазкова С. И. О понятии жилища и его значение для законности современного сыска // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 1 (2).

16. Уксузова Е. Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lex russica. – 2014. – № 2.

17. Худояров Б. Т. О некоторых вопросах применения норм материального и процессуального права в семейно-правовых отношениях // Юридические науки: Вестник Пермского университета. – 2014. – № 1.

18. Янкин А. Н. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 24 с.

Глава 7

Криминалистическая характеристика преступления в методике раскрытия неочевидных событий, имеющих признаки преступления¹

Трудно найти в криминалистической науке понятие, которое со времени его появления в понятийном аппарате науки рассматривалось как в качестве достижения научной мысли, так и подвергалось критике до полного отрицания. Возникновение криминалистической характеристики преступления (КХП) было связано со становлением системно-структурного и деятельностного подходов к формированию теории криминалистики, разработке на основании теории прикладных, практико-ориентированных криминалистических методов, направленных на раскрытие преступлений. Поэтому появление КХП нужно рассматривать не как субъективное желание отдельных исследователей, а как объективную потребность. Наиболее остро в КХП нуждалась методика расследования преступлений, изучающая структуру процесса расследования и разрабатывающая общие (стратегические) и частные (тактические) направления в деятельности органов дознания и следствия. Становление понятия КХП в теоретическом отношении, определение его назначения, структуры и содержания сделали возможным проведение целого ряда эмпирических исследований, результаты которых оформлялись в виде криминалистических характеристик отдельных видов и групп преступлений.

¹ Автор – А. И. Баянов.

Одной из самых первых и наиболее детальных КХП стала характеристика убийств, совершенных в условиях неочевидности, разработанная Л. Г. Видоновым. Данные КХП он увязывал в систему типовых версий, в которых объяснялись отдельные параметры возможных преступников. Таким образом, КХП была ориентирована на установление личности преступника, что свидетельствовало о ее направленности на раскрытие преступления. В юридической литературе стали появляться публикации практических работников, свидетельствовавшие об эффективности КХП для раскрытия и расследования преступлений [5, с. 7–8, 83–85]. Однако число таких публикаций было небольшим, а в дальнейшем они прекратились. Несмотря на издержки, которые возникали при использовании данных КХП, ученые «наращивали» исследования, касающиеся как теоретических, так и прикладных аспектов изучаемого явления. Практически нельзя встретить ни одной диссертационной или монографической работы в области методики расследования преступлений, в которых бы не изучалась криминалистическая характеристика преступления. На волне научного оптимизма отдельные сигналы о некоторых возникающих проблемах, связанных с использованием КХП в практике расследования преступлений, либо не замечались, либо объяснялись недостаточным уровнем ее теоретического развития. К устранению имеющихся пробелов привлекали новые силы, расширялся объем, структура и назначение КХП. Однако фундаментальные и частные исследования теоретических проблем КХП не приводили к видимым изменениям в области ее практического использования. Среди ученых (вслед за практическими работниками) стали появляться скептические настроения, которые привели к тому, что концепция формирования КХП и ее прикладные варианты в виде КХП отдельных видов и групп преступлений стали подвергаться не только критике, но и впоследствии полностью отвергаться.

Первые серьезные критические замечания были высказаны Р. С. Белкиным, И. Е. Быховским, А. В. Дуловым в совместной статье «Модное увлечение или новое слово в науке». Подводя итог достигнутому результату, ученые-криминалисты писали: «Содержание КХП толкуется произвольно, представление о ее практической значимости явно гипертрофируется; на глазах она превращается в некую панацею для решения всех проблем криминалистической методики» [1, с. 56]. Далее они указывали на то, «что многочисленные описания криминалистической характеристики приобретают

всё новые и новые составляющие при отсутствии в большинстве случаев связей между ними и даже самой доказанности их существовании практической значимости» [1, с. 57].

Одновременно на недостатки научных и практических разработок КХП обращал внимание В. Я. Колдин. Он указывал на необходимость четкого определения теоретического содержания и методологических функций КХП, без которых она теряет какой-либо теоретический и практический смысл [7, с. 63–65]. Несмотря на критические замечания видных ученых-криминалистов, в научных исследованиях, посвященных КХП, серьезных изменений не происходило. Спустя некоторое время концепция формирования КХП на примере результатов исследования, проведенного Л. Г. Видоновым, была подвергнута детальной критике со стороны А. М. Ларина. Несмотря на острый и порой неэтичный характер критики, отдельные замечания, высказанные А. М. Лариным, касающиеся концепции построения КХП, основанные на выявлении статистически-вероятных связей между отдельными элементами «неочевидных» убийств, на наш взгляд, не лишены оснований. А. М. Ларин справедливо обращал внимание на следующие вызывающие озабоченность обстоятельства: во-первых, при выявлении статистических связей между отдельными элементами преступных событий «чрезвычайно важно определить репрезентативную совокупность исследуемых преступлений и выбрать правильно временной период, в течение которого они совершались»; во-вторых, можно ли считать допустимым непользование полученных результатов в практической деятельности на примере одного региона, при расследовании аналогичных преступлений в других регионах страны без учета многообразия социальных, культурных, экономических, национальных и т. п. факторов; в-третьих, установленные статистические связи между отдельными элементами вида, группы преступлений могут не проявляться в отдельно взятых преступлениях [13, с. 116–127].

Спустя четыре года после выхода в свет работы А. М. Ларина, Р. С. Белкин призвал вообще отказаться от использования понятия КХП, поскольку оно, по его мнению, не оправдало надежд ученых и практиков, и превратилось в иллюзию, в криминалистический фантом [2, с. 11–12]. Крайняя и резкая позиция Р. С. Белкина, скорее всего, является результатом анализа того состояния, в котором находилась КХП, а также существовавших в тот период времени подходов и направлений в научных исследованиях

криминалистических закономерностей преступных деяний. Отметим, что точка зрения Р.С. Белкина не разделялась всем научным сообществом. Понятие КХП продолжало широко использоваться и используется как в научной, так и в учебной литературе последних лет [3; 10; 11; 12]. К сожалению, основные недостатки в формулировании концепции КХП, отмеченные в прошлые годы, остаются без существенного разрешения. На это обстоятельство ещё раз обратил внимание В.Я. Колдин: «Обобщая систему опубликованных в развитие этой концепции работ, следует констатировать, что в настоящее время нет оснований говорить о наличии целостной, непротиворечивой и научно обоснованной концепции, которая могла бы эффективно использоваться в методологии криминалистики, практической деятельности и подготовке специалистов. Об этом свидетельствуют её существенные недостатки общенаучного, системного и функционального порядков» [11, с. 39].

При разрешении теоретических и практических проблем КХП прежде всего необходимо определить её функциональное назначение, область практического применения, а при построении научной концепции – выделить основные уровни криминалистического познания (анализа) преступных деяний (уровни КХП). Функциональное назначение КХП со времени начала её использования в системе криминалистического знания рассматривалось достаточно широко, начиная от построения и оптимизации методики расследования, планирования расследования, организации и проведения следственных действий до построения высоковероятных версий [6, с. 15]. Постепенно преобладающей становится точка зрения, рассматривающая функциональное назначение КХП в качестве информационной основы (теоретического основания) для построения наиболее вероятных (типичных) версий по расследуемому уголовному делу [9, с. 52, 350]. Такой подход нам представляется правильным и соответствующим месту КХП в системе научного знания и практической деятельности.

Что касается сферы (области) применения КХП в системе правоохранительной деятельности, то заметим, что она также рассматривается достаточно широко и включает в себя «предупреждение, выявление, раскрытие, расследование и даже судебное исследование». Такой подход, наряду с неоднозначностью функционального назначения, приводит к перенасыщению КХП массой данных, усложняет её структуру и размывает содержание. КХП становится «нетехнологичной», то есть трудно воспринимаемой

и понимаемой особенно для практических работников, что приводит к затруднениям в ее применении. Мы присоединяемся к позиции ученых, которые ограничивают сферу практического применения КХП только раскрытием преступления (точнее, события, имеющего признаки преступления). Раскрытие является начальным этапом процесса предварительного расследования в «неочевидных» ситуациях, которые характеризуются отсутствием данных не только о лице, причастном к наступлению преступных последствий, но и о сущности произошедшего события. Важность задачи по раскрытию расследуемого события вытекает из целого ряда положений УПК РФ. Так, ч. 2 ст. 21 УПК РФ обязывает прокурора, следователя, орган дознания, дознавателя в случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. В случаях отсутствия события преступления возбужденное уголовное дело подлежит прекращению (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а при неустановлении лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, предварительное следствие приостанавливается (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). При этом (в соответствии с ч. 5 ст. 208 УПК РФ) должны приниматься меры по розыску либо установлению лица, совершившего преступление. Неочевидные ситуации в начальный период расследования характеризуются дефицитом информации, на основе которой могут быть построены следственные версии, объясняющие сущность расследуемого события и указывающие на личность возможного преступника. Существующий дефицит информации, необходимой для построения следственных версий, восполняется за счет привлечения данных, содержащихся в КХП, которые аналогичны расследуемому событию. При этом указанные данные имеют определяющее значение при построении типичных следственных версий. На такую особенность при построении типичных следственных версий справедливо указывается в юридической литературе [4, с. 140–141]. Что касается «очевидных» ситуаций, в которых совокупность фактических данных на первоначальном этапе расследования дает основание выдвигать обоснованные следственные версии, указывающие на причастность к совершению преступления конкретных людей и объяснять характер конкретного расследуемого события, то их построение не требует привлечения данных КХП. Очевидные ситуации имеют фактическое основание для расследования и не требуют

раскрытия характера события и установления личности возможного преступника.

Для разработки концептуальных основ КХП нужен не только учет её назначения и области применения в правоохранительной деятельности, но и выделение различных уровней в криминалистическом познании преступных деяний. Выделение уровней КХП предполагает постановку научных и практических задач, использование соответствующих поставленным задачам методов исследования и разработку рекомендаций, направленных на применение полученных знаний в научной и практической деятельности. Проведение научных исследований без четкого выделения предмета (уровня КХП), как показывают отдельные научные разработки, приводит к путанице; отсутствие конкретики в полученных результатах ведет к дискредитации самой идеи. В системе криминалистического знания, имеющего своим предметом преступное деяние, прежде всего необходимо выделить два направления: научное и практическое. На необходимость разграничения указанных направлений обращает внимание В. Я. Колдин, когда говорит о разделении методологии теоретического и практического познаний [11, с. 39]. Научное направление в познании криминалистической сущности преступного деяния состоит из трех уровней: методологического, теоретического и методического (технологического). Каждый из указанных уровней создается для решения строго определенных, присущих только ему задач и соответственно этим задачам имеет назначение, структуру и содержание.

Методологический уровень КХП предполагает определение общих подходов (в виде установок) для проведения научных изысканий при исследовании как отдельных преступных событий, так и их совокупностей, а также устанавливает общие правила при использовании полученных знаний в практической деятельности. На методическом уровне определяются условия, назначение, область применения КХП, устанавливаются методы исследования преступных деяний. Общее направление методологического подхода при формировании КХП, как нам представляется, должно быть направлено на формирование идеологии и создание методики преодоления дефицита информации о расследуемом событии, характерного для начального периода расследования преступлений в условиях «неочевидных» ситуаций.

На базе методического формируются теоретический и методический уровни КХП. Теоретический уровень КХП должен

быть представлен в виде системно-структурного описания криминалистической сущности преступного события, безотносительно к отдельным его видам и группам. Он может рассматриваться в качестве теоретической криминалистической модели преступного события. В её структуру включаются не только основные элементы (личность преступника, потерпевшего, способ, время, место, обстановка и т. д.), но прежде всего установленные закономерные, имеющие высокий уровень детерминации, связи, подтвержденные статистическими данными (например, способ совершения → личность преступника; личность потерпевшего → личность преступника; место совершения преступления → личность преступника и т. п.). Кроме элементов события преступления в структуру теоретической криминалистической модели обязательно должны включаться последствия события в виде его следов (материальных и идеальных), так как любой процесс расследования начинается при условии обнаружения последствий события, имеющего признаки преступления. Благодаря установленным и систематизированным в теоретической криминалистической модели закономерным связям появляется возможность выдвигать типовые (высоковероятные) предположения о сущности произошедшего события и лице, причастном к наступлению преступных последствий (например: следы на трупе человека → способ убийства → типичные характеристики убийцы и т. п.).

Теоретический уровень КХП является необходимой частью криминалистического знания о преступном деянии и служит основанием для разработки методического уровня КХП, непосредственно обеспечивающего построение следственных версий в процессе расследования уголовного дела. Методический уровень представляют типовые криминалистические характеристики преступления. Использование теоретического уровня КХП в процессе расследования преступлений возможно, но неэффективно по причине высокой степени абстрагирования.

Методический уровень КХП, основываясь на криминалистической теории преступления, конкретизирует её положения применительно к отдельным видам и группам преступлений. Объединение преступлений по видам и группам происходит по различным основаниям: характер наступивших последствий, вид объекта преступного посягательства, способ, место совершения преступления и т. п. При этом, чем меньше по объему

преступлений образующая группа, тем более эффективно будут использоваться данные КХП. Структура типовой КХП с учетом ее назначения должна включать такие элементы преступлений, которые имеют высокий уровень связей с характеристиками личности возможного преступника, и служить основанием для построения высоковероятных версий, касающихся сущности произошедшего события. Иные обстоятельства преступления, которые не имеют таких связей, включать в состав типовой КХП нет необходимости. Они не имеют практического значения и неоправданно перегружают ее конструкцию.

Практическое направление в познании преступного события представлено индивидуальной КХП. Существование индивидуальной КХП оспаривается рядом криминалистов, и часто её рассматривают в качестве информационной модели расследуемого события [3, с. 47]. Такой подход представляется непродуктивным. Индивидуальная КХП формируется на основе расследованного преступления, обстоятельства которого не носят массовый характер, имеют исключительные признаки, не совпадающие с групповыми. Что касается иных преступлений, имеющих только типовые характеристики, то для таких преступлений формирование индивидуальной КХП теряет смысл. Следственная практика знает множество примеров, когда при раскрытии некоторых преступлений не работали типовые рекомендации. И только настойчивость оперативных служб, стечение случайных обстоятельств и ошибки, допущенные преступником, позволяли раскрывать преступления, которые не укладывались в общие типовые схемы. В отечественной следственной практике имеются и иные примеры, когда многолетняя работа не приводила к положительному результату, а расследуемые события, имеющие признаки преступления, оставались нераскрытыми. Достаточно указать на дело о гибели группы Дятлова в Свердловской области.

Поскольку такого рода события происходят и будут происходить, то нельзя не обращать на них внимания. Наоборот, внимательное изучение подобных, но раскрытых преступлений, исследование логики действий преступника и особенностей следовой картины нужно рассматривать как важную задачу криминалистики. Поэтому создание банка данных подобных преступлений и выделение их индивидуальных КХП необходимо, поскольку со временем происходит постепенный переход индивидуальных по характеру преступлений в массовое явление.

В заключение предлагаем обратить внимание на основные выводы:

1) при формировании КХП необходимо исходить из проблемных вопросов следственной практики и прежде всего из наличия дефицита необходимой информации, характерной для «неочевидных» ситуаций;

2) рекомендуем КХП рассматривать в качестве структурного элемента процесса построения следственных версий;

3) назначение КХП заключается в информационном обеспечении процесса раскрытия преступлений и только для построения высоковероятностных версий;

4) область использования КХП нужно ограничить раскрытием преступлений (точнее событий, имеющих признаки преступлений);

5) при формировании КХП необходимо учитывать отдельные её уровни. Их смешение приводит к размыванию структуры и содержания КХП и потере практического значения.

Список использованных источников

1. Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке (Ещё раз о криминалистической характеристике применения) // Социалистическая законность. – 1987. – № 9.

2. Белкин Р. С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. – Тула: ТГУ. – 2000.

3. Бессонов А. А. Основы криминалистического учения об исследовании криминалистической характеристики применения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 256 с.

4. Грибунов О. П. Особенности версионной работы по делам о преступлениях против собственности, совершаемых на транспорте. // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4.

5. Гусев С. И. О возрастающем значении науки и техники в работе следственного аппарата по раскрытию и расследованию преступлений // Следственная практика. – 1979. – Вып. 121.

6. Драпкин Л. Я., Карагодин Л. Я. Криминалистика: учебник. – М.: Проспект, 2013. – 768 с.

7. Ермалович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. – Минск: Амалфея, 2001. – 304 с.

8. Комаров В.И., Побединский Ф.В. Из опыта организации работы прокуратуры АССР, краев и областей РСФСР по применению научно-технических рекомендаций против личности // Следственная практика. – 1983. – Вып.138.

9. Колдин В.Я. Криминалистические знания о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. – 1987. – № 2.

10. Криминалистика: в 5 т. Т. 1. Методика расследования преступлений: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / Н.П. Яблоков. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 205 с.

11. Криминалистика: в 5 т. Т. 2. Методика расследования преступлений: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / В. Я. Колдин, С.А. Смирнова, О.А. Крестовников. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 167 с.

12. Криминалистика: в 5 т. Т. 5. Методика расследования преступлений: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / И.В. Александров, Н.П. Яблоков, А.А. Беяков, В.Н. Карагодин и др.; под общ. ред. И.В. Александрова. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 242 с.

13. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика: научно-практическое и учебное пособие. – М.: БЕК, 1999. – 192 с.

Глава 8

Отдельные вопросы частных криминалистических методик

8.1. Способ уклонения от уголовной ответственности в криминалистической методике¹

Более полувека тому назад проблемы борьбы с преступностью и задачи науки криминалистики по их разрешению побудили ученых всесторонне изучить феномен способа совершения преступления, определить и обосновать его криминалистическое понятие и внутреннюю архитектуру и экстраполировать результаты познания в деятельность органов предварительного расследования и правосудия по уголовным делам.

Способ совершения преступления, научно разработанный его основоположником Г.Г. Зуйковым как частное криминалистическое учение, давно и прочно занял свое место в системе элементов методики расследования отдельных видов преступлений. А это позитивно сказывается на уголовном судопроизводстве в целом.

Наряду с действиями по совершению криминала правонарушители нередко, как показывает практика, осуществляют разнообразные, разноплановые действия, направленные на избежание уголовной ответственности.

Замышляя противоправное деяние, субъект всегда ставит для себя две задачи (цели): первую – посредством избранного способа действий удачно совершить преступление с наступлением

¹ Автор – П.Г. Великородный.

желаемых последствий (результата); вторую – предотвратить возможность уличения в содеянном и наказания за него. Для этого он планирует и реализует и тайное сокрытие следов преступления, и открытое противостояние, воспрепятствование расследованию и установлению действительной картины события. Рассмотрим кратко категории сокрытия и воспрепятствования¹.

Исследование способа сокрытия преступления, последовавшее за его совершением, содержало разработку его структуры и определение места в преступной деятельности. Учеными были сформулированы различные, но во многом сходные дефиниции понятия способа сокрытия деяния. Приведем одну из них.

По синтезированному определению корифея криминалистической науки Р.С. Белкина, «сокрытие преступления – деятельность (элемент преступной деятельности), направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей». Он отмечал, что эта деятельность осуществляется различными способами сокрытия преступления [1, с. 234–235].

Сложилась неоднозначные взгляды ученых на место способа сокрытия деяния в преступной деятельности. Г.Г. Зуйков, Т.М. Арзуманян, Э.Д. Куранова, И.Ш. Жордания, Н.А. Сенчик, В.В. Тищенко, И.Я. Моисеев и др. явились сторонниками такой точки зрения: способ сокрытия преступления входит в структуру способа его совершения.

В.П. Колмаков, И.М. Лузгин, В.Г. Танасевич, В.П. Лавров, И.Ф. Пантелеев, В.Х. Меркурисов, Б.Б. Рыбников и др. высказались за самостоятельность способа сокрытия преступления как элемента криминальной деятельности, т. е. находящегося вне рамок способа совершения деяния.

Однако всеми учеными способ сокрытия преступления изучался сам по себе, без обоснованной увязки его с воспрепятствованием расследованию и без указания цели сокрытия.

Не лишенный провидческого дара Г.Г. Зуйков, был более близок к истине, предложив называть способ сокрытия преступления способом уклонения от ответственности. И аргументировал это тем, что уклонение является доминирующей целью действия

¹ Используемые в тексте термины «воспрепятствование», «противостояние», «противодействие», «противоборство» принимаются как равнозначные.

по сокрытию [4, с. 52–53]. Забегая вперед – то же самое можно сказать и о противодействии расследованию.

Под противодействием расследованию В. Н. Карагодин – пионер этой частной теории – понимает «умышленные действия (систему действий), направленные на воспрепятствование установлению действительных обстоятельств, характера расследуемого события, вины его участников, личности и степени вины субъектов совершенного преступления и принятию справедливого решения по уголовному делу» [5, с. 242].

Нетрудно заметить, что в приведенных определениях Р. С. Белкина и В. Н. Карагодина отсутствует цель воспрепятствования: у первого – «расследованию путём...», у второго – «установлению действительных обстоятельств...».

Между тем сокрытие следов преступления и противодействие расследованию, имеющие направленность на воспрепятствование органам следствия и суда установить истину по делу, объединены общим противоправным замыслом и одной, общей, целью – уклониться от уголовной ответственности, избежать судебной кары.

Да и само сокрытие следов, по большому счету, можно трактовать как специфическую – негласную – разновидность противодействия расследованию, только осуществляемого тайно, в отсутствие процессуальных оппонентов и рассчитанного на будущее (на случай установления личности «автора» деяния).

Ранее нами уже отмечалось [3, с. 193–194], что в деятельности преступника нужно различать два временных периода: латентный и публичный. Первый содержит в себе доктринальный и криминальный этапы (стадии), неизвестные и недоступные правоохранителям и публике – сторонним гражданам. Именно этот период наиболее способствует тайности как подготовки к совершению преступления и его осуществления, так и сокрытия субъектом следов криминала, что являет собой предпосылку к уклонению от ответственности. Поэтому латентный период правонарушитель использует по максимуму, чтобы оставаться неизвестным.

Неблагоприятный для преступника публичный (посткриминальный) период начинается с обнаружения преступления и возбуждения уголовного дела [6, с. 49–50] и заканчивается вступлением в силу приговора осужденному.

В публичный период субъект, ставший уже «достоянием гласности» и находящийся в статусе подозреваемого – обвиняемого – подсудимого, в противостоянии со своими процессуальными

визави помимо приемов сокрытия следов и их носителей избирательно, с учетом ситуации, применяет (с целью ухода от ответственности) угрозу, оговор, шантаж, подкуп, обман, дачу взятки, психологическое давление, воспрепятствование свидетелям явки на допрос, отказ от дачи показаний или дачу ложных сведений, «блокирование» каналов передачи информации, физическую ликвидацию потенциальных изобличителей, ложное алиби, другие методы и уловки.

В публичный период подследственный индивид активно использует в противодействии служителям закона свои «заготовки» латентного периода: отсутствие и/или изменение на месте преступления следов либо предметов, на которых они могли быть; ложное алиби; убийство свидетеля, инсценированное под самоубийство, и др.

Результатом воспрепятствования расследованию может быть (и бывает) невозможность установления действительных обстоятельств произошедшего, т. е. неустановление истины по делу. А это исключает всякую ответственность гражданина за содеянное.

Напомним, что при производстве отдельных следственных и судебных действий в процессуальных документах должны фиксироваться (что и делается) сведения, свидетельствующие о сокрытии следов преступления и/или противодействии расследованию, к примеру: в протоколе осмотра места происшествия – резкий запах, исходящий от следов обуви (исключающий возможность применения служебно-розыскной собаки); в протоколе допроса свидетеля – шантаж или угроза ему со стороны подозреваемого и в чем конкретно это выразилось; в протоколе обыска – обнаруженные в квартире обвиняемого парик, маска для лица, средства для гримирования; в протоколе выемки – перечень и наименование документов, которыми высокопоставленный чиновник – подозреваемый – преступно приобретенную недвижимость оформил на жену и других родственников; в протоколе судебного заседания – вербальное противостояние подсудимого и др.

Накопление таких сведений будет неопровержимо подтверждать, что сокрытие следов преступления и противодействие расследованию осуществлено (осуществляется) умышленно с целью уклонения виновного лица от наказания.

Ученые-юристы и юристы-практики в своей работе иногда оперируют выражениями «уклонился от уголовной ответственности», «способ уклонения от ответственности», которым

в криминалистической науке не дано, к сожалению, никакого ни объяснения, ни определения, несмотря на их важность в юридической практике.

По нашему мнению, способ уклонения от уголовной ответственности – это умышленная деятельность (система действий) и бездействие, направленные на воспрепятствование установлению истины путем сокрытия следов преступления и их носителей и открытого противодействия расследованию, детерминированных общим преступным замыслом, психофизическими и интеллектуальными свойствами личности, условиями внешней среды, следственной ситуацией с целью избежать наказания.

Полагаем, что способ уклонения от ответственности – это такой же объект (сегмент) в системе элементов и тактики, и методики расследования в целом, как и способ совершения преступления [2, с. 22].

Способ уклонений от ответственности, имеющий своим содержанием сокрытое (тайное) и открытое воспрепятствование установлению истины, заслуживает, на наш взгляд, более пристального внимания законодателя, следователя, судьи.

Нам кажется, что есть смысл дополнить ст. 73 УПК РФ частью 3 в такой формулировке: «Подлежат выявлению действия, направленные на воспрепятствование установлению истины по делу».

Воспрепятствование установлению истины, нашедшее отражение в процессуальных документах и других материалах дела, должно признаваться судьей (судом) отягчающим вину обстоятельством и учитываться при вынесении подсудимому приговора. В криминалистической науке и на практике необходимо более активно позиционировать воспрепятствование установлению истины как отдельный, самостоятельный элемент в расследовании преступления.

Таким образом, можно сделать заключительный вывод: способ уклонения от уголовной ответственности, проявляемый как воспрепятствование установлению истины по делу, – это в реальности объект (элемент) современной методики расследования преступлений. И таким он должен быть признан и наукой, и практикой.

Список использованных источников

1. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Том III. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Академия МВД СССР, 1979. – 409 с.

2. Баринов С.В., Юрин В.М. Расследование преступных нарушений неприкосновенности частной жизни: учеб. пособие. – М.: А-Приор, 2009. – 80 с.

3. Великородный П.Г. Соккрытие следов преступления и противодействие его расследованию как способ уклонения от уголовной ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018 – № 2(121).

4. Зуйков Г.Г. Способы сокрытия преступления и уклонения от ответственности // Способы сокрытия следов преступления и криминалистические методы их выявления. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1984.

5. Карагодин В.Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста, 2013. – № 4.

6. Юрин В.М. Заявление об экономическом преступлении согласования не требует // Российская юстиция, 2001. – № 7.

8.2. Основные направления методики расследования убийств, совершенных с расчленением трупа¹

На начальном этапе расследования убийств, сопряженных с расчленением трупа, из всех элементов преступления следователю известны лишь способ сокрытия и место обнаружения частей расчлененного трупа. В этой связи процесс расследования проходит в условиях острого недостатка необходимой информации о произошедшем событии и его обстоятельствах и направлен на решение определенных задач.

1. *Собирание и фиксация исходной информации о совершенном событии.* В комплекс следственных и оперативно-розыскных действий, направленных на решение данной тактической задачи,

¹ Автор – И. А. Журавлева.

входят: осмотр места обнаружения частей расчлененного трупа; опрос лиц, обнаруживших части трупа; поисковые действия, направленные на установление свидетелей преступления; назначенные судебно-медицинской экспертизы.

2. *Установление личности потерпевшего.* Решению этой первоочередной задачи способствует решение таких промежуточных задач, как:

* целенаправленный поиск недостающих частей трупа;

* определение принадлежности обнаруженных частей трупа одному лицу;

* установление давности наступления смерти.

Давность наступления смерти во многом определяет способ установления личности потерпевшего. Так, если она небольшая (обнаружены хорошо сохранившиеся части трупа, в том числе голова, верхние конечности), осуществляется следующий комплекс розыскных и иных мероприятий: подворный или поквартирный обход и опрос лиц с предъявлением фотографий расчлененного трупа, его одежды, а также обращение к общественности через средства массовой информации; направление ориентировок в отделы полиции; запрос дежурного УВД о наличии заявлений об исчезновении граждан; запросы в гостиницы, общежития об исчезнувших лицах; направление дактилоскопической и опознавательной карты трупа для постановки на соответствующий учет. Наряду с указанными мероприятиями осуществляется «просеивание», т. е. отнесение личности потерпевшего к определенной категории лиц с учетом возраста, характеристик тела и одежды, внешних примет, и последующий поиск его в соответствующих местах среди вероятного круга лиц, которым он быть известен (лиц без определенного места жительства и рода занятий и т. п.) [1, с. 13–14].

Если смерть наступила давно, то личность потерпевшего устанавливается с помощью обращения к АИПС «Опознание», различным видам криминалистических учетов (алфавитно-дактилоскопическому, учету всех безвести пропавших лиц), банкам криминальной информации, учетам наркоманов и проституток, военных комиссариатов, лечебных учреждений и т. д. При обнаружении скелетированных или подвергшихся гнилостному изменению частей трупа производятся их туалет, фотосъемка, изготавливается посмертная маска. Для дальнейшей идентификации личности погибшего части трупа, его одежду, фотографии,

посмертную маску предъявляют для опознания родственникам, соседям и другим лицам, знавшим убитого, назначаются и проводятся дактилоскопическая, медико-криминалистическая, портретная, судебно-медицинская, биологическая и молекулярно-генетическая экспертизы.

Установление личности потерпевшего позволяет перейти к решению следующей задачи – установление личности преступника. С этой целью прежде всего изучают личность потерпевшего, сведения о его поведении, мировоззрении, образе жизни и т. д. Кроме того, устанавливают различные события, предшествующие преступлению, например, покупка автомобиля, продажа квартиры, получение крупной суммы денег и др.

Вместе с изучением личности потерпевшего раскрытию данного вида преступления способствует решение другой задачи – установление места совершения преступления.

Выдвижению версий о личности преступника, возможных мотивах и обстоятельствах убийства способствует изучение и анализ материальной обстановки на месте обнаружения частей расчлененного трупа. Так, признаки необычных действий с трупом, например, попытка поджога с помощью негодных средств, снятие и сокрытие одежды, не представляющей существенной ценности, расчленение трупа на очень мелкие части, свидетельствуют о том, что убийство предположительно совершено психически нездоровым человеком; бессмысленное перемещение трупа, манипуляции с его частями, размещение частей тела, которые имеют для преступника некоторую символику, указывает на некрофильную направленность личности [2, с. 410]; множественные поверхностные порезы и надрезы, следы укусов на теле жертвы, отрезание губ, ушей, сосков, носа, отчленение половых органов, которые являются для преступника фетишем, которые он уносит, свидетельствуют о совершении убийства на сексуальной почве [3, с. 39]. При этом расчленение трупа чаще всего является не способом сокрытия, а способом совершения преступления.

Установление способа убийства в ряде случаев также позволяет выдвинуть обоснованные версии относительно личности преступника. Так, убийства с использованием бытовых химических (обладающих токсическим действием) средств, снотворного, болеутоляющих и прочих лекарственных препаратов совершаются, как правило, лицами из числа близких родственников, знакомых, пользующихся доверием со стороны жертвы. В то же время

необходимо отметить, что при расследовании убийств, сопряженных с расчленением трупа, способ совершения убийства часто выясняется лишь в конце следствия, а иногда, из-за истечения большого срока с момента убийства и расчленения, может и вообще остаться неустановленным. Способ же сокрытия убийства по данным делам имеет существенное значение. Так, аккуратное расчленение по суставам свидетельствует, что убийца обладает профессиональными навыками и может быть медицинским работником, мясником или работником скотобойни.

В заключение приведем комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лица, совершившего убийство с расчленением трупа:

- * изучение образа жизни потерпевшего и его связей;
- * изучение путей доставки расчлененного трупа с целью определения района местожительства преступника;
- * подтверждение факта знакомства преступника и жертвы и проверка алиби, полученная оперативными средствами;
- * осмотр места происшествия с целью обнаружения следов преступления и следов его сокрытия;
- * осмотр предметов (возможных орудий преступления, орудий, использовавшихся при расчленении трупа, одежды, обуви преступника и т. д.)
- * допрос подозреваемого в совершении убийства;
- * назначение необходимых судебных экспертиз.

Список использованных источников

1. Александров И. В. Расследование отдельных видов умышленных убийств: учебно-методическое пособие. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 2004. – 28 с.
2. Курс криминалистики: в 3 т. Особенная часть. Т. 1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / под ред. В. Е. Корноухова. – М.: «Юрист», 2001. – 634 с.
3. Протопопов А. Л. Расследование сексуальных убийств. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. – 224 с.

8.3. Современные тенденции методики расследования преступлений в сфере таможенного дела¹

К преступлениям в сфере таможенного дела относятся преступления, которые связаны с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Часть таких преступлений подследственна дознавателям таможенных органов Российской Федерации: уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, совершенные в том числе группой лиц по предварительному сговору и в особо крупном размере (ч. 1 и 2 ст. 194 УК РФ), а также контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ч. 1 ст. 200.1 УК РФ), часть – следователям Следственного комитета Российской Федерации (ч. 3 и 4 ст. 194 УК РФ), следователям органов ФСБ России (ст. 189, 226¹, 229¹ УК РФ), следователям органов внутренних дел Российской Федерации (ст. 193, 193¹, 229¹).

Совершение указанных преступлений в специфической внешнеэкономической сфере деятельности вызывает определенные трудности в их раскрытии и расследовании.

Во-первых, многообъектность преступлений и бланкетность составов влечет необходимость обращения к нормативным актам и руководящим документам как в сфере таможенного регулирования, так и в других правовых сферах (административном, валютном, налоговом законодательстве). Имеющееся законодательство содержит пробелы, которые позволяют преступникам уходить от ответственности. Например, к таким проблемным вопросам относится законодательная база, регулирующая деятельность агентов и органов валютного контроля.

Во-вторых, совершение таможенных преступлений нередко характеризуется сложным механизмом, включающим действия по подготовке, совершению и сокрытию следов преступления. Обязательным в механизме совершения таких преступлений будет этап внешнеэкономической деятельности, где совершение преступления возможно на разных его стадиях: при заключении международных контрактов, на этапе декларирования, при

¹ Автор – И. Г. Иванова.

перемещении товаров по территории Российской Федерации, а также взаиморасчетах с контрагентами.

В большинстве случаев таможенные преступления выявляются в ходе таможенного оформления (таможенного контроля), т. е. на завершающем этапе совершения преступления. Поэтому основная работа по выявлению и пресечению таких преступлений ложится на таможенные органы. Для установления механизма совершения таможенных преступлений требуется взаимодействие с правоохранительными органами иностранных государств, а также использование оперативных средств и методов таможен.

В-третьих, для сокрытия следов преступления преступники прибегают ко всё более технологичным методам, включающим использование офшоров, криптовалюты, электронного документооборота. Это требует от следователей (дознавателей) привлечения специалистов уже на стадии проведения проверочных действий. Таких специалистов привлекают для предварительного исследования документов – деклараций, накладных, инвойсов, чтобы установить в них признаки изменения первоначального содержания; исследования перемещаемых товаров с целью определения их стоимости, установления их индивидуальных признаков или принадлежности к однородной группе товаров, соответствия техническому описанию в товаросопроводительных документах; исследования документов в электронной форме. Специалистов также привлекают к проведению проверочных и следственных действий, например ревизий, осмотров складских помещений и территорий; они принимают участие и консультируют следователей (дознавателей) по документам складского, бухгалтерского учета (в том числе в электронной форме), правильности их оформления.

В-четвертых, совершение преступлений организованными преступными сообществами, в том числе международными, обуславливает необходимость направления запросов о правовой помощи в проведении расследования и уголовного преследования в таможенные и иные правоохранительные органы иностранных государств. Однако исполнение таких запросов зависит от наличия между взаимодействующими сторонами специальных межгосударственных договоров о взаимной правовой помощи, а также правовой регламентации сроков исполнения данных запросов. Еще стоит отметить ненадлежащее взаимодействие и с международными правоохранительными организациями (службами

Интерпола и т. п.) при проверке версий и получении доказательств по расследуемым уголовным делам.

В-пятых, при расследовании таможенных преступлений наблюдается разобщенность усилий правоохранительных и контролирующих органов, несвоевременные ответы на запросы следователей (дознавателей) из банков (кредитных организаций) и органов внешнеэкономической деятельности.

В-шестых, большинство уголовных дел в сфере таможенного дела возбуждается после проведения административного расследования правонарушений в области таможенного дела (нарушение таможенных правил). Такие административные производства нередко затягиваются, следствием чего является утрата потенциальных доказательств по уголовному делу. Сами административные материалы пересылают из одной таможни в другую, например из таможни, где проводилось электронное декларирование товаров, в таможню, которая выявила факт неуплаты таможенных платежей в ходе таможенного контроля после выпуска товаров. Административные материалы не рассматриваются в установленные сроки, следствием чего является истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности и вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

В-седьмых, при расследовании преступлений в сфере таможенного дела возникают проблемы с доказыванием фактов, прямо влияющих на квалификацию деяния, как преступления. Так, при расследовании незаконного экспорта из Российской Федерации или передачи технологий, которые могут быть использованы для создания оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК РФ), необходимо установить факт передачи контролируемых товаров именно иностранной организации или ее представителю, доказать, что в отношении перемещаемых объектов должен быть установлен экспортный контроль. При расследовании уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ) представляет трудность установление факта инсценировки процедуры временного хранения товаров на складе временного хранения в ситуации, когда товары по документам уже выпущены для использования.

Положительной тенденцией в решении вышеуказанных проблем является совершенствование системы международного сотрудничества и принятие международных соглашений, содержащих общеобязательные правила поведения в сфере таможенного дела.

В настоящее время Российская Федерация заключила двусторонние договоры об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам с более чем 30 странами. РФ – участница нескольких конвенций о правовой помощи: Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ETS № 30) от 20.04.1959 года (для России вступила в силу 09.03.2000 года), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 года, Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20.03.1992 года.

Список использованных источников

1. Вместе с тем не во всех, заключенных между Россией и другими странами договорах о взаимной правовой помощи, выделены преступления в сфере таможенных правоотношений. В качестве положительного примера можно привести договор «О взаимной правовой помощи по уголовным делам», заключенный между Российской Федерацией и Республикой Корея от 28.05.1999 года [Исаева Л.М. Основы расследования преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов / Л.М. Исаева, А.Ю. Козловский. – СПб.: Троицкий мост, 2015. – 368 с.

2. Кромова А. Я. Контрабанда наркотиков (статья 229¹ УК РФ): монография / под ред. С. М. Кочои. – М.: Проспект, 2014. – 136 с.

3. О взаимной правовой помощи по уголовным делам: Договор между Российской Федерацией и Республикой Корея от 28.05.1999 года // Бюллетень международных договоров. – 2002. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 03.08.2018 года № 289-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Об утверждении Порядка продления срока проведения таможенной экспертизы, Порядка уведомления декларанта или иного лица, обладающего полномочиями в отношении товаров, о продлении срока проведения таможенной экспертизы, Порядка приостановления сроков проведения таможенной экспертизы

[Электронный ресурс]: Приказ ФТС России от 07.02.2019 года № 204 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 14.03.2019 года.

8.4. Модернизация криминалистической методики в сфере расследования незаконного оборота наркотиков¹

На актуальность разработки эффективных мер противодействия наркопреступности мы неоднократно обращали внимание в наших более ранних исследованиях, аргументируя это значительным количеством наркопреступлений в общей структуре преступности. А средством повышения эффективности их расследования могла бы явиться алгоритмизация этого процесса с учетом типовых следственных ситуаций [3].

В целом же вопросами повышения эффективности методик расследования преступлений, их отдельных видов и групп в настоящее время занимается значительное количество ученых-криминалистов. Их разработки сводятся к идее криминалистической алгоритмизации и программирования расследования.

В частности, профессор А. С. Шаталов утверждает, «что разрабатываемые в рамках криминалистической методики научные положения и практические рекомендации должны содержать типичные аргументы для принятия промежуточных и итоговых решений по уголовным делам, представляя собой постоянно пополняемый комплекс криминалистических алгоритмов и программ, из которых должна формироваться оптимальная технология досудебного и судебного производства по тому или иному уголовному делу» [9, с. 64–77].

Напомним, что более 10 лет назад идею о принципиальной возможности типизации процесса расследования выдвинул доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почётный член Международной академии наук Высшей школы В. Е. Корноухов. В частности, речь шла о типизации ситуаций расследования, а именно о том, что «в процессе научного исследования происходит сбор эмпирического

¹ Автор – Е. Е. Космодемьянская.

материала по определенной процедуре. При этом изучению подвергается каждое уголовное дело и при обобщении из отдельного вычленяется то общее, что присуще всем уголовным делам по тому или иному виду преступлений (в том числе и производству отдельных следственных действий). И это не простой процесс, потому что в каждом уголовном деле в единстве находится как общее, так и особенное, единичное. Посредством выделения общего, характеризующего поисково-познавательные процессы, обозначается закономерное, т. е. повторяемость процесса, в том числе фактических ситуаций, которые в дальнейшем и образуют содержание типовой методики. В то же время ситуации, которые возникают при расследовании конкретного уголовного преступления, могут полностью совпадать с типовой или вообще от нее отличаться. Однако при расследовании чаще всего сталкиваются с теми ситуациями, которые повторяют типовую, отличаясь от нее в каких-либо чертах. Следовательно, ситуации, возникающие при расследовании конкретного преступления, можно назвать реальными, которые, как вытекает из вышесказанного, в большинстве случаев являются атипичными. Поэтому следователь при расследовании конкретного преступления в реальной атипичной ситуации распознает типовую, определяя затем типовой способ действия» [2, с. 73–80].

В теории, представленной В. Е. Корноуховым, подчеркивается, что для предмета методики расследования преступлений приоритетными являются закономерности объединения групп преступлений не по уголовно-правовому критерию, а по криминалистическому, в качестве которого выступает «механизм совершения преступления» [2, с. 73–80].

Эти идеи находят отражение и в современных авторских подходах, согласно которым «именно обобщение и систематизация специфических признаков, характеризующих механизм совершения определенных категорий смежных преступлений, выявление общих черт, взаимозависимостей является одним из ключевых моментов разработки объединенной (групповой, базовой и т. п.) криминалистической методики. Объединенная (групповая, базовая и т. д.) криминалистическая методика расследования предназначена для того, чтобы предложить добротные и эффективные криминалистические рекомендации по расследованию любых входящих в данную группу преступлений независимо от квалификации конкретного деяния...» [1].

Как видно из изложенного выше, одним из направлений модернизации частных криминалистических методик расследования является «конкретизация их структуры посредством разработки криминалистических алгоритмов и программ расследования для эффективного управления следственными ситуациями» [9, с. 64–77].

Представляется, что не будет исключением из этого и методика по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, поскольку в данную группу входит значительное количество составов, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 228–234 УК РФ.

Также следует согласиться с позицией ученых о том, что «должна осуществляться разработка универсальных криминалистических рекомендаций нового поколения, специально предназначенных для управления следственными ситуациями при расследовании преступлений. На основе изучения закономерностей их деятельности и обобщения передового опыта можно выделить оптимальную последовательность действий субъектов расследования в типичных следственных ситуациях с тем, чтобы изложить ее для дальнейшего использования в виде криминалистических алгоритмов и программ расследования» [8, с. 155–172].

Поэтому целесообразной представляется разработка объединенной (интегративной, межвидовой) криминалистической методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, неотъемлемыми структурными элементами которой должны стать системы типовых тактических задач, типовых следственных ситуаций и порождаемых ими алгоритмов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В связи с этим нами был проведен анализ типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании большинства составов, входящих в группу наркопреступлений, что позволило говорить об их повторяемости, сходстве, общности. Для каждой из ситуаций на основе анализа материалов практики расследования предлагаем алгоритмы процессуальных и иных действий.

В качестве таких универсальных следственных ситуаций мы выделили следующие:

- 1) задержание лиц *в результате* предварительно осуществленной *оперативно-розыскной деятельности*;
- 2) обнаружение наркотических средств при *случайном* задержании лиц по факту незаконных действий с наркотиками;

3) задержание лиц *по информации граждан, должностных лиц* (наиболее характерна для краж, вымогательств наркотических средств и психотропных веществ, притоносодержательства, незаконного культивирования наркосодержащих растений);

4) установление фактов незаконного оборота наркотиков *в ходе расследования уголовных дел о других преступлениях* [4, с. 42–48].

Поскольку указанные ситуации являются типичными для данной категории преступлений, то именно от них будут зависеть алгоритмы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ), направленные на решение тактических задач расследования.

Так, при поступлении материалов о результатах ОРД к следователю, главная задача последнего заключается в оценке допустимости собранных доказательств преступной деятельности. По результатам передачи материалов, собранных в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности, в соответствии с Инструкцией [7] возможны такие решения:

1) возбуждение уголовного дела по факту преступления, если его субъект неизвестен.

Далее реализуется алгоритм следственных действий и ОРМ, направленных на установление этого лица:

- допросы всех возможных свидетелей;
- назначение и производство судебных экспертиз по обнаруженному веществу;
- выемки видеозаписей (в случае их наличия);
- запросы на предоставление информации по системе «Безопасный город» и последующий осмотр данных объектов;
- при установлении предполагаемого субъекта осуществляются следственные действия, направленные на доказывание его причастности к совершенному преступлению;

2) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного субъекта.

В этой ситуации будет реализовываться несколько иной алгоритм действий, направленный на доказывание причастности подозреваемого лица к совершению преступления. Наиболее типичными из них будут:

- * задержание лица в порядке ст. 91 УПК РФ;
- * его допрос;
- * производство обыска в его жилище и (или) в ином связанном с ним месте;

* освидетельствование этого лица на предмет выявления состояния опьянения и (или) следов преступной деятельности;

* производство в отношении него судебно-психиатрической экспертизы;

* назначение ряда иных необходимых экспертиз;

* при необходимости производство иных действий.

Более подробно набор этих действий будет изложен далее при рассмотрении типичной следственной ситуации. Так, при возникновении второй типичной исходной ситуации – случайном задержании лица и обнаружении в ходе личного досмотра предположительно наркотического средства – составляется рапорт об обнаружении признаков преступления и проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Обнаруженное вещество направляется на исследование [6], либо назначается экспертиза наркотических средств и психотропных веществ (далее НСиПВ).

При получении положительного результата исследования дело возбуждается в отношении конкретного лица и далее (в зависимости от исходных данных о его личности) порядок производства следственных действий может варьироваться: либо допрос данного лица и решение вопроса об избрании ему меры пресечения в порядке ст. 91 УПК РФ, либо производство обыска в его жилище в порядке ст. 165 УПК РФ, а затем производство его допроса.

В кратчайшие сроки необходимо проведение:

* освидетельствования данного лица либо получение образцов для сравнительного исследования для изъятия подногтевого содержимого, смывов с рук;

* получение образцов почерка (подписей);

* дактилоскопирование задержанного.

Все полученные объекты направляют на соответствующие экспертизы: криминалистическую НС и ПВ, дактилоскопическую (по упаковочному материалу), судебно-медицинскую экспертизу вещественных доказательств (по потожировому веществу), почерковедческую.

Целесообразно проведение осмотра места происшествия в порядке ст. 144 УПК РФ с участием задержанного для подтверждения места как элемента предмета доказывания. Параллельно осуществляется направление запросов характеризующих материалов в наркологический, психоневрологический диспансеры и т. п. Проводятся допросы свидетелей (сотрудников, проводивших задержание, осуществлявших личный

досмотр, понятых, участвовавших при изъятии вещества, иных лиц). По изъятым в ходе обыска объектам назначают необходимые экспертизы (компьютерно-техническую и иные) для подтверждения факта и характера незаконных действий с наркотиками. После получения заключений по результатам экспертиз рекомендуется производство осмотра всех объектов для предотвращения возможного противодействия со стороны заинтересованных лиц.

Также целесообразно производство проверки показаний на месте с участием подозреваемого для усиления доказательственной базы по таким элементам предмета доказывания, как место, время, характер действий и др.

Назначается судебно-психиатрическая экспертиза в отношении подозреваемого для решения вопросов о наличии (отсутствии) у лица, в отношении которого она производится, психического расстройства и расстройства поведения, связанного с употреблением психоактивных веществ. На основании судебного решения осуществляется получение детализации телефонных переговоров для подтверждения времени, факта, умысла на незаконные действия с наркотиками.

Иные следственные действия проводят при необходимости установления иных обстоятельств (очные ставки, предъявление для опознания и т. п.).

На основе полученных доказательств делается вывод о конкретном способе незаконного оборота наркотиков, времени, месте, умысле лица, т. е. осуществляется окончательная квалификация деяния. После составления обвинительного заключения проводят допрос обвиняемого и при необходимости иные процессуальные действия, направленные на окончание расследования (например наложение ареста на имущество для обеспечения последующей его конфискации в порядке ст. 104.1 УК РФ) и устранение противодействия в случае оказания такового (с учетом положений ст. 217 УПК РФ).

В ситуации поступления информации от граждан или должностных лиц о фактах незаконного оборота наркотиков проводят проверку в порядке ст. 144 УПК РФ либо эти данные используют как источник информации для осуществления оперативно-розыскной деятельности.

При использовании этих данных как источника информации для осуществления ОРД реализуется описанный выше алгоритм действий – возбуждение уголовного дела по факту преступления,

если его субъект неизвестен, и тогда проводятся следственные действия и ОРМ, направленные на установление лица.

В ситуации обнаружения факта незаконного оборота наркотиков по материалам расследования по другому уголовному делу возможны также два варианта:

1) выделение материалов в отношении конкретного лица, его задержание и реализация алгоритма действий, как в ситуации обнаружения наркотических средств в ходе личного досмотра;

2) выделение материалов в отношении неустановленного лица и реализация алгоритма действий, направленных на поиск преступника, описанный ранее.

Как видим, алгоритмы процессуальных и иных действий зависят от конкретной исходной следственной ситуации и обусловлены наличием информации о субъекте и ее источником.

Как показывает следственная практика государств-участников СНГ, по делам рассматриваемого вида типовые исходные ситуации, возникающие на момент возбуждения уголовного дела, аналогичны выделенным нами ранее. Алгоритмы действий, реализуемые в каждой из выделенных ситуаций, также примерно аналогичны с учетом некоторых особенностей национального законодательства¹.

По исследованиям авторов, на региональном уровне основными направлениями в деятельности государств СНГ выступают:

* заключение межгосударственных, межправительственных, межведомственных двусторонних и многосторонних соглашений о взаимодействии в этой области;

* информационный обмен в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков;

* проведение широкомасштабных оперативно-розыскных и оперативно-профилактических операций, направленных на уничтожение плантаций дикорастущей конопли, выявление правонарушений, связанных с контрабандой наркотических средств (оперативно-заградительные операции «Мак», «Конопля», направленные на перекрытие каналов ввоза и вывоза наркотических средств, «Допинг» и др.);

* проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий (контролируемая поставка);

¹ Эти данные были получены в ходе общения в рамках курсов повышения квалификации с сотрудниками компетентных органов иностранных государств Центрально-Азиатского региона, осуществляющих противодействие наркоугрозе на межнациональном уровне.

* проведение совместных научных, социологических, криминологических исследований по вопросам изучения проблем наркомании и незаконного оборота наркотиков и разработка научно обоснованных рекомендаций их предупреждения и противодействия им;

* оказание взаимопомощи в подготовке кадров для специализированных подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков [5, с. 156–163].

Исходя из этих общих посылок, совместная деятельность государств – участников СНГ в борьбе с преступностью предопределила необходимость выработки и реализации согласованной политики и комплексных мер противодействия незаконному производству и обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, создания единого правового пространства в данной сфере, координации деятельности и повышения эффективности сотрудничества компетентных органов в предупреждении, выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании данного вида преступлений, розыске и выдаче лиц, их совершивших.

А повышение эффективности такого сотрудничества возможно как раз путем создания объединенных (интегративных, межвидовых) методик расследования рассматриваемой категории преступлений.

В целом, подводя итог всему изложенному, отметим, что алгоритмизация процесса расследования позволяет управлять следственными ситуациями, а объединенная (интегративная) методика расследования наркопреступлений, может дать надежные криминалистические рекомендации по расследованию любых видов преступлений, входящих в данную группу, что позволяет надеяться на повышение эффективности деятельности по их расследованию. Это, в свою очередь, позволит субъекту расследования «осуществлять последовательные операции по конкретной схеме, представленной криминалистическим алгоритмом или программой расследования» [8, с. 155–172], что и предлагается авторами.

Список использованных источников

1. Варданян А. В., Кулешов Р. В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Отрасли права. Аналитический портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://xn--7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/18357> (дата обращения: 12.09.2019).

2. Корноухов В. Е. К теоретическим основам расследования преступлений: понятие и виды ситуации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2007. – № 1 (2).

3. Космодемьянская Е. Е. Теоретические и практические аспекты интегративной методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // NovaUm.Ru, 2018. – № 15. – С. 241–244. – URL: <http://novaum.ru/public/p890>.

4. Космодемьянская Е. Е., Прейс Н. Г. Типовые следственные ситуации как элемент интегративной методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и возможные алгоритмы действий в каждой из них (по материалам судебной и следственной практики) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (34).

5. Маджидзода Д. З. Незаконный оборот наркотиков: правовые и организационные основы противодействия и сотрудничество государств-участников СНГ // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12.

6. О повышении эффективности экспертно-криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 01.06.1993 № 261 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

7. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков,

Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: [http: www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).

8. Шаталов А. С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2.

9. Шаталов А. С. Вопросы модернизации частных криминалистических методик расследования преступлений // Вестник ТГУ. Право. – 2016. – № 1 (19).

8.5. Особенности криминалистической методики первоначального этапа расследования уклонения от уплаты налогов физическими лицами¹

На первоначальном этапе расследования одной из главных задач следователя является получение совокупности данных об обстоятельствах налогового преступления, достаточной для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в уклонении от уплаты налогов.

В этой связи закономерно возникает вопрос о последовательности производства следственных действий внутри первоначального этапа расследования. Уместно вспомнить, как по этому вопросу высказался В. М. Быков, который отметил, что на практике при конкуренции процессуальных действий следователи нередко руководствуются не доказательственным значением выбираемого действия, а его наименьшей трудоемкостью [2, с. 60–61]. Это грозит самыми отрицательными последствиями для установления обстоятельств такого непростого преступления, как уклонение от уплаты налогов.

Значит, в конкретной ситуации расследования первоначального этапа выбор надлежащего процессуального действия обосновывается всесторонним учетом его правовых и фактических оснований, доказательственного значения ожидаемых результатов, тактической целесообразности и своевременности. Из имеющих максимальное доказательственное значение следственных действий предпочтение нужно отдавать наименее трудоемким

¹ Автор – М. Г. Арутюнян.

и времязатратным. Думается, только таким образом можно обеспечить эффективность первоначального этапа расследования и доказывание вины налогоплательщика в неуплате налогов.

Расследование налоговых преступлений – сложный процесс со своими особенностями, обусловленными предметом преступного посягательства, спецификой возбуждения уголовного дела, способом и обстановкой совершения преступного деяния, особенностями личности налогового преступника. На наш взгляд, к важным обстоятельствам, определяющим особенности методики расследования уклонения физического лица от уплаты налогов, можно отнести те, которые являются базовыми, без усмотрения которых конечные результаты расследования не достижимы.

1. В связи с бланкетностью диспозиции ст. 198 УК РФ на первоначальном этапе расследования следователь должен принять безотлагательные меры к собиранию необходимых документов (нормативных актов), которые регулируют правовое положение налогоплательщика (статус, права и обязанности, правовой режим и условия уплаты налогов и пр.). Для полной оценки деятельности предприятия-налогоплательщика нужно иметь и документы, регламентирующие финансово-хозяйственную деятельность соответствующего предприятия. Эти документы должны быть изучены и проанализированы следователем, после чего приобщены к материалам уголовного дела, так как без соответствующих сведений понять и расследовать способ совершения уклонения от уплаты налогов и механизм налогового преступления не представляется возможным.

2. Главным в расследовании уклонения физического лица от уплаты налогов является блок документов, которые составляют основную доказательственную базу расследования. Это материалы налоговых проверок, проводимых органами федеральной налоговой службы, и материалы оперативно-розыскной деятельности, отражающие факты, указывающие на признаки налогового преступления, совершенного налогоплательщиком. К этому блоку нужно отнести и документы, которые изымает следователь в процессе расследования налогового преступления. Их внимательная оценка при изучении важна для выводов расследования о виновности привлеченного к ответственности субъекта.

Специфика расследования налоговых преступлений заключается в том, что «оно всегда связано с исследованием документов, отражающих процесс формирования объекта налогообложения, расчета

налога, его уплаты и другой финансово-хозяйственной деятельностью налогоплательщика, связанной с этим процессом» [1, с. 328].

Особенностью расследования уклонения физического лица от уплаты налогов является то обстоятельство, что следователь должен в первую очередь разобраться с нарушениями, допущенными налогоплательщиком в части применения последним налогового законодательства, так как сам процесс формирования расчета уплаты налога документально хорошо формализован. Это обстоятельство нужно признать «удобным» и для алгоритмизации следственной деятельности по установлению факта уклонения от уплаты налога и на этой основе создать соответствующие типовые программы расследования.

Для уклонения физического лица от уплаты налогов технологическая схема следственной деятельности может быть представлена определенным алгоритмом: 1) анализ акта документальной налоговой проверки; 2) установление умысла на уклонение от уплаты налогов; 3) исследование документов, подтверждающих выводы проверки; 4) получение и анализ пояснений лиц, проводивших проверку; 5) получение и анализ пояснений проверяемых лиц по результатам проверки; 6) проверка пояснений проверяющих и проверяемых с подтверждением или опровержением их пояснений; 7) определение или уточнение суммы неуплаченного налога; 8) выяснение способа и механизма уклонения от уплаты налога.

3. Расследование уклонения физического лица от уплаты налогов не представляется возможным без широкого использования специальных знаний, что обусловлено спецификой налоговых преступлений. Следователь обладает специальными знаниями, которые отражают специфику исполнения им обязанностей по расследованию преступлений. Это знания уголовного права, процесса и криминалистики. Однако, расследуя налоговое преступление, он без помощи специалиста не может в полной мере разобраться в противозаконных налоговых комбинациях налогоплательщика, что в состоянии сделать профильный специалист, выводы которого, связанные, например, с размером причиненного ущерба, расширяют систему доказательств и это будет способствовать решению задач расследования.

4. Доказывание прямого умысла налогоплательщика в процессе расследования его уклонения от уплаты налогов является особенностью расследования данных преступлений. Отсутствие

умысла и его недоказанность в расследовании служат основаниями освобождения субъекта от уголовной ответственности. При этом сам факт неуплаты налогов, установленный налоговой проверкой или материалами оперативно-розыскной деятельности, еще не указывают на умышленность действий по этому результату. То есть расследование соответствующего факта должно быть организовано таким образом, чтобы доказанность в инкриминировании субъекту ст. 198 УК РФ базировалась не только на его личных признаниях о виновности, но и на должной совокупности обвинительных доказательств.

Выделяя особенности, связанные с расследованием уклонения физического лица от уплаты налогов, мы не претендуем на их исключительность и не считаем их исчерпывающими, так как соответствующая преступная деятельность и практика расследования данных налоговых преступлений может внести в приведенный выше перечень новые особенные элементы, которые будет необходимо учитывать в методике первоначального этапа их расследования.

Расследование преступлений обусловлено правилами ситуационного подхода, которые не оспариваются криминалистами. В основе ситуационного подхода лежит следственная ситуация. Очевидно, что разработка методических рекомендаций на основе оценки типовых ситуаций расследования уклонения физического лица от уплаты налогов позволяет сделать их более дифференцированными и точными, в первую очередь на основе ситуационно обусловленных алгоритмов следственной деятельности.

В соответствии с типовыми ситуациями расследования следователь в состоянии обосновать вероятный круг следственных версий, оптимальную совокупность и последовательность действий по их проверке. В отличие от других преступлений типовые ситуации расследования уклонения физического лица от уплаты налогов всегда являются информационно определенными, так как это лицо известно и имеются достаточные данные, указывающие на совершение им налогового преступления, а эти факты способствуют конкретному планированию следственной работы, определению ее направления, задач, версий и средств для их проверки и получения доказательств.

Вместе с тем формирование указанных типовых ситуаций расследования всегда обуславливается рядом факторов и их нужно учитывать для принятия решения по конкретному

расследованию. В частности, следователю важно понимать налоговый статус субъекта преступления и особенности функционирования его предприятия. Последнее обстоятельство значимо тем, что с ним связана особая документальная база, а значит, следовая картина налогового преступления. Нужно точно представлять вид неуплаченного налогоплательщиком налога, так как система налоговых платежей, их ставки, порядок, льготы различны и определены действующим налоговым законодательством. Это важное обстоятельство, поскольку неуплаченный налог непосредственно связан со способом неуплаты и соответствующим ему преступным механизмом действий налогоплательщика, а этот путь следователь должен понимать и пройти в процессе доказывания вины.

Не последнюю роль в формировании ситуации играет признание или отрицание налогоплательщиком своей вины в совершении налогового преступления.

Типовые ситуации рассматриваемого расследования в своем большинстве простые – следователь имеет сведения о событии совершенного преступления, способе и механизме его совершения, размере причиненного государству ущерба в виде неуплаченного налога. Основная задача расследования в такой ситуации основана на расследовании обстоятельств, изложенных в акте налоговой проверки, соответствующими процессуальными средствами и установлении прямого умысла налогоплательщика на уклонение от уплаты налогов.

Сложная типовая ситуация обусловлена тем фактом, что данные о налоговом преступлении получены из материалов другого уголовного дела или обоснованы данными оперативно-розыскной деятельности (гласными и негласными мероприятиями). Совершенно очевидно, что подобная ситуация расследования «требует применения для ее разрешения более широкого комплекса криминалистических приемов и средств» [4, с. 37], поскольку при информации о событии преступления и налогоплательщике, а также причиненном ущербе, не ясен в достаточном объеме способ и механизм преступного уклонения от уплаты налогов, его размер и круг соучастников преступления.

В этой связи главным условием разрешения данной следственной ситуации будет важность своевременных и оперативных действий следователя, нацеленных на выемку и сохранение документов, связанных с налоговым преступлением, с тем, чтобы предотвратить возможность уничтожения в них основных

следов – последствий налогового преступления. Поэтому его работа должна быть спланирована на основе использования тактических приемов, обусловленных внезапными для налогоплательщика действиями. Этим тактическим приемом должны быть связаны все первоначальные следственные и оперативно-розыскные действия, направленные на выемку (обыск) документов, которые могут содержать следы-последствия уклонения физического лица от уплаты налогов. Нужно предусмотреть необходимые действия, которые обеспечат невозможность заинтересованных лиц уничтожить документальные следы налогового преступления, фальсифицировать эти документы. Синхронность участников данного этапа следственной деятельности во многом обеспечит будущий успех расследования.

В соответствии с анализом документов, изъятых (выемкой, обыском) у физического лица, заподозренного в неуплате налогов, следователь должен назначить специалистами ФНС России документальную проверку. В ситуациях, когда документы о предпринимательской деятельности изъятые не полностью (частично уничтожены, не обнаружены, не сохранились), процесс расследования усложняется, однако это не отменяет необходимость проведения документальной проверки (иногда экспертизы), по причине того, что расчет налога, который подлежал уплате, может быть составлен по аналогии.

Вместе с тем аналогия расчета не всегда дает точное представление о сумме неуплаченного налога. На этом основании следователи обычно принимают решение, в соответствии с которым акты проверок не могут быть положены в основу обвинения и на этом основании назначают экономическую экспертизу и, опираясь на результаты экспертного исследования, в дальнейшем предъявляют обвинение подозреваемым. Суд поддерживает эту позицию.

Особенностью типичных ситуаций первоначального этапа расследования уклонения физического лица от уплаты налогов нужно признать и то обстоятельство, что их исходная информация уже наполнена различными данными. Обычно это данные о совершившем налоговое преступление лице; фактическом месте и времени его совершения; отдельных действиях налогоплательщика, связанных с уклонением от уплаты налогов, предмете налогового преступления; сумме неуплаченных налогов с расчетом сумм, подлежащих уплате по каждому виду налогов и уплаченных фактически.

Наряду с этим следователь должен предусмотреть решение задач расследования, входящих в предмет доказывания, в связи с чем установить:

1) является ли физическое лицо субъектом налогообложения относительно тех налогов, уклонение от уплаты которых выявлено в ходе налоговой (оперативно-розыскной) проверки, что определяет налоговый статус налогоплательщика;

2) какие нормативные акты регламентируют налогообложение объектов, скрытых от уплаты налогов;

3) какой способ был использован налогоплательщиком для уклонения от уплаты налогов (сколько и когда было перечислено налоговых платежей, были ли допущены искажения доходно-расходных данных в финансово-хозяйственных документах и т. п.);

4) в какой период времени физическое лицо уклонилось от уплаты положенного налога, какие сроки были установлены для его уплаты, когда представлены налоговые декларации;

5) в каком размере совершено уклонение от уплаты налогов, к каждому определенному сроку соответствующего налогового платежа и виду неуплаченного налога;

6) каково соотношение суммы неуплаченных налогов и размер ущерба для начала уголовного преследования за совершенное уклонение от уплаты налогов;

7) какова направленность умысла на уклонение от уплаты налогов;

8) имеются ли смягчающие и отягчающие обстоятельства совершенного деяния.

По понятным причинам мы привели достаточно примерный перечень вопросов, связанных с доказыванием виновности уклонения физического лица от уплаты налогов посредством расследования, так как каждый конкретный случай привносит в расследование свои особенности, требующие учета для установления всей картины совершенного преступного события.

Наконец, отметим, что в процессе расследования указанных преступлений, как свидетельствуют данные судебно-следственной практики, основные проблемы возникают с оценкой следователем содержания и выводов документальной налоговой проверки, а также установлением умысла на совершение преступления у лица, привлекаемого к уголовной ответственности, определением размеров причиненного ущерба. Данные обстоятельства обуславливают характер ситуации расследования как проблемной

и конфликтной, разрешение которой следователем возможно исключительно на основе привлечения специалистов различных отраслей знаний и использования разработанных для подобных ситуаций типовых программ расследования.

В криминалистике для типичных ситуаций расследования разработано достаточно много различных программ, использование которых следователем обеспечивает достижение поставленных в расследовании целей. В этой связи можно привести высказывание Г. А. Густова, который отмечал основное назначение программ расследования, связанное с необходимостью «сделать процесс расследования преступлений более упорядоченным, эффективным, научно обоснованным и организованным с соответствующей экономией времени и сил, затрачиваемых на решение основных задач следствия» [3, с. 6].

Поддерживая и развивая эту позицию, И. В. Александров писал: «Программы расследования преступления являются инструментом, упорядочивающим процесс расследования, делающим его логичным, экономичным и максимально полно обеспечивающим установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания» [1, с. 354].

Обобщая вопросы данной криминалистической проблематики, И. В. Александров отмечал, что в современных условиях разработка программ расследования должна протекать на основе не только создания соответствующих алгоритмов, но и возможностей компьютерного обобщения следственной практики для этих целей, не только, как это традиционно принято, для первоначального этапа расследования, но и для остальных его этапов и содержание этих программ должно включать все возможные криминалистические средства, использование которых следователем обеспечит полноту, объективность и всесторонность познания преступного деяния.

Кроме того, в криминалистической литературе есть высказывания о том, что разработка программ расследования преступления должна сопровождаться также и программами производства отдельных следственных действий. В подобном подходе есть свой резон и связан он в первую очередь с исходной информацией отдельно взятого преступного события, ситуациями его расследования, следственными версиями и действиями следователя по их проверке, а также иными обстоятельствами.

Разработка программ расследования уклонения физического лица от уплаты налогов имеет свою особенность, которая связана

с тем обстоятельством, что как первоначальный, так и последующий этапы мало отличаются друг от друга задачами и обстоятельствами, подлежащими расследованию, а с учетом этого возможно разработать программу с использованием следственных действий, где одно действие логично вытекает и обосновывается обстоятельствами, полученными из другого действия. Этот алгоритм своим содержанием обуславливает необходимость и обязательность последующего следственного действия. Формируемая таким образом взаимосвязанная логическая цепь может представлять собой элемент типовой методики расследования уклонения физического лица от уплаты налогов.

Как отмечалось выше, начало расследования указанных преступлений практически всегда характеризуется определенностью исходной информации, связанной с обстоятельствами, которые надлежит расследовать, и обстоятельствами, представляющими сложность в расследовании. Это позволяет разработать, а, точнее, доработать (криминалистические рекомендации для стадии возбуждения уголовного дела нами предложены) криминалистические рекомендации расследования уклонения физического лица от уплаты налогов в пределах окончания его первоначального этапа, вместе с тем, она может послужить следователю хорошей моделью его следственной деятельности.

Таковыми нам представляются основные характерные для типовых ситуаций расследования особенности, связанные с уклонением физического лица от уплаты налогов, обусловленные направлениями расследования этих преступлений и обстоятельствами, требующими своего отражения в материалах уголовного дела.

Список использованных источников

1. Александров И. В. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие для магистров. – М.: Изд-во «Юрайт», 2014. – 405 с.
2. Александров И. В. Налоговые преступления: Криминалистическая проблемы расследования. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 247 с.
3. Быков В. М. Проблемы выбора и конкуренции следственных действий // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий: сб. науч. тр. – Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1982. – 56 с.

4. Густов Г. А. Программно-целевой метод организации расследования убийств: учеб. пособие. – СПб., 1993. – 122 с.

5. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 168 с.

6. Карагодин В. Н., Вахмянина Н. Б., Яшков С. А. Расследование налоговых преступлений: учеб. пособие. – Екатеринбург: ООО «Типография Русь», 2011. – 166 с.

Послесловие

Перевернута последняя страница монографии. У читателя может возникнуть впечатление о том, что в работе не описаны все существующие методики и технологии, применяемые в настоящее время в различных сферах правоприменительной деятельности. Впечатление обоснованное. Перед авторским коллективом не стояла задача описания всех существующих и рекомендуемых к применению криминалистических методик и технологий. Мы предприняли попытку объединить в одно целое научные изыскания в области современных криминалистических методик и технологий, а также возникающие при их применении проблемные вопросы, которые были предметом исследования участников авторского коллектива, представляющих вузы различных городов Российской Федерации. Право оценки замысла остается за читателем.

Редакционная коллегия посчитала необходимым в структуре книги выделить криминалистические методики, основанные на научных данных гуманитарных наук, и криминалистические технологии, в основе которых лежат научные разработки в области естественных и технических наук. Такое деление основано на традиционном в криминалистической науке подходе, при котором все криминалистические средства (в широком понимании этого слова) принято делить на две большие группы с учетом источника их происхождения.

Криминалистические методики и технологии от момента их создания и до периода, когда они приобретают общепризнанное в теоретическом и практическом отношении значение, проходят длительный по времени и порой непростой путь. Некоторые из них остаются невостребованными, другие приобретают широкое распространение. Очень важно, чтобы эффективные, проверенные на практике методики и технологии были доступны для оперативных сотрудников, дознавателей, следователей, прокуроров, судей, специалистов, экспертов, адвокатов и т. д. В связи

с этим можно предложить создать общероссийский реестр (или спецификацию) криминалистических методик и технологий, а для некоторых из них ввести прохождение особой процедуры получения сертификата подтверждения качества. Такая сертификация при оценке полученных в результате применения определенной методики или технологии результатов будет свидетельствовать об их достоверности. Особенно это важно для методик и технологий, которые используют при производстве судебных экспертиз или в процессе обнаружения, закрепления, фиксации и изъятия следов преступления.

При оценке существующих и разрабатываемых новых методик и технологий рекомендуется учитывать не только научную самостоятельность последних, но и нельзя оставлять без внимания возможные негативные последствия их применения, прежде всего в деле защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В этом отношении перспективными направлениями в развитии методик и технологий, оценке получаемых результатов нужно рассматривать вопросы, связанные с последствиями внедрения цифровых технологий, преодоления обвинительного уклона, прогнозированием и диагностикой возможных ошибок и целый ряд других направлений.

Основанием или «заказом» для совершенствования традиционных, давно устоявшихся криминалистических методик и технологий, разработки новых, не имеющих аналогов, с учетом современных достижений науки и техники являются проблемные вопросы, стоящие перед правоохранительной практикой.

При этом нельзя забывать о том, что нет пределов совершенствования для уже сформированных криминалистических методик и технологий, так же как и нет пределов развития науки и техники.

Авторский коллектив

Редакционная коллегия

Дмитрий Владимирович Ким (научный редактор), д-р юрид. наук, проф., начальник Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск.

Александр Иванович Баянов (ответственный редактор), доц., канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Члены редколлегии – доктора юридических наук

Николай Михайлович Букаев, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского института (филиала) МГЮА им О. Е. Кутафина, г. Оренбург.

Юрий Петрович Гармаев, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета им. Джоржи Банзарова, проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, г. Улан-Удэ.

Николай Семенович Железняк, проф., проф. кафедры оперативно-розыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России, заслуженный юрист РФ, г. Красноярск.

Лариса Петровна Климович, доц., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Николай Юрьевич Лебедев, доц., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск.

Александр Дмитриевич Назаров, доц., зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, проф. кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск.

Авторы – доктора юридических наук

Фарит Гизарович Аминев, доц., проф. кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума союза «Палата судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова (СУДЭКС)», исполнительный директор Урало-Поволжского объединения судебных экспертов, г. Уфа.

Рамиль Линарович Ахмедшин, проф., проф. кафедры криминалистики Томского государственного университета, г. Томск.

Нонна Юрьевна Волосова, доц., зав. кафедрой уголовного права Оренбургского государственного университета, г. Оренбург.

Сергей Иванович Давыдов, доц., зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Алексей Степанович Князьков, доц., проф. кафедры криминалистики Томского государственного университета, г. Томск.

Яков Маркиянович Мазунин, проф., проф. кафедры криминалистики Омской академии МВД России, заслуженный юрист РФ, г. Омск.

Евгений Владимирович Смахтин, проф., зав. кафедрой уголовного права и процесса Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

Николай Павлович Яблоков, проф., проф. кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, г. Москва.

Авторы – кандидаты юридических наук

Наталья Владимировна Ахмедшина, доц., доц. кафедры уголовного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, г. Томск.

Павел Григорьевич Великородный, доц., доц. кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Саратовского социально-экономического института (филиал) РЭУ имени Г.В. Плеханова, г. Саратов.

Сергей Иванович Винокуров, доц., ведущий научный сотрудник Университета прокуратуры Российской Федерации, заслуженный юрист РФ, г. Москва.

Ирина Анатольевна Журавлева, доц., доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Инна Геннадьевна Иванова, доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Елена Евгеньевна Космодемьянская, доц., доц. кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России, доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Иван Тимофеевич Кривошеин, доц., доц. кафедры криминалистики Томского государственного университета, г. Томск.

Людмила Викторовна Майорова, доц., доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Яна Михайловна Плошкина, доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Владимир Борисович Стукалин, доц., доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск.

Авторы

Владимир Лишиньевич Юань, ст. преподаватель Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Томск.

Татьяна Александровна Алексеева, преподаватель Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Томск.

Мариам Гагиковна Арутюнян, аспирант кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва.

Иван Владимирович Стукалин, курсант 5 курса «К» Волгоградской академии МВД РФ, г. Волгоград.

Научное издание

Ким Дмитрий Владимирович, **Баянов** Александр Иванович,
Букаев Николай Михайлович, **Гармаев** Юрий Петрович,
Железняк Николай Семенович, **Климович** Лариса Петровна,
Лебедев Николай Юрьевич, **Назаров** Александр Дмитриевич,
Аминев Фарит Гизарович, **Ахмедшин** Рамиль Линарович,
Волосова Нонна Юрьевна, **Давыдов** Сергей Иванович,
Князьков Алексей Степанович, **Мазунин** Яков Маркиянович,
Смахтин Евгений Владимирович, **Яблоков** Николай Павлович,
Ахмедшина Наталия Владимировна, **Великородный** Павел Григорьевич,
Винокуров Сергей Иванович, **Журавлева** Ирина Анатольевна,
Иванова Инна Геннадьевна, **Космодемьянская** Елена Евгеньевна,
Кривошеин Иван Тимофеевич, **Майорова** Людмила Викторовна,
Плошкина Яна Михайловна, **Стукалин** Владимир Борисович,
Юань Владимир Лишиньевич, **Алексеева** Татьяна Александровна,
Арутюнян Мариам Гагиковна, **Стукалин** Иван Владимирович

**Современные направления развития
криминалистических методик и технологий
в уголовном судопроизводстве**

Монография

Редактор Т. М. Пыжик
Корректор З. В. Малькова
Компьютерная верстка И. В. Гревцовой

Подписано в печать 17.12.2020. Печать плоская
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,25
Тираж 500 экз. Заказ № 10618

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

